

Санкт-Петербургский государственный университет

АНТИПОВ Андрей Михайлович

Выпускная квалификационная работа
**Формирование политики памяти институтов Европейского союза о
Второй мировой войне**

Уровень образования: Магистратура
Направление 41.04.05 «Международные отношения»
Основная образовательная программа
ВМ.5558.2018 «Европейские исследования»

Научный руководитель:
заведующий кафедрой европейских исследований ФМО СПбГУ,
профессор, доктор исторических наук,
Константин Константинович Худолей

Рецензент:
профессор института политологии Тартуского университета,
доцент, кандидат исторических наук,
Морозов Вячеслав Евгеньевич

Санкт-Петербург
2020

Оглавление	
Введение	4
Глава 1. Теоретические аспекты коллективной памяти в наднациональных сообществах и постнациях и их политики памяти	16
1.1. Основные положения конструктивистского подхода в исследованиях социальной реальности, международных отношений и европейских исследования.....	16
1.2. Применение конструктивистского подхода для изучения коллективной памяти в транснациональных сообществах и постнациях и их политики памяти	25
Глава 2. Исторические предпосылки формирования политики памяти институтов Европейского союза о Второй мировой войне	40
2.1. Становление коллективной памяти и политики памяти о Второй мировой войне стран Западной Европы и западноевропейской общественности.....	40
2.2. Становление коллективной памяти и политики памяти о Второй мировой войне стран Восточной Европы и восточноевропейской общественности	52
2.3. Становление коллективной памяти и политики памяти о Второй мировой войне европейской общественности.....	56
Глава 3. Содержание политики памяти институтов Европейского союза о Второй мировой войне	66
3.1. Внутри- и внешнеполитические факторы политики памяти институтов Европейского союза о Второй мировой войне.....	66
3.2. Цели и задачи политики памяти институтов Европейского союза о Второй мировой войне.....	77
3.3. Исторический нарратив и ключевые практики “вспоминания” и “забывания” политики памяти институтов Европейского союза о Второй мировой войне	84
Глава 4. Роль институтов Европейского союза в создании “мест памяти”, коммеморациях, выработке стандартов коммеморации и законах памяти о Второй мировой войне	94
4.1. Основные институты Европейского союза – участники политики памяти о Второй мировой войне и основные сферы деятельности и направления реализации политики памяти институтов Европейского союза о Второй мировой войне	94

4.2. Участие институтов Европейского союза в создании “мест памяти” и коммеморациях Второй мировой войны	100
4.3. Участие институтов Европейского союза в формировании стандартов проектов коммеморации Второй мировой войны.....	110
4.4. Участие институтов Европейского союза в формировании “законов памяти” о Второй мировой войне.....	119
Заключение.....	122
Список использованной литературы.....	125
Список использованных источников.....	131

Введение

Практическая актуальность исследования обусловлена следующим:

1. Начиная с конца 1980-х гг. и по сей день «все социальные, этнические и семейные группы пережили глубокое изменение традиционного отношения к прошлому», что привело к тому, что в мире господствует, провозглашённая П. Нора, “эпоха всемирного торжества памяти” или же “мемориальная эпоха”, в рамках которой «слово “память” получило такой общий и экстенсивный смысл, что имеет тенденцию вообще попросту вытеснить слово “история”»¹. Это обуславливает актуальность исследований роли коллективной памяти в современном мире, особенно в социально-психологическом измерении.

2. Изменение соотношения и взаимоотношения истории и памяти, изменение роли исторической науки, которая оказалась поставленной «на службу памяти»², обуславливает актуальность исследований роли политики памяти в формировании коллективной памяти.

3. Изменение смысла “идентичности”, которая «из индивидуального понятия ... стала коллективным, а из субъективного - как бы логическим и объективным», повышение значимости идентичности, которая, ввиду внешних требования самоопределения стала “долгом”, обуславливает актуальность исследований роли коллективной памяти в формировании коллективной идентичности.

4. Существование у ряда народов мира коллективных травм, влияющих на внутреннюю и внешнюю политику их стран, ставшее фактором международной политики, обуславливает актуальность исследований роли коллективных травм в формировании коллективной памяти и политики памяти как средства влияния на коллективные травмы.

5. «Всё более интенсивное использование прошлого - политическое, туристическое, коммерческое»³ обуславливает необходимость обращения к опыту разных акторов такого использования прошлого в рамках их политики памяти.

6. Конфликтность в сфере интерпретации прошлого на мировой арене приобрела настолько острый характер, что привела к возникновению такого феномена как

¹ Нора П. Всемирное торжество памяти [Электронный ресурс] / П. Нора // Неприкосновенный запас, 2002. – URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/nora22.html> (дата обращения: 20.05.2020)

² Там же

³ Там же

“войны памяти”⁴, в которых коллективная память выступает как “орудие войны”. Исследователи считают, что одна из наиболее актуальных войн памяти, это та которая “разгорается в Европе против России” относительно Второй мировой войны⁵. Это обуславливает актуальность исследований роли политики памяти в эскалации “войн памяти” и их урегулировании.

7. Во многих посткоммунистических странах, по мнению А. Миллера, в рамках политики инструментализации консервативных сил «прошлое превратилось в первую очередь в оружие борьбы на внутри- и внешнеполитическом фронте»⁶. Это обуславливает актуальность исследований роли политики памяти как инструмента внутренней и внешней политики разных акторов, как государственных, так и негосударственных, в т.ч. наднациональных.

8. Наблюдается разница коллективной памяти и политики о Второй мировой войне и тоталитарном прошлом у разных народов и социальных групп России: «В постсоветской России идентификация с СССР характерна для охранительных позиций, тогда как западники хотят строить новую Россию на отрицании советского прошлого»⁷. Исследователи признают наличие в России «“второй памяти”, которая вырастает снизу и скорее вопреки, чем благодаря политике властей»⁸. Это обуславливает необходимость обращения к успешному опыту политик памяти о Второй мировой войне и тоталитарном прошлом, т.е. тех, которые способствуют “диалогу между разными идеологическими платформами”, “участию народа в демократической политике” и «строительству прогрессивного общества [...], в котором существовала бы плюралистичная, демократическая историческая память»⁹.

9. В контексте значимости для России её взаимоотношений с Европейским союзом и его странами-членами важно знать характер коллективной памяти и политики памяти европейской общественности, стран-членов Европейского союза и институтов Европейского союза, поскольку это позволяет «лучше понять перспективы и ориентиры,

⁴ Миллер, А. Политика памяти в посткоммунистической Европе и ее воздействие на европейскую культуру памяти / А. Миллер // Политика. - 2016. № 1 (80). - С. 111

⁵ Miller, A. “Ungeschoren wird niemand davonkommen” [Электронный ресурс] / A. Miller // Welt, 2020. – URL: https://www.welt.de/print/die_welt/politik/article207799355/Ungeschoren-wird-niemand-davonkommen.html (дата обращения: 20.05.2020)

⁶ Миллер А. Указ. соч., 2016. С. 113-114

⁷ Морозов, В. Выступление на круглом столе «Какое прошлое нужно будущему России?» на конференции «Пути России — 2017» (МВШСЭН, 25 марта 2017 г.) [Электронный ресурс] / В. Морозов // Историческая экспертиза. 2017. № 3. - С. 86-92. – URL: https://istorex.ru/page/morozov_v_kakoe_proshloe_nuzhno_buduschemu_rossii (дата обращения: 20.05.2020)

⁸ Там же

⁹ Там же

на которые направлены процессы национальной идентификации»¹⁰.

10. Потеря историками «традиционной монополии на интерпретацию прошлого», в «порождении прошлого»¹¹ вызывает необходимость противопоставить «долгу памяти» «долг истории», что обуславливает необходимость изучения методов защиты исторической науки от вмешательства политики памяти.

Научная актуальность исследования обусловлена следующим:

1. Исследования памяти представляются важнейшим инструментом при междисциплинарном анализе исторических и современных процессов, связанных с переосмыслением концепции памяти и интегративным дискурсом.

2. Значительная часть исследователей говоря об иерархичности коллективной памяти признаёт наличие таковой на уровне индивида, малой социальной группы и нации, наднациональный уровень не рассматривается¹².

3. Современные европейские исследования, несмотря на их междисциплинарный характер, используют инструменты политологии и международных отношений, игнорируя социально-психологический инструментарий.

Объект исследования – исторический нарратив и коммеморативные практики институтов Европейского союза о Второй мировой войне.

Предмет исследования – институты Европейского союза, их направления политики и социально-психологическая и социально-политическая реальность Европейского союза и стран-членов.

Цель исследования заключается в определении роли политики памяти институтов Европейского союза о Второй мировой войне в современном европейском пространстве памяти, а также характера этой политики памяти, её исторического нарратива и основных коммеморативных практик.

Поставленная цель определяет **задачи исследования**:

1. установление основных институтов Европейского союза, задействованных в политике памяти о Второй мировой войне.

2. рассмотрение господствующих исторических нарративов о Второй мировой войне в Европейском союзе, в т.ч. нарратива еврократов и институтов Европейского союза.

¹⁰ Карагезов, Р. Коллективная память и национальная идентичность в эпоху глобализации (на материале эмпирического исследования молодежи Азербайджана) [Электронный ресурс] / Р. Карагезов // Кавказ и глобализация, 2009, Т.3. в. 1., С. 118

¹¹ Нора П. Указ. соч.

¹² Карагезов Р. Указ. соч. С. 119

3. определение ключевых внутри- и внешнеполитических факторов политики памяти институтов Европейского союза о Второй мировой войне, обуславливающих характер её исторического нарратива, её ключевые практики и её эффективность.

4. установление цели и задач политики памяти институтов Европейского союза о Второй мировой войне.

5. рассмотрение основных проявлений политики памяти в направлениях политики Европейского союза.

Хронологические рамки исследования охватывают период 1960-2010-х гг. Нижняя временная граница обусловлена актуализацией Второй мировой войны в политике памяти стран-членов Европейского Сообщества. Верхний хронологический рубеж связан с последними коммеморативными практиками институтов Европейского союза о Второй мировой войне.

Территориальные рамки исследования охватывают в первую очередь территорию Европейского союза и его отдельных регионов и стран-членов.

Методология исследования обусловлена состоянием изученности избранной темы, основывается на принципах историзма и источниковедческой критики. Характер исследования предполагает использование широкого круга общенаучных и общеисторических методов при комплексном подходе, сочетании макро- и микроуровней. Прежде всего тема диссертации раскрывается при помощи проблемно-хронологического метода изучения материала.

При изучении нарративных источников политики памяти институтов Европейского союза о Второй мировой войне (политических выступлений, заявлений, информационных материалов) применялся интент-анализ, позволяющий определить их смысл и подтекст.

При изучения информационных и статических источников (перечни проектов-победителей грантовых конкурсов) применялся контент-анализ, позволяющий определить наиболее характерные элементы исторических нарративов и ключевые коммеморативные практики.

При изучении факторов политики памяти институтов Европейского союза о Второй мировой войне применялся системный подход, позволяющий определить основные детерминанты процесса принятия решений в ней.

Степень **изученности темы** характеризуется в трёх отношениях: с одной стороны представлена история изучения социального конструктивизма и его основных аспектов, коллективной памяти и политики памяти в целом, с другой стороны, особое внимание

уделено истории изучения коллективной памяти и политике памяти о Второй мировой войне в Европе в целом, а также истории изучения коллективной памяти и политике памяти институтов Европейского союза о Второй мировой войне.

Начало активного изучения социального конструктивизма и его основных аспектов в целом относят к 1960-1990-м гг., хотя отдельные значимые социологические и социально-антропологические работы в этой сфере, заложившие её основу, относятся ещё к 1910-1920-м гг. Наиболее актуальными работами, связанными с этим, являются работы одного из пионеров социального конструктивизма в области международных отношений – А. Вендта¹³, одного из пионеров социального конструктивизма в области европейских исследований – Т. Рисса¹⁴, а также российских исследователей А. Крейцера¹⁵, В. Морозова¹⁶, А. Улановского¹⁷, Н. Федотовой¹⁸ и О. Цендровского¹⁹. Изучению коллективной памяти и политики памяти как таковой посвящены работы пионера исследований коллективной памяти и политики памяти – М. Хальбвакса²⁰, а также А. Ассман²¹ и отдельные аспекты работ российского исследователя Р. Карагезова²².

Изучение аспектов социального конструктивизма, коллективной памяти и политики памяти дополняется отдельными социально-психологическими и социально-политическими теориями, концептами и идеями, ввиду этого для исследования значимы работы А. Гронского²³ и Э. Фромма²⁴ о концептах авторитарной и тоталитарной личности,

¹³ Wendt, A. *Social Theory of International Politics* / A. Wendt - Cambridge: Cambridge University Press, 1999. - 429 p.

¹⁴ Risse, T. *Social Constructivism and European Integration* / T. Risse // *European Integration Theory*. Oxford University Press: Oxford., 2005. – P. 159-176

¹⁵ Крейцер, А. Л. С. Выготский: знак против символа [Электронный ресурс] / А. Крейцер // *Universum: Вестник Герценовского университета*, 2011. №11 (97) - С. 79-82

¹⁶ Морозов, В. Понятие государственной идентичности в современном теоретическом дискурсе / В. Морозов // *Международные процессы*, Т. 4. № 1(10). Январь-апрель 2006. – С. 82-94

¹⁷ Улановский, А. Конструктивизм, радикальный конструктивизм, социальный конструктивизм: мир как интерпретация / А. Улановский // *Вопросы психологии*. — 2009. — № 2. — С. 35–45

¹⁸ Федотова, Н. Концепции идентичности в условиях нелинейной социокультурной динамики / Н. Федотова // *Знание. Понимание. Умение*. 2013 – № 2. – С. 52-62

¹⁹ Цендровский, О. Эпистемология феноменологического конструктивизма: возможности преодоления изъянов классических концепций истины / О. Цендровский // *Философская мысль*. – 2014. – № 2. – С. 187-211

²⁰ Хальбвакс М. Коллективная и историческая память [Электронный ресурс] / М. Хальбвакс // *Горький Медиа* – URL: <https://magazines.gorky.media/nz/2005/2/kollektivnaya-i-istoricheskaya-pamyat.html> (дата обращения: 20.05.2020)

²¹ Ассман А. *Длинная тень прошлого. Мемориальная культура и историческая политика*. М.: Новое лит. обозрение, 2014. – 328 с.

²² Карагезов, Р. Коллективная память и национальная идентичность в эпоху глобализации (на материале эмпирического исследования молодежи Азербайджана) / Р. Карагезов // *Кавказ и глобализация*, 2009, Т.3. в. 1., С. 113-124

²³ Гронский, А. О концептах авторитарной и тоталитарной личности [Электронный ресурс] / А. Гронский // *Журнал Практической Психологии и Психоанализа*, 2018. – URL: <https://psyjournal.ru/articles/o-konceptah-avtoritarnoy-i-totalitarnoy-lichnosti> (дата обращения: 20.05.2020)

работы Ж. Бодрийяра²⁵ о концепте виктимальности и работы Л. Морено²⁶ о концептах двойной и множественной идентичности.

Активное изучение коллективной памяти и политики памяти о Второй мировой войне в Европе в целом, в т.ч. в Западной Европе и Восточной Европе началось в 1990-2000-х гг. Этому посвящены работы пионерки исследования европейского пространства памяти - А. Ассман²⁷, Р. Ванагайте²⁸, Б. Геремека²⁹, Э. Друа³⁰, П. Лагру³¹, В. Мерса³², А. Пыжика³³, Т. Снайдера³⁴, Р. Стрэдингга³⁵, Э. Траверсо³⁶, а также российских исследователей Ю. Ковальчука³⁷, И. Крастева³⁸, А. Миллера³⁹, В. Трухачева⁴⁰ и Н.

²⁴ Фромм, Э. Бегство от свободы / Э. Фромм – М.: АСТ, 2006. – 571 с.

²⁵ Бодрийяр, Ж. Не жалей Сараево! / *Le crime parfait* (1995), рус. Перевод А. Качалов 2015 г., — М.: Рипол-классик, 2018. [Электронный ресурс]. – URL: <https://syg.ma/@exsi-exsistencia/zhan-bodriiar-nie-zhaliei-saraievo> (дата обращения: 20.05.2020)

²⁶ Moreno, L. Scotland, Catalonia, Europeanization and the Moreno question // *Scottish Affairs*. 2006. № 54. P. 1-21

²⁷ Ассман, А. Существует ли глобальная память о Холокосте? Расширение и границы нового сообщества памяти / А. Ассман // *Историческая экспертиза*. 2017. № 4. - С. 9-30

²⁸ Ванагайте, Р. Выступление на третьем заседании Интеллектуального клуба Светланы Алексиевич, 2017. [Электронный ресурс] / Р. Ванагайте // YouTube. – URL: <https://www.youtube.com/watch?v=QFsiKLKCIuM> (дата обращения: 20.05.2020)

²⁹ Geremek, B. Common Memory and European Identity / B. Geremek // *Politics of the Past: The Use and Abuse of History*, 2009. – 253 p. – P. 31-42

³⁰ Droit, E. The Gulag and the Holocaust in Opposition: Official Memories and Memory Cultures in Enlarged Europe // *Vingtieme Siecle. Revue d'histoire*. 2007. No94 (2). P. 101–120

³¹ Lagrou, P. Memories of totalitarianism. Asymmetry of memory, East & West and the Holocaust // *Memory and Responsibility. The legacy of Jan Karski / E.Smolar* (dir.). Warsaw: Semper Scientific Publishers, 2015. P. 182–192

³² Meurs, W. History and Politics: Recommendations from a New Comparative Agenda / W. Meurs // *Politics of the Past: The Use and Abuse of History*, 2009. – 253 p. – P. 87-95

³³ Pyzik, A. Curating a nation: why the controversy around Gdańsk's new WW2 museum matters [Электронный ресурс] / A. Pyzik // *The Calvert Journal*, 2017. – URL: <https://www.calvertjournal.com/articles/show/8066/curating-a-nation-controversy-gdansk-ww2-museum> (дата обращения: 20.05.2020)

³⁴ Snyder, T. Poland vs. History [Электронный ресурс] / T. Snyder // *NYRDaily*, 2016. – URL: <https://www.nybooks.com/daily/2016/05/03/poland-vs-history-museum-gdansk/> (дата обращения: 20.05.2020)

³⁵ Stradling, R. Report on The European Content of the School History Curriculum for Council for Cultural Co-operation / R. Stradling // *Council of Europe. Council for Cultural Co-operation*. Strasbourg, 1995. - 41 pp. [Электронный ресурс]. – URL: <https://rm.coe.int/CoERMPublicCommonSearchServices/DisplayDCTMContent?documentId=090000168049443a> (дата обращения: 20.05.2020)

³⁶ Traverso, E. 'Vom kritischen Gebrauch der Erinnerung' / E. Traverso // *Vom kritischen Gebrauch der Erinnerung* // T. Flierl, E. Müller (eds). - Berlin: Karl Dietz Verlag, 2009. - P. 27–46

³⁷ Ковальчук, Ю. Усташи никого не убивали – Хорватия чествует новых героев [Электронный ресурс] / Ю. Ковальчук // *Балканист*, 2019. – URL: <https://balkanist.ru/ustashi-nikogo-ne-ubivali-horvatiya-prazduet-novyh-geroev/> (дата обращения: 20.05.2020)

³⁸ Крастев, И. Универсальные ценности и глобальные интересы [Электронный ресурс] / И. Крастев // форум “В поисках утраченного универсализма”, панельная дискуссия “Универсальные ценности и глобальные интересы цивилизации”, 2016. – URL: <http://i.civiceducation.ru/story/31256> (дата обращения: 20.05.2020)

³⁹ Миллер, А. Политика памяти в посткоммунистической Европе и ее воздействие на европейскую культуру памяти / А. Миллер // *Полития*. - 2016. № 1 (80). - С. 111–121; Miller, A. “Ungeschoren wird niemand davonkommen” [Электронный ресурс] / A. Miller // *Welt*, 2020. – URL: https://www.welt.de/print/die_welt/politik/article207799355/Ungeschoren-wird-niemand-davonkommen.html (дата обращения: 20.05.2020)

⁴⁰ Трухачев, В. Сомнительные “воспоминания” Хорватии [Электронный ресурс] / В. Трухачев // *Правда.ру*, 2010. – URL: <https://www.pravda.ru/world/1031429-hrvatska/> (дата обращения: 20.05.2020)

Эппле⁴¹. Также важны работы, связанные с изучением социально-психологических и социально-психологических и социально-политических трансформаций и аспектов Европы, её стран и народов в XX-XXI в., здесь интерес представляют работы Ж. Бодрийяра⁴², М. Кундеры⁴³, Л. Морено⁴⁴, П. Нора⁴⁵ и Э. Фромма⁴⁶.

Изучение коллективной памяти и политики памяти институтов Европейского союза о Второй мировой войне началось относительно недавно – первые работы относятся к началу 2000-х гг., активная публикация началась в начале 2010-х гг. Наиболее актуальными работами, связанными с этим, являются работы А. Вэренса⁴⁷, О. Каллигаро⁴⁸, А. Литто-Монне⁴⁹, Л. Ноймайера⁵⁰, М. Прутша⁵¹ и российских исследователей, которые проявили к этой теме интерес, сравнимый с интересом европейского научного сообщества: М. Гетман⁵², Д. Ефременко⁵³, Н. Малышевой⁵⁴, Н. Медушевского⁵⁵, упоминавшегося ранее А. Миллера⁵⁶ и Д. Рябова⁵⁷.

⁴¹ Эппле, Н. Внешняя политика памяти [Электронный ресурс] / Н. Эппле // InLiberty, 2017. – URL: <http://old.inliberty.ru/blog/2546-Vneshnyaya-politika-pamyati> (дата обращения: 20.05.2020)

⁴² Бодрийяр, Ж. Не жалея Сараево! / *Le crime parfait* (1995), рус. Перевод А. Качалов 2015 г., — М.: Рипол-классик, 2018. [Электронный ресурс]. – URL: <https://syg.ma/@exsi-exsistencia/zhan-bodriiar-nie-zhaliei-saraievo> (дата обращения: 20.05.2020)

⁴³ Kundera, M. The tragedy of central Europe / M. Kundera // *The New York Review of Books* (pre-1986); Apr 26, 1984; 31, 007; ProQuest Central. - P. 33-38

⁴⁴ Moreno, L. Scotland, Catalonia, Europeanization and the Moreno question // *Scottish Affairs*. 2006. № 54. P. 1-21

⁴⁵ Нора, П. Всемирное торжество памяти [Электронный ресурс] / П. Нора // Неприкосновенный запас, 2002. – URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/nora22.html> (дата обращения: 20.05.2020)

⁴⁶ Фромм, Э. Иметь или быть / Э. Фромм – М.: АСТ, 2000. - 448 с.

⁴⁷ Wæhrens, A. Shared Memories? Politics of Memory and Holocaust Remembrance in the European Parliament 1989-2009 // *DIIS Working Paper*. 2011. Vol. 06. - 24 p.

⁴⁸ Calligaro, O. Legitimation Through Remembrance? The Changing Regimes of Historicity of European Integration // *Journal of Contemporary European Studies*. 2015. Vol. 23, № 3. P. 330–343

⁴⁹ Littoz-Monnet, A. Explaining Policy Conflict across Institutional Venues: European Union-Level Struggles over the Memory of the Holocaust // *Journal of Common Market Studies*. 2013. Vol. 51, No 3. P. 489–504

⁵⁰ Neumayer, L. Integrating the Central European Past into a Common Narrative: The Mobilizations Around the “Crimes of Communism” in the European Parliament // *Journal of Contemporary European Studies*. 2015. Vol. 23, № 3. P. 344–363

⁵¹ Prutsch, M. European historical memory: policies, challenges and perspectives / M. Prutsch // *European Parliament. Directorate General for Internal Policies. Policy Department B: Structural and Cohesion Policies*. Brussels 2015. - 46 p.

⁵² Гетман, М. Изменения в политике памяти Европейского союза (1970-2009) / М. Гетман // *Вестник Томского государственного университета. История*. – 2019. № 60. - С. 106-114

⁵³ Ефременко, Д. Историческая память и наднациональная идентичность. Случай Европейского союза / Д. Ефременко // *Методологические вопросы изучения политики памяти* / отв. ред. Миллер А., Ефременко Д. - М.-СПб: Нестор-История, 2018. — 224 с. - С. 110-126

⁵⁴ Малышева, Н. Формирование ЕС в политике памяти европейских государств / Н. Малышева // *Дневник алтайской школы политических исследований*, 2019. №35. - С. 158-161

⁵⁵ Медушевский, Н. Политика памяти в Европейском союзе как инструмент реализации интеграционного процесса / Н. Медушевский // *Власть*, 2019. №3. - С. 167-174

⁵⁶ Миллер, А. Коллективная память – одна из опор ЕС? / А. Миллер // *Pro et Contra*. – 2012. №1-2. - С. 43-49

⁵⁷ Рябов, Д. Политика памяти в формировании европейской идентичности ЕС / Д. Рябов // *PolitBook*. - 2016. №4. - С. 65-83

В целом, существует значительный спектр литературы, посвящённый социальному конструктивизму и его отдельным аспектам, политике памяти и коллективной памяти, которые позволяют выстроить теоретические рамки работы. История коллективной памяти и политики памяти о Второй мировой войне в Европе имеет обширную литературу, опубликованную как в России, так и за рубежом, показателен интерес российских исследователей к этой теме в 2010-е гг. Во многих научных работах приведены важные сведения относительно отдельных элементов нарратива и коммеморативных практик институтов ЕС о Второй мировой войне, однако ещё не предпринималось комплексное исследование относительно всего их спектра в контексте социально-психологической и социально-политической реальности Европейского союза и стран-членов. Восполнить этот пробел призвано данное исследование.

Источниковая база исследования включает довольно широкий круг материалов, которые могут быть разделены на несколько групп.

Задача рассмотрения господствующих исторических нарративов о Второй мировой войне в Европейском союзе, в т.ч. нарратива еврократов и институтов Европейского союза решалась с привлечением, прежде всего, такой группы источников, как актовые документы: выводы Совета ЕС⁵⁸, рамочные решения Совета ЕС⁵⁹, совместные действия Совета ЕС⁶⁰, декларации Совета ЕС⁶¹, резолюции Европейского парламента⁶² и декларации Европейского парламента⁶³.

Также для решения этой задачи была важна такая группа источников, как нарративные документы и материалы: требования и рекомендации участия в конкурсах

⁵⁸ Council of the European Union. Council Conclusions on the Memory of the Crimes Committed by Totalitarian Regimes in Europe, 9-10 June 2011 [Электронный ресурс] // Council of the European Union, 2011. – URL: http://www.consilium.europa.eu/uedocs/cms_data/docs/pressdata/en/jha/122521.pdf (дата обращения: 20.05.2020)

⁵⁹ Council of the European Union. Framework decision on Racism and Xenophobia, Luxembourg, 19 April 2007. 8665/07 (Presse 84) [Электронный ресурс] // Council of the European Union, 2007. – URL: https://www.consilium.europa.eu/ueDocs/cms_Data/docs/pressData/en/misc/93739.pdf (дата обращения: 20.05.2020)

⁶⁰ Council of the European Union. Joint Action of 15 July 1996 adopted by the Council on the basis of Article K.3 of the Treaty on European Union, concerning action to combat racism and xenophobia [Электронный ресурс] // EUR-Lex, 1996. – URL: <https://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=CELEX:31996F0443:EN:HTML> (дата обращения: 20.05.2020)

⁶¹ Council of the European Union. Warsaw Declaration of 23 August 2011 on the Occasion of the European Day of Remembrance for Victims of Totalitarian Regimes [Электронный ресурс] // Instytut Pamięci Narodowej, 2011. – URL: <http://www.ipn.gov.pl/download.php?s=2&id=1175> (дата обращения: 20.05.2020)

⁶² European Parliament. European Parliament resolution of 2 April 2009 on European conscience and totalitarianism [Электронный ресурс] // European Parliament, 2009. – URL: <http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?pubRef=-//EP//TEXT+TA+P6-TA-2009-0213+0+DOC+XML+V0//EN&language=EN> (дата обращения: 20.05.2020)

⁶³ European Parliament. Declaration of the European Parliament of 10 May 2012 on support for the establishment of a European Day of Remembrance for the Righteous [Электронный ресурс] // EUR-Lex, 2012. – URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/HR/TXT/?uri=CELEX:52012XP0205> (дата обращения: 20.05.2020)

Европейской комиссии⁶⁴, описания проектов-победителей конкурсов Европейской комиссии⁶⁵, заявления и речи Президента Европейской комиссии⁶⁶, Вице-Президента и комиссаров Европейской комиссии⁶⁷, заявления и речи Президента Европейского парламента⁶⁸, пособия агентств Европейского союза⁶⁹ и экспозиции музеев, ассоциированных с институтами Европейского союза⁷⁰.

Установление цели и задач политики памяти институтов Европейского союза о Второй мировой войне, рассмотрение основных проявлений политики памяти в направлениях политики Европейского союза и установление основных институтов Европейского союза, задействованных в политике памяти о Второй мировой войне решалось с привлечением, прежде всего, такой группы источников, как информационно-статистические материалы: описания проектов-победителей конкурсов Европейской комиссии⁷¹, информационные заметки институтов ЕС о мероприятиях⁷², исследования директоров Европейского парламента⁷³, а также программные документы: рабочие программы Европейской комиссии⁷⁴.

⁶⁴ European Capital of Culture. Compendium of recommendations from ex-post evaluations of European Capitals of Culture 2007-2016 [Электронный ресурс] // European Capital of Culture, 2018. – 14 p. – URL: https://ec.europa.eu/programmes/creative-europe/sites/creative-europe/files/files/ecoc-compendium-recommendations_en.pdf (дата обращения: 20.05.2020)

⁶⁵ European Commission. Europe for Citizens programme. Strand 1 - European Remembrance. Selection 2014. List of projects granted [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.ff.umb.sk/app/cmsSiteAttachment.php?ID=2758> (дата обращения: 20.05.2020)

⁶⁶ European Commission. Message by President Jean-Claude Juncker on the occasion of Holocaust Remembrance Day 2018 [Электронный ресурс] // European Commission, 2018. – URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/STATEMENT_18_393 (дата обращения: 20.05.2020)

⁶⁷ European Commission. Statement by First Vice-President Timmermans and Commissioner Jourová ahead of the Europe-Wide Day of Remembrance for the victims of all totalitarian and authoritarian regimes on 22 August 2019. [Электронный ресурс] // European Commission, 2019. – URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/statement_19_5411 (дата обращения: 20.05.2020)

⁶⁸ Sassoli, P. Speech by President Sassoli of 3 July 2019 [Электронный ресурс] // European Parliament, 2019. – URL: <https://europarl.europa.eu/the-president/home/ep-newsroom/pageContent-area/newsroom/speech-by-president-sassoli.html> (дата обращения: 20.05.2020)

⁶⁹ European Union Agency for Fundamental Rights. Excursion to the past – teaching for the future: Handbook for teachers, 2010. – 52 pp. [Электронный ресурс]. – URL: https://fra.europa.eu/sites/default/files/fra_uploads/1218-Handbook-teachers-holocaust-education_EN.pdf (дата обращения: 20.05.2020)

⁷⁰ House of European History. Europe in ruins [Электронный ресурс]. – URL: <https://historia-europa.ep.eu/en/permanent-exhibition/europe-ruins> (дата обращения: 20.05.2020)

⁷¹ European Commission. Europe for Citizens programme. Strand 1 - European Remembrance. Selection 2014. List of projects granted [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.ff.umb.sk/app/cmsSiteAttachment.php?ID=2758> (дата обращения: 20.05.2020)

⁷² European Commission. Migration and Home Affairs. Event "Taking stock of European Memory policies in 2019" [Электронный ресурс] // European Commission, 2019. – URL: https://ec.europa.eu/home-affairs/news/20191021_event-taking-stock-european-memory-policies-2019_en (дата обращения: 20.05.2020)

⁷³ European Parliament. Directorate-General for internal policies. European historical memory: policies, challenges and perspectives [Электронный ресурс] // European Parliament, 2015. – 46 p. – URL: https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/STUD/2015/540364/IPOL_STU%282015%29540364_EN.pdf (дата обращения: 20.05.2020)

⁷⁴ European Commission. Horizon 2020 Work Programme 2016-2017. 13. Europe in a changing world –inclusive,

Задача определения ключевых внутри- и внешнеполитических факторов политики памяти институтов Европейского союза о Второй мировой войне, обуславливающих характер её исторического нарратива, её ключевые практики и её эффективность также решалась с привлечением информационно-статистических материалов, в первую очередь, такой группы источников как статистические материалы Евробарометра⁷⁵.

Таким образом, по теме исследования существует широкий перечень опубликованных источников, позволяющий решить часть поставленных задач. При обращении к нарративным источникам учитывалась пристрастность их авторов, их идентичность и интересы.

Научная новизна исследования заключается в следующем:

1. Применение новейшего социально-психологического инструментария, связанного с исследованиями коллективной памяти и политики памяти, для изучения процессов формирования коллективной идентичности и политики интеграции.

2. Комплексное исследование исторического нарратива и коммеморативных практик политики памяти институтов ЕС о Второй мировой войне, которое включает в себя установление ключевых и наиболее часто транслирующихся элементов исторического нарратива и формирование возможного полного перечня коммеморативных практик в рамках направлений политики ЕС.

3. Комплексное исследование процесса формирования политики памяти институтов ЕС о Второй мировой войне, которое включает в себя установление ключевых факторов этой политики, обуславливающих её характер и эффективность и формирование возможно полного перечня акторов этой политики.

Результаты исследования были **апробированы** в виде статьи “Возможность формирования европейской нации (постнации)” в материалах научно-практической конференции “Государство, Общество и Церковь: российская нация и национальное единство” (г. Новосибирск, 2019)⁷⁶.

innovative and reflective Societies [Электронный ресурс] // European Commission, 2017. – 139 p. – URL: http://ec.europa.eu/research/participants/data/ref/h2020/wp/2016_2017/main/h2020-wp1617-societies_en.pdf (дата обращения: 20.05.2020)

⁷⁵ Standard Eurobarometer 89. Spring 2018. Standard Eurobarometer 89. Spring 2018. – 96 p. [Электронный ресурс]. – URL: <https://ec.europa.eu/commfrontoffice/publicopinion/index.cfm/ResultDoc/download/DocumentKy/83538> (дата обращения: 20.05.2020)

⁷⁶ Антипов, А. Возможность формирования европейской нации (постнации) / А. Антипов. // Государство, Общество и Церковь: российская нация и национальное единство: тезисы науч.-практ. конф. с международным участием (29-30 октября 2019 г., Новосибирск) в 2 ч. Ч. 1. / Рос. Акад. нар. хоз-ва и гос. службы при Президенте Рос. Федерации, Сиб. ин-т упр.; ред. Л. В. Савинова. – Новосибирск: Изд-во

Структура работы обусловлена целью, поставленными задачами исследования и комплексным характером исследования. Работа состоит из введения, четырёх глав, заключения, перечня использованных источников и литературы. Во введении обосновываются актуальность темы, формулируются цели и задачи работы, рассматривается источниковая база и историография вопроса, формулируются научная новизна, теоретическая и практическая значимость работы.

В первой главе «Теоретические аспекты коллективной памяти в наднациональных сообществах и постнациях и их политики памяти» рассматриваются основные положения социального конструктивизма в исследованиях социальной реальности, международных отношений и европейских исследованиях и обосновывается применение конструктивистского подхода для изучения коллективной памяти в транснациональных сообществах и постнациях и их политики памяти, выводятся основные принципы функционирования коллективной памяти и политики памяти в наднациональных сообществах и постнациях.

Во второй главе «Исторические предпосылки формирования политики памяти институтов ЕС о Второй мировой войне» рассматривается становление коллективной памяти и политики памяти о Второй мировой войне стран Западной Европы и западноевропейской общественности, стран Восточной Европы и восточноевропейской общественности и европейской общественности и соответствие их функционирования логике социального конструктивизма в международных отношениях и коллективной памяти и политики памяти в нациях и сообществах.

Третья глава «Содержание политики памяти Европейского союза о Второй мировой войне» рассматривает основные внутри- и внешнеполитические факторы политики памяти Европейского союза о Второй мировой войне, цели и задачи политики памяти Европейского союза о Второй мировой войне, исторический нарратив и ключевые практики “вспоминания” и “забывания” политики памяти Европейского союза о Второй мировой войне и соответствие их функционирования логике социального конструктивизма в коллективной памяти и политики памяти в наднациональных сообществах, их институтах и элитах.

В четвёртой главе «Роль институтов Европейского союза в создании “мест памяти”, коммеморациях, выработке стандартов коммеморации и законах памяти о Второй мировой войне» рассматриваются основные институты Европейского союза –

участники политики памяти Европейского союза о Второй мировой войне и основные сферы деятельности и направления реализации политики памяти Европейского союза о Второй мировой войне, а также их основные практики политики памяти, в т.ч. участие в создании “мест памяти” и коммеморациях Второй мировой войны, в формировании стандартов проектов коммеморации Второй мировой войны и в формировании “законов памяти” о Второй мировой войне

Выводы по целям и задачам, представленным во введении, по проблемам, анализируемым в работе, а также рекомендации к будущим исследованиям, изложены в заключении.

Глава 1. Теоретические аспекты коллективной памяти в наднациональных сообществах и постнациях и их политики памяти

1.1. Основные положения конструктивистского подхода в исследованиях социальной реальности, международных отношений и европейских исследования

1.1.1. Основные черты конструктивистского подхода в исследованиях социальной реальности

А. Улановский приводит следующее определение конструктивизма (в узком смысле слова): «Конструктивизм — это разнородная группа теорий, созданных в психологии, социологии, философии, которые подчеркивают идею неотражательной, конструктивной природы познания, языковую и культурно историческую обусловленность сознания, опосредствованность познания и понимания мира индивидуальными конструктами, формируемыми в онтогенезе»⁷⁷. Проще говоря, конструктивизм придаёт особое значение смыслам, присвоенным материальным объектам, а не существованию этих объектов как таковых. Т.н. “крайний” конструктивизм отрицает наличие объективной истины и прочих наддискурсивных и надкультурных факторов, в т.ч. существование естественных законов у социальной, экономической и политической сфер, умеренный же конструктивизм признаёт наличие неких объективных реалий, на основе которых формируются конструкты⁷⁸. В самом широком значении конструктивизм считается противоположностью рационализму⁷⁹.

Конструктивистский подход или конструктивизм концентрируется на изучении социальной реальности. В основе социальной реальности лежит “конструкт” – значение, классификационно-оценочный шаблон, через который (человеческий) агент воспринимает мир, возникающий путём конструирования (построения, выстраивания) - из организации и согласования собственного опыта посредством интерпретации. Конструкт отражает специфику структурной и функциональной организации нашего организма, нервной системы, мозга и языка в контексте их взаимодействий со средой⁸⁰, т.е. зависит от когнитивных структур нашего сознания.

⁷⁷ Улановский А. Указ. соч. С. 36

⁷⁸ Цендровский О. Указ. соч.

⁷⁹ Морозов В. Указ. соч. 2006

⁸⁰ Улановский А. Указ. соч. С. 37

Наибольший интерес для исследования представляет социальный конструктивизм, который чаще всего и понимается под словом “конструктивизм”. Согласно конвенциональному конструктивизму (т.е. его “узкой” трактовке) вся социальная реальность, её отдельные элементы и структуры не “даны”, не “возникают из ниоткуда”⁸¹, не являются неизбежными последствиями человеческой природы или других существенных характеристик мировой политики, но опираются на то, как структура исторически и социально строится агентами посредством социальной практики через дискурс, т.е. преобразуется в конструкт. То, что социальная реальность конструируется через социальную практику, т.е. не индивидуально, кардинально отличает социальный конструктивизм от традиционного для западной философии убеждения, что знание – продукт восприятия и мышления исключительно познающего субъекта. Агенты не только конструируют структуры, но, благодаря своей свободной воле, воспроизводят и изменяют (реконструируют) их посредством своей повседневной практики, что и делает их “(социальной) реальностью”. Что касается дебатов о взаимосвязи агента и структуры, то конструктивизм считает, что «социальные структуры и агенты взаимно обусловлены», «существует взаимная конститутивность (социальных) структур и агентов»⁸². Т. Рисс пишет, что конструктивизм «основан на социальной онтологии, которая настаивает на том, что человеческие агенты не существуют независимо от их социальной среды и ее коллективно общих систем значений (культура в широком смысле)»⁸³. Таким образом, конструктивизм принципиально отличается от многих подходов и методологий тем, что в нём основной единицей является конструкт как “разделяемый смысл (идея, значение)”, в то время как иные подходы к изучению социальной реальности, например, методологический индивидуализм или теория рационального выбора рассматривают в качестве первичной единицы социальной жизни индивидуальное человеческое действие. Ввиду того, что конструктивизм сконцентрирован на понятиях, непосредственно связанных с мыслительной деятельностью человека, его методология «основана преимущественно на современных психологических, социологических, антропологических, лингвистических и нейробиологических исследованиях»⁸⁴.

Основная характеристика конструкта – его социальная конструируемость. Конструируемость достигается посредством дискурса - специфической формы

⁸¹ Risse T. Op. cit. P. 146

⁸² Ibid.

⁸³ Ibid.

⁸⁴ Улановский А. Указ. соч. С. 36

коммуникативного действия, в ходе которого агенты (в контексте дискурса также именуемые акторами) договариваются и достигают консенсуса о смыслах, значениях, понятиях и определениях, т.е. дискурс становится когнитивной процедурой. Т. Рисс пишет: «Акцент на коммуникативных и дискурсивных практиках является [...] характерной чертой социальных конструктивистских подходов»⁸⁵, «если мы хотим понять и объяснить социальное поведение, нам нужно серьезно относиться к словам, языку и коммуникативным высказываниям. Именно через дискурсивные практики агенты осмысливают мир и придают смысл своей деятельности»⁸⁶.

Дискурс может принимать разные формы: разговор, соглашение и иные социальные практики. Дискурс влияет также на когнитивные, эмоциональные, установочные аспекты. Т. Рисс пишет: «интересы, предпочтения и восприятие ситуации больше не фиксированы, а подвержены дискурсивным вызовам», «цель [дискурса] состоит не в том, чтобы достичь своих фиксированных предпочтений, а в том, чтобы добиться обоснованного консенсуса»⁸⁷. Таким образом, конструкты являются обычно продуктом не одного индивида, а «тесно связаны с внутригрупповым согласием в различных сообществах»⁸⁸ (т.е. человеческих коллективах), понятия группа, сообщество, коллектив, становятся одними из центральных для конструктивистов.

В исследовании дискурса конструктивисты опираются преимущественно на нарратологию, герменевтику, философию диалога, теорию речевых актов, литературоведение. Их совокупностью в социальном конструктивизме стала теория коммуникативного действия Ю. Хабермаса. Т. Рисс пишет: «Они [конструктивисты] сосредотачиваются на спорах и аргументации, как на агентурно-ориентированном способе взаимодействия, который позволяет субъектам оспаривать обоснованность претензий, присущих любому причинно-следственному или нормативному утверждению, и добиваться коммуникативного консенсуса относительно их понимания ситуации, а также обоснований принципов и норм, определяющие их действия, а не действовать исключительно на основе стратегических расчетов»⁸⁹. Успех актора в «споре и аргументации» зависит от рациональности аргумента – акторы «готовы быть убеждёнными лучшим аргументом»⁹⁰ и «готовы изменить свои взгляды на мир или даже

⁸⁵ Risse T. Op. cit. P. 149

⁸⁶ Ibid.

⁸⁷ Ibid.

⁸⁸ Улановский А. Указ. соч. С. 39

⁸⁹ Risse T. Op. cit. P. 149

⁹⁰ Ibid.

свои интересы в свете лучшего аргумента»⁹¹. Согласно данной теории, аргументы в дискурсе непосредственно связаны с языком и риторикой. Базовыми единицами, которыми оперируют язык и риторика, можно считать “знак” и “символ”. Данные термины были выведены советским психологом, основателем культурно-исторической психологии Львом Выготским. В понимании Выготского «знаки (прежде всего знаки языка) служат своего рода орудиями, оперируя которыми [посредством языка и риторики] субъект, воздействуя на другого [в процессе дискурса], формирует собственный [и чужой] внутренний мир, основными единицами которого являются значения (обобщения, когнитивные компоненты сознания) и смыслы (аффективно-мотивационные компоненты)»⁹², т.е. конструкты. Знаки и символы, переданные другому актору вызывают у него специфические реакции и ассоциации, приводящие к определённым когнитивным процессам. Таким образом, представление агентом мира (в виде конструктов) является результатом опыта, истории его социального взаимодействия, в котором тот сталкивался с дискурсом.

Большой интерес для конструктивизма представляет исследование социального действия и социального взаимодействия как элементов социальной реальности: как и посредством чего оно становится возможным, как и посредством чего оно изменяет структуры и элементы социальной реальности. Конструктивистов интересует в первую очередь то, что лежит в их основе, что формирует мотивы и предпочтения – идентичность и интерес, которые становятся ключевыми понятиями конструктивизма.

Существует два подхода к изучению идентичности: натуралистически-эссенциалистский и конструктивистский. Последний сейчас считается более научным, т.к. он объясняет изменчивость идентичности⁹³. Конструктивисты видят идентичности и интересы не как объективно основанные на материальных силах, а как результат идей и социального конструирования таких идей. Другими словами, значения идей, объектов и действующих лиц определяются социальным взаимодействием. Идентичность в понимании конструктивистов «конструируема человеком и обществом»⁹⁴, что обуславливает конкуренцию дискурсов идентичности и её историческую изменчивость, также они признают возможность искусственной “переделки”, “придумывания”, “проектирования”, “конструирования” идентичности, её «нестабильную, множественную,

⁹¹ Ibid. P. 150

⁹² Крейцер А. Указ. соч. С. 81

⁹³ Федотова Н. Указ соч. С. 53

⁹⁴ Там же. С. 53

колеблющуюся и фрагментарную природу»⁹⁵. Она представляет собой набор определяющих конструкторов, накопленных за весь период существования агента и его социального взаимодействия с другими агентами, приводящего к рефлексии. В понимании конструктивистов идентичность предполагает деление на “Я”/“Мы” (индивидуальное или коллективное “Я”) и “они” – она становится формой солидарности - определяет (само)тождественность, непрерывность и целостность социального агента (индивида или коллектива), говорит ему и другим, кто он есть; с помощью идентичности другие могут сообщить ему, кто есть они. Идентичность в первую очередь определена границами индивидуальности или коллективности (пол, гендер, раса, этнос и т.д.) и ключевыми социальными практиками и ценностями (ценностной ориентацией). Конструктивизм говорит о разных уровнях идентичности: «микро (индивид), средний (малая социальная группа), макро (большие социальные группы — раса, этнос, нация, религиозная общность, класс, гендер), мега (культура, цивилизация, страна)»⁹⁶.

Н. Федотова пишет: «Идентичность [превращается], с одной стороны, в продукт социальной и политической активности и, с другой стороны, в основание последующих действий»⁹⁷. Идентичность определяется конструктивистами как «основа индивидуальной и социальной активности», «основание социального и политического действия в качестве его инструментальной основы» в том смысле, что она задаёт «смысложизненные установки» и конструирует «символические и организационные границы социального взаимодействия»⁹⁸. Благодаря идентичности, способствующей солидарности индивидов, делается возможным коллективное действие как таковое. Как пишет Т. Рисс, акторы следуют данной паттерне даже если «пытаются [...] максимизировать или оптимизировать свои предпочтения или следовать “логике целесообразности”»⁹⁹. «Конструктивизм утверждает, что коллективные нормы и понимания определяют основные “правила игры”, в которых они оказываются в своих взаимодействиях»¹⁰⁰.

Что касается интереса, то Т. Рисс пишет: «конструктивисты концентрируются на социальных идентичностях акторов, чтобы учитывать их интересы»¹⁰¹. Интерес также конструируем и исходит из специфики идентичности агента и в понимании

⁹⁵ Там же. С. 54

⁹⁶ Федотова Н. Указ соч. С. 55

⁹⁷ Там же. С. 56

⁹⁸ Там же

⁹⁹ Risse T. Op. cit. P. 148

¹⁰⁰ Ibid.

¹⁰¹ Ibid.

конструктивистов представляет собой стремление к самосохранению и защите основополагающих для идентичности агента конструкторов структур. Любое социальное действие и социальное взаимодействие в свою очередь подразумевает коммуникацию, в ходе которой агенты, отстаивая свои интересы, прибегают к дискурсу с целью нахождения консенсуса о конструкторах структур, стремясь предложить и навязать своё видение таковых.

1.1.2. Основные черты конструктивистского подхода в исследованиях международных отношений

Ряд исследователей выделяют конструктивизм как направление науки о международных отношениях¹⁰². Стоит подчеркнуть универсальность конструктивизма в исследовании международных отношений (МО). Т. Рисс пишет: «Конструктивистская перспектива будет дополнять, а не заменять эти подходы [к исследованию МО], подчеркивая, что интересы субъектов не могут рассматриваться как экзогенно заданные или выведенные из данной материальной структуры. Скорее, политическая культура, дискурс и “социальная конструкция” интересов и идентичностей имеют значение»¹⁰³.

Конструктивисты видят структуру международной политики в первую очередь в идейных или социальных, а не материальных аспектах и терминах. Социальная реальность международных отношений также не является объективной для конструктивиста-исследователя МО, социальный и политический мир не является физической вещью или материальным объектом, находящимся за пределами человеческого сознания.

В исследованиях МО в качестве основного агента конструктивистами обычно рассматривается государство. Конструктивизм также признаёт влияние на МО негосударственных акторов, в частности транснациональных акторов, обычно международных организаций и её институтов. Агенты МО рассматриваются конструктивистами как сообщество или коллектив, где государство представляет собой многоуровневый и разнородный коллектив, состоящий из различных коллективов со своими идентичностями и интересами. В ходе своего исторического развития коллективы, стремясь преодолеть анархию, смогли прийти к консенсусу в ходе дискурса о ряде

¹⁰² Морозов В. Указ. соч., 2006

¹⁰³ Risse T. Op. cit. P. 146

структур (что близко к теории общественного договора), сформировать в рамках социального взаимодействия в некоторой степени однородную идентичность и интересы и таким образом сформировать такой коллектив как государство с его сконструированной государственной идентичностью (весьма шаткой и подверженной кризисам). Государство, как и любой иной коллектив, можно даже “антропоморфизировать” для его социологического и социально-психологического изучения.

Конструктивисты считают, что исследование МО должно быть сосредоточено на идеях и убеждениях участников международной арены, а также на общем понимании между ними. Например, говоря о международной анархии, А. Вендт утверждает, что то, как анархия ограничивает государства, зависит от того, как государства понимают анархию и осознают свою собственную идентичность и интересы¹⁰⁴. Интересы и идентичности – центральные детерминанты поведения акторов МО (т.е. их политики), как и любого социального актора.

Конструктивизм определяет идентичность как центральный и определяющий элемент в МО. Идентичность государства или любого иного актора МО по своей сути схожа по своей функции с идентичностью любого социального агента - т.е. будет означать коллективное чувство принадлежности к данному актору МО.

А. Вендт выделяет 4 уровня идентичности:

1) корпоративная идентичность: государство как организационный актор, связанный с обществом, которым он управляет посредством структуры политической власти.

2) типовая идентичность: политический режим и экономическая система, а также частично социальные особенности.

3) ролевая идентичность: свойства государств в отношениях с другими государствами (выделение пар гегемон/сателлит, государство, выступающее за статус-кво/государство, неудовлетворенное своим положением в сложившейся международной среде — концепт “неудовлетворенного могущества”).

4) коллективная идентичность: идентификация двух и более государств как принадлежащих к единому “эго”, как часть целого.

Роль идентичности во внешнеполитическом действии актора МО будет аналогична роли идентичности в социальном действии социального агента. Государства действуют по отношению друг к другу на основе значений (которые являются элементами

¹⁰⁴ Wendt A. Op. cit. P. 399–403.

идентичности), которые они определяют для себя и другие определяют для них. Идентичность актора МО ведёт к определенному набору интересов и предпочтений в отношении структуры МО, того или иного международного игрока или выборе того или иного внешнеполитического курса.

Интерес в МО, в первую очередь национальный, понимается конструктивистами в первую очередь как стремление к самосохранению и защите основополагающих для идентичности актора МО конструктов. Т. Рисс пишет, что существуют «идейные, культурные и дискурсивные корни национальных интересов»¹⁰⁵. Выделенные А. Вендтом 4 типа идентичностей, будут в особой степени определять соответствующие интересы актора МО, а посредством их – вектора их внешней политики и то, как их будут воспринимать иные государства. Таким образом, интересы — это не только некая данность из идентичности, на формирование интересов актора МО может быть оказано влияние институтов и любых иных акторов МО через социальное взаимодействие.

Конструктивистский подход объясняет влияние дискурса на МО. Конструктивисты считают, что язык и риторика используются для построения социальной реальности международной системы.

1.1.3. Основные черты конструктивистского подхода в европейских исследованиях

Конструктивизм приступил к изучению европейской интеграции в конце 1990-х гг. Т. Рисс пишет: «Исследования, основанные на социальном конструктивизме, вносят существенный вклад в исследования европейской интеграции как теоретически, так и в значительной степени»¹⁰⁶. В европейских исследованиях также проявляется универсальность конструктивизма в том плане, что «социальный конструктивизм как таковой не предъявляет никаких существенных претензий к европейской интеграции», «конструктивисты могут присоединиться к межправительственному подходу, неофункционализму, многоуровневой структуре управления или институционализму там, где это покажется необходимым»¹⁰⁷.

В качестве основных агентов в европейских исследованиях конструктивисты рассматриваются страны-члены ЕС, сам ЕС и его институты.

¹⁰⁵ Risse T. Op. cit. P. 146

¹⁰⁶ Ibid. P. 144

¹⁰⁷ Ibid.

Конструктивистов интересуют идентичность и интересы стран-членов ЕС, в том числе европейская идентичность и интересы. Т. Рисс пишет: «Вопрос о европейской идентичности [является] особой предметной областью, в которую могут внести вклад исследования, вдохновленные социальным конструктивизмом»¹⁰⁸. Конструктивисты «анализируют ЕС как двусторонний процесс выработки политики и институционального строительства на европейском уровне, который затем влияет на государства-члены и их политические процессы и структуры (процесс “фидбэка”»¹⁰⁹.

Процесс “фидбэка” непосредственно зависит от идентичности и интересов государств-членов. Ввиду этого, «ождается, что ЕС как формирующееся государство не только ограничит [...] способ, которым они [государства-члены] определяют свои интересы и даже свою идентичность. “Членство в ЕС имеет значение” в том смысле, что оно влияет на то, как субъекты видят себя и воспринимаются другими как социальные существа»¹¹⁰. Некая европейская идентичность - один из основных аспектов конструктивистского подхода к европейским исследованиям.

Пристальное внимание конструктивистов уделено дискурсу внутри ЕС и роли институтов ЕС в нём. Конструктивисты «изучают европейские институты как дискурс, а не просто переговорную арену, позволяющую дискуссионным процессам установить обоснованный консенсус для решения общих проблем»¹¹¹. Конструктивисты признают решающую роль дискурса в определении векторов интеграции, процессе принятии решений в ЕС и формировании европейской идентичности.

Большой интерес для конструктивистов представляет изучение составляющих элементов идентичности стран-членов ЕС и надъевропейской идентичности, а также элементов языка и риторики в дискурсе в ЕС. Одним из таких элементов является (европейская) коллективная память.

Таким образом, мы можем прийти к выводу, что социальный конструктивизм, где значимыми категориями являются конструкт, социальный агент и структура, идентичность, интерес и дискурс подходит для изучения всех сфер социальной реальности, особенно тех, где значимую роль играют когнитивные, мнемонические и нарративные аспекты, что подтверждается наличием развитого конструктивистского подхода к международным отношениям и европейским исследованиям. В любом явлении

¹⁰⁸ Ibid. P. 144

¹⁰⁹ Ibid. P. 147

¹¹⁰ Ibid. P. 148

¹¹¹ Ibid. P. 150

социальной реальности большую роль будут играть конструкты, разные социальные агенты и структуры, идентичности, интересы и дискурсы, причём их влияние и взаимовлияние друг на друга часто будет действовать в явлениях схожего порядка (например в тех, где ключевое различие лишь в социальном агенте – социальных группах и коллективах разных уровней) по схожим принципам.

1.2. Применение конструктивистского подхода для изучения коллективной памяти в транснациональных сообществах и постнациях и их политики памяти

1.2.1. Коллективная память как конструируемое явление социальной реальности

К изучению коллективной памяти как явления социальной реальности (социального конструкта), ввиду её нематериальности, стоит применить конструктивистский подход.

Любой индивид, обладающий сознанием, является носителем представлений, памяти, которая также включает в себя память об исторических событиях и процессах, в особенности о тех, которые затронули его социальную группу (в т.ч. его непосредственных предков).

Зачастую память индивидов об исторических событиях в пределах одной социальной группы является довольно схожей, ввиду чего можно говорить о социальной обусловленности индивидуальной памяти и существовании своего рода коллективной памяти. Исследованиями коллективной памяти и всего, что с ней связано, занимается такая научная область как “memory studies” (в академической среде на русский язык обычно не переводится), заложенная в начале XX в. исследователями Э. Дюркгеймом и пионером исследования коллективной памяти как таковой – М. Альбваксом (Хальбваксом). Исследователи признают наличие общей неопределённости понятия “память”¹¹². На основании определения М. Альбвакса и Р. Карагезова коллективную память можно обозначить как совокупность оценочных представлений (т.е. память) индивидов одной социальной группы об актуальных для них исторических событиях и процессах (т.е. об общем прошлом), «которая в данном обществе в данный исторический момент становится доминирующей и образует нечто вроде разделяемого большинством

¹¹² Ефременко Д. Указ. соч. С. 112

здорового смысла»¹¹³. Коллективную память не стоит упрощённо трактовать как особую память, носителем которой является коллектив и противопоставлять индивидуальной памяти – скорее эта “рамка индивидуальных воспоминаний”¹¹⁴. В ходе дискурсе о прошлом внутри коллектива индивиды формируют память как разделяемый всеми членами коллектива конструкт.

Коллективной памятью может обладать абсолютно любая социальная группа, с разными уровнями идентичностями, объединённая по профессиональному, религиозному, политическому, региональному, половому и иным признакам, т.е. число памятей становится равным числу групп¹¹⁵. А. Ассман также выделяет “мировое общественное сознание”, которое также может обладать своей коллективной, “глобальной” или “универсальной” памятью¹¹⁶. Ввиду того, что в пределах государства самыми большими социальными группами являются этнические, или некое политическое объединение всего населения страны, нередко многоэтничного (т.е. нации), то самой масштабной коллективной памятью в пределах государства будет память этносов и нации. Согласно неинституциональным теориям институты также являются носителями коллективной памяти¹¹⁷.

Общие воспоминания и интерпретации прошлого, т.е. коллективная память, формируют коллективную идентичность социальной группы в такой же значительной степени, как язык, культура, традиции и т.д. О значимой роли коллективной памяти в формировании этносов, народов и наций говорили с конца XIX в.¹¹⁸ Р. Карагезов пишет: «Коллективная память играет важную роль в том, как определяют себя этнические и национальные общности» т.к. «благодаря общим историям, характерным для той или иной общности, которая узнаёт себя в своём прошлом, а следовательно, в общем настоящем, могут возникнуть чувства причастности и принадлежности к определённой общности, которая и есть, по определению, форма национальной идентичности»¹¹⁹.

Память играет большую роль и в социальной идентичности отдельно взятого индивида. Р. Карагезов пишет: «принадлежность к группе может [...] быть “навязана” индивиду через общую культуру, социальную среду, средства массовой коммуникации и

¹¹³ Карагезов Р. Указ. соч. С. 115

¹¹⁴ Ефременко Д. Указ. соч. С. 112

¹¹⁵ Нора П. Указ. соч.

¹¹⁶ Ассман А. Указ. соч., 2017

¹¹⁷ Романова, Т. Институты Европейского союза и процесс принятия политических решений: Учебное пособие / Т. Романова – СПб:СПбГУ, 2018, С. 15

¹¹⁸ Ефременко Д. Указ. соч. С. 110

¹¹⁹ Карагезов Р. Указ. соч. С. 115

систему образования. Память сохраняет или оживляет те воспоминания, которые служат поддержанию положительной самооценки индивида на уровне [...] социальной идентичности. В этой связи значение коллективной памяти оценивается тем, насколько она способствует поддержанию в индивиде чувства принадлежности к той или иной социальной группе или культуре»¹²⁰. Ввиду особой роли этнической идентичности для существования индивида в обществе, значительная часть памяти индивида об исторических событиях будет связана с памятью той этнической группы, к которой он себя может отнести, или населения страны, в которой он живёт, т.е. нации.

Благодаря конструктивизму мы можем определить, что коллективная память – конструируема. П. Нора подчёркивал конструируемость памяти, считая, что «“память” – ... модное имя для того, что прежде называли просто “историей”»¹²¹. Память можно отнести к миру идей.

Основной содержательной частью коллективной памяти является исторический нарратив. Р. Карагезов определяет его как «общие истории о прошлом, которые принимают члены данного сообщества», формой проявления коллективной памяти¹²².

Память индивида об исторических событиях (историческая память) зависит от его когнитивных способностей и конструируется в рамках социального взаимодействия на основе информации, получаемой из двух основных источников:

1. Коммуникативная память или память поколений – воспоминания, культивированные через некий нарратив, устную традицию, выраженную обычно историями, возникающими из опыта пережитого, о влиянии исторических событий и процессов на человека, семью, его социальную группу, распространяемую индивидами в контексте межличностных взаимодействий в повседневной жизни, в том числе из поколения в поколение. В данном случае индивид вступает в социальное взаимодействие с другими индивидами.

2. Политическая память – исторический нарратив его социальной группы, сформированный без участия самого индивида и распространяемый его элитой. В данном случае индивид вступает в социальное взаимодействие с элитой своего коллектива либо институтами, которые та представляет.

Память коллектива, как и память индивида, формируется исключительно через социальное взаимодействие посредством дискурса. Р. Карагезов описывает процесс

¹²⁰ Там же. С. 117

¹²¹ Нора П. Указ. соч.

¹²² Карагезов Р. Указ. соч. С. 115

формирования коллективной памяти: «для этого собирают и “компонуют” в целостные нарративы различные истории о прошлом, которые становятся общими историями, принимаемые и разделяемые жителями данного государства»¹²³. Это предполагает использование инструментария, непосредственно связанного с историей и её использованием, что позволило П. Нора считать, что история оказалась поставленной «на службу памяти»¹²⁴. Целенаправленные действия, направленные на формирование коллективной памяти, можно обозначить как политику памяти. Д. Ефременко определяет политику памяти как «функционирующую систему взаимодействий и коммуникаций различных акторов относительно политического использования прошлого»¹²⁵. Политику памяти считают частью политики идентичности, которая считается видом символической политики, понимаемой как «деятельность политических акторов, направленной на производство и продвижение/навязывание определенных способов интерпретации социальной реальности в качестве доминирующих»¹²⁶. По мнению исследователей политика памяти является «одним из важнейших инструментов по формированию макрополитической идентичности того или иного сообщества»¹²⁷.

Выделяется два способа формирования коллективной памяти:

1. Отвоёвывание. Отвоёвывание памяти подразумевает то, что некая социальная группа, чаще всего этнос, «обращается к своей давней, традиционной памяти, отобранной, разрушенной или искаженной в свою пользу соответствующим режимом»¹²⁸.

2. Конструирование. Конструирование памяти подразумевает то, что некая социальная группа использует инструменты памяти для преобразования фактажа об её истории в исторический нарратив и его последующего закрепления.

Тем не менее, после “отвоёвывания” память может подвергаться “доконструированию” в интересах элиты социальной группы, являющейся её носителем.

Значительную роль в формировании коллективной памяти социальной группы играет её элита. Так описывает роль элиты в данном процессе Р. Карагезов: «Выбор ракурса, определяющий содержание такого рода историй, диктуют [...] элиты. Именно они, а не “низы” или история сама по себе задают основные ориентиры того, “кто есть

¹²³ Карагезов Р. Указ. соч. С. 115

¹²⁴ Нора П. Указ. соч.

¹²⁵ Ефременко Д. Указ. соч. С. 110

¹²⁶ Рябов Д. Указ. соч. С. 66

¹²⁷ Ефременко Д. Указ. соч. С. 110

¹²⁸ Нора П. Указ. соч.

злодей, а кто герой”, что необходимо описывать и изображать в национальных историях, а обществу запомнить, и что следует забыть»¹²⁹. Можно выделить два вида элиты:

1. Национальная элита - политическая элита, управляющая государственными институтами. Формируют общую коллективную память в пределах страны. Объектом выступают граждане страны, а также лица с общим культурным наследием за рубежом (соотечественники). Таким образом, национальные элиты выступают как внутренние акторы формирования коллективной памяти в своей стране или внешние акторы формирования коллективной памяти в другой стране (например, в отношении соотечественников).

2. Наднациональные элиты – политические элиты, руководящие наднациональными институтами. Формируют общую коллективную память акторов МО, обычно государств. Объектом выступают граждане стран, в том числе их политическая элита. Таким образом, наднациональные элиты выступают как внешние акторы формирования коллективной памяти в отдельно взятой стране.

Долгое время национальные элиты были единственными, кто мог принимать значительное участие в формировании коллективной памяти. Они перестали быть единственными формирующими коллективную память акторами с развитием роли наднациональных институтов после Второй мировой войны и передачей государствами им части суверенитета.

Отличительной характеристикой исторического нарратива, составляющего коллективную память, является его оценочный характер. Так это свойство исторического нарратива описывает Р. Карагезов: «Хорошо известно, что прошлое порой излагают по-разному: один и тот же исторический факт можно преподнести так, что читатель приходит к совершенно противоположным заключениям. Все зависит от целей, которые ставят авторы исторических повествований, диктующие выбор соответствующего “ракурса” и точки зрения»¹³⁰. Именно эта оценочность, позволяющая “переосмыслить мир” и позволяет коллективной памяти быть эффективным политическим инструментом, позволяющим элитам добиваться определённых целей и задач, связанных с некой социальной группой.

Как пишет Р. Карагезов «ориентиры, задающие содержание национальных историй, определяются тем, какие элементы, по мнению национальных элит, следует

¹²⁹ Карагезов Р. Указ. соч. С. 115

¹³⁰ Там же. С. 115

включать в состав национальной идентичности»¹³¹. Оценочный характер исторического нарратива и выборочность ориентиров априори предполагают некие практики “вспоминания” и “забывания” – все события национальной истории невозможно представить как позитивные (не все войны государства бывают выигрышными, не все реформы эффективными и т.д.), что подразумевает то, что на “позитивные” события в историческом нарративе будет сделан большой упор, а “негативные” события могут быть в него попросту не включены.

Чаще всего элиты представлены конкретными институтами и через них же осуществляют свою политику памяти. Социологический неoinституционализм признаёт, что «институты оказывают влияние на поведение через придание когнитивных сценариев, категорий и моделей. Институты выполняют символическую направляющую функцию, они изменяют логику и предпочтения акторов»¹³². Институты будут нацелены на использование коллективной памяти для формирования у акторов определённых идентичностей и интересов.

В первую очередь для формирования коллективной памяти институты используют механизмы для трансляции информации определённого рода, которая должна способствовать формированию коллективной памяти. Основным инструментом в дискурсе о структурах, прибегающий к языку и риторике – это коммеморация и её различные практики. Коммеморация – специфическое действие, акт, мероприятие, предполагающее трансляцию, репрезентацию исторического нарратива. Практики коммеморации параллельно способствуют как формированию коллективной памяти, так и иных конструктов: идентичностей, интересов, представлений. В данных практиках коллективная память используется в языке и риторике в рамках дискурса путём акцентирования прошлого опыта, связанного со структурой или агентом, историческими примерами из коллективной памяти. Для того, чтобы более эффективно сослаться на исторические примеры из коллективной памяти в процессе дискурса агенты будут стремиться к формированию общей идентичности и интересов акторов, что может быть достигнуто путём искусственного конструирования у них прошлого опыта (памяти) о структурах и агентах, т.е. коллективной памяти.

1.2.2. Коллективная память и политика памяти в международных отношениях

¹³¹ Там же. С. 116

¹³² Романова Т. Указ. соч. С. 15

Внешнеполитическое действие актора МО определяется представлением о структурах, в особенности идентичностью и интересами, как определяющими представлением о всех остальных структурах. Таким образом, влияние коллективной памяти на структуры МО будет обусловлено тем, что коллективная память является частью идентичности актора МО и соответственно влияет на его интерес. Память актора МО включает в себя в первую очередь представление об иных акторах МО и структурах МО, а также опыта взаимодействия с ними.

Структуры МО, в особенности идентичность и интересы акторов МО также формируются посредством дискурса. Представление, язык и риторика в дискурсе актора о структуре определены прошлым опытом, связанным со структурой, отразившимся в идентичности, что определяет разницу представлений акторов о структурах. Память активно используется в дискурсе МО и посредством языка и риторики влияет на дискурс, задающий смыслы структурам МО, в том числе в отношении репрезентации “Другого” в дискурсе.

Использование памяти в дискурсе актора МО может быть как и реальным проявлением его идентичности в стремлении защитить свои интересы, так и орудием достижения желаемого консенсуса. По мнению исследователей «всё чаще политика памяти становится предметом межгосударственных интеракций»¹³³. Данная политика направлена на желаемое изменение конструкторов другого актора МО, в первую очередь интересов и идентичностей, а также представления об акторах МО и структурах МО. Ввиду этого память становится ресурсом политики памяти (а также политики идентичности и символической политики) актора МО влияя «на содержание и направленность политики памяти в той или иной стране»¹³⁴ - акторы МО могут стать “внешним игроком” в политике памяти другого актора МО. Разница конструкторов памяти у акторов МО, по которым особо тяжело прийти к консенсусу в ходе дискурса, обуславливает возникновение т.н. “войн памяти” в международных отношениях.

Формирование общей коллективной памяти в пределах одной страны государством (его внутренними акторами или институтами) и пределах нескольких стран (странах-членах интеграционного объединения, странах-членах международной или наднациональной организации) внешними акторами или институтами (международной

¹³³ Ефременко Д. Указ. соч. С. 111

¹³⁴ Там же. С. 111

наднациональной организацией), использование коллективной памяти в их дискурсе продиктовано в первую очередь их интересами. На обоих уровнях: национальном и наднациональном, коллективная память способствует формированию соответствующему общему представлению о структурах и агентах: элементах идентичности (ценностях и социальных практиках), структурах МО, конкретных политических силах, акторах МО и т.д. Проведение политики памяти может преследовать следующие цели на этих уровнях:

1. Формирование общей коллективной идентичности и интересов.

А) Государственный уровень. Р. Карагезов пишет: «Для целей национального строительства важно [...] не столько точно следовать историческим фактам и строго воссоздавать историческую реальность, сколько следовать некоей модели повествования, служащей задаче построения нации, которую следует изображать как уникальную общность со своей исторической судьбой и родиной»¹³⁵. Разница коллективной памяти различных социальных групп осложняет формирование общей коллективной идентичности. Р. Карагезов пишет: «группы внутри наций с взаимно согласованной коллективной памятью будут демонстрировать схожие или тождественные паттерны национальной идентификации, в то время как группы с конфликтующей коллективной памятью могут иметь различающиеся паттерны идентификации, способные препятствовать развитию чувства национальной идентичности»¹³⁶. Коллективная (национальная) идентичность позволяет составляющим государства получить общее представление о структурах, формирующее общие интересы, и осуществлять коллективное (внутриполитическое и внешнеполитическое) действие от лица государства.

В) Наднациональный уровень. Ввиду первичности возникновения национальной идентичности и соответствующей ей памяти «среди факторов, препятствующих быстрой трансформации национальной идентичности в наднациональную, едва ли не самыми важными являются национальная культура и коллективная память»¹³⁷, поэтому использование политики памяти важно для любого рода внешних акторов, которым важно формирование наднациональной идентичности. Коллективная (наднациональная) идентичность позволяет составляющим наднационального института получить общее представление о структурах, формирующее общие интересы, и осуществлять коллективное (внутриполитическое и внешнеполитическое) действие от лица наднационального института.

¹³⁵ Карагезов Р. Указ. соч. С. 116

¹³⁶ Там же. С. 118

¹³⁷ Там же. С. 114

2. Выступление политики памяти как фактора динамики конфликтов, сглаживание противоречий и конфликтности между элементами структуры, вызванных различиями их коллективной памяти, в том числе в постконфликтном урегулировании¹³⁸.

А) Государственный уровень. Нивелирование конфликтности между народами или иными социальными группами страны. Как отмечает Р. Карагезов «достижение и поддержание национальной идентичности в полиэтничных государствах - довольно сложная задача, особенно если этнические группы имеют противостоящие друг другу коллективную память и коллективные истории»¹³⁹. Решение данной задачи способствует формированию общей коллективной идентичности на национальном уровне и нахождению консенсуса в дискурсе о любых иных структурах.

В) Наднациональный уровень. Сглаживание противоречий между странами-членами или транснациональными акторами (в качестве примера транснационального актора в данном контексте можно считать этнос, проживающий на территории различных государств) организации или объединения. Н. Эппле пишет: «Залечивание ран прошлого оказывается основой для обретения общего языка и прочной базой для объединения даже недавних врагов, тогда как не до конца залеченные раны и не приведенная в согласие память могут провоцировать расколы и разделения даже внутри с виду вполне благополучных, экономически и политически выгодных союзов»; «“замороженные конфликты” памяти обладают не менее опасным потенциалом, чем “замороженные конфликты” в международных отношениях»¹⁴⁰. Решение данной задачи способствует формированию общей коллективной идентичности на наднациональном уровне и нахождению консенсуса в дискурсе о любых иных структурах.

1.2.3. Коллективная память и политика памяти в наднациональных сообществах и постнациях

Наднациональные сообщества и постнации, как и все прочие коллективы являются социальными агентами и носителями коллективной памяти. Их институты, как и любые прочие институты являются социальными агентами, носителями коллективной памяти, а также проводниками политики памяти этих сообществ выступая в качестве влиятельных мнемонических акторов.

¹³⁸ Ефременко Д. Указ. соч. С. 111

¹³⁹ Карагезов Р. Указ. соч. С. 116

¹⁴⁰ Эппле Н. Указ. соч.

Актуализация памяти и политики памяти в международных отношениях привела к тому, что наднациональные структуры, сообщества и организации стали формировать свою собственную позицию по этому кругу проблем, а также участвовать в политике памяти.

Конструирование памяти и использование памяти в дискурсе довольно ярко проявляется в деятельности институтов интеграционных объединений, перед которыми необходимость формирования общей коллективной памяти стоит наиболее остро ввиду необходимости формирования общего представления акторов о структурах и агентах внутри и вне объединения. В данном параграфе мы можем дать ответы на следующие вопросы, способные помочь в комплексном исследовании:

1. Каков характер памяти и политики памяти в наднациональном сообществе и постнации?
2. Какую роль играет дискурс в политике памяти институтов наднациональных сообществ и постнаций?
3. Каким образом достигается консенсус в дискурсе об историческом нарративе в наднациональных сообществах и постнациях?
4. Какова роль коллективной памяти и политики памяти в формировании идентичности стран-членов наднациональных сообществ и наднациональной идентичности (в типологии А. Вендта), интересов наднациональных сообществ и их стран-членов и их представлений об агентах и структурах?
5. Какие факторы влияют на память и политику памяти в наднациональных сообществах и постнациях?

Исследователи считают, что «наднациональная идентичность является вспомогательной по отношению к национальной идентичности; на наднациональном уровне не удастся сформировать устойчивую рамку коллективной памяти»¹⁴¹. Это означает, что наднациональные сообщества будут сосредоточены на трансформации национальных памятей и памятей обществ стремясь привести их к некому «общему знаменателю».

Дискурс в политике памяти институтов наднациональных сообществ будет по своей функции аналогичен дискурсу о конструктах любых элементов социальной реальности. Политика памяти их институтов, в особенности представительных (например, Европейского парламента в Европейском союзе), будет формироваться в ходе дискурса, в

¹⁴¹ Ефременко Д. Указ. соч. С. 110

первую очередь - в практиках коммеморации и создания “мест памяти”. К типичным коммеморационным практикам можно отнести публичное празднование годовщин определённых событий, к созданию “мест памяти” – принятие актовых документов, в частности прокламационного характера (например, декларации и резолюции Европейского парламента), которые также часто связаны с актами коммеморации, например, будучи приуроченными к определённой годовщине. Практики коммеморации не имеют никакой нормативной и директивной силы, а подобные актовые документы часто не носят юридически обязательного характера, однако они обладают дискурсивным потенциалом - любой публичный документ института наднационального сообщества и любое празднование годовщины становятся достоянием общественности и через дискурс формируют конструкты не только политической элиты, но и всего населения стран-членов наднациональных сообществ. Также институты наднациональных сообществ могут стимулировать внутренний дискурс в обществе через общественность (политических, научных и культурных деятелей) используя её в своих коммеморациях и предлагая для неё организацию проектов в сфере памяти и коммемораций с определёнными стандартами и требованиями, а также всестороннюю поддержку в этом. Можно прийти к выводу, что дискурс, а не некая нормативная или директивная сила, играет решающую роль в политике памяти наднациональных институтов. Вместе с тем, нельзя отрицать роль и нормативной и директивной силы: наднациональные институты могут обязать страны-члены сообщества следовать определённым правилам и нормам, например, принять т.н. “законы памяти”, позволяющие “цензурировать” пространство памяти и предусматривающие наказание за исторический ревизионизм, сопряжённый с критикой господствующего исторического нарратива и продвижением иного нарратива.

Множественность акторов с их памятью обуславливает конкуренцию дискурсов о памяти - так, Д. Рябов, приводя в пример ЕС, признаёт, что «интерпретация образа прошлого становится предметом конкуренции различных политических акторов, осуществляющих в ЕС политику европейской идентичности»¹⁴². Логично предположить, что конструкты, предлагаемые институтами наднациональных сообществ, будут предельно сбалансированными, чтобы все страны-члены или иные акторы, например, иные институты того же объединения, в ходе дискурса пришли к консенсусу, остановившись на их варианте. Вполне логично, что коллективная память, формируемая институтами объединения, и, реально существующая в пределах его стран-членов, будут

¹⁴² Рябов Д. Указ. соч. С. 65

несколько различаться, хотя нарратив институтов может доминировать в зависимости от их институциональной силы, которая обуславливает то, что именно представления институтов будут образцом консенсуса. Институциональная сила, в свою очередь, будет сильно зависеть от характера наднационального объединения – чем ближе такое к федералистскому, а не интерговернменталистскому, тем большую институциональную силу будут иметь его институты. Ввиду того, что некоторые практики коммеморации являются ежегодными, а некоторые даже повседневными, со временем у всех агентов - стран-членов, коллективов конструкт памяти будет всё более тождественным с конструктом институтов наднационального сообщества. Таким образом, можно прийти к выводу, что консенсус в дискурсе об историческом нарративе достигается путём предложения институтами сообщества наиболее оптимальных вариантов таковых. Консенсус не является единовременным - сначала конструкты у каждого из акторов и институтов сообщества приобретают некий схожий вид, а благодаря продолжению дискурса избавляются от различий любого рода.

Страны-члены и институты сообщества в дискурсе о структурах социальной сферы и международных отношений обращаются к наиболее актуальным событиям исторического нарратива, которые становятся основным ресурсом при проведении аналогий, проецировании на прошлое и обращении к предыдущему опыту взаимодействия со структурой или агентом. Наиболее актуальными элементами исторического нарратива наднациональных сообществ обычно являются те, которые связаны с общим историческим прошлым сообщества или региона сообщества, в особенности войны, некогда развернувшиеся между странами-членами сообщества, и трагедии, затронувшие сразу несколько стран-членов сообщества, в особенности эпизоды репрессий и геноцида. Также важны элементы нарратива о том, как этот опыт становился стимулом к укреплению международного сотрудничества в регионе, в рамках которого произошло формирование сообщества, таким образом этот нарратив становится для сообщества т.н. “мифом основания”. Ценностные ориентиры и конструкты, способные формироваться на основе обращения к опыту таких “мест памяти”, крайне важны для формирования идентичностей и интересов стран-членов сообщества и будут использоваться в его политике идентичности - одного из ключевых ресурсов при проведении политики интеграции. Общая память будет способствовать формированию общей идентичности стран-членов, а также решать актуальные политические задачи, в первую очередь задачу

укрепление политической легитимности институтов сообщества и принимаемых ими решений и популяризации сообщества.

Приводя в пример политику европейской идентичности Европейского союза, Д. Рябов пишет: «Политику европейской идентичности можно определить как целенаправленную деятельность политических акторов стран Евросоюза по формированию, поддержанию и корректировке европейской идентичности»¹⁴³. Политика идентичности объединения, в зависимости от его характера (особенно федералистского) направлена на формирование у всех стран объединения общей корпоративной, типовой, ролевой и коллективной идентичности (в типологии А. Вендта). Каждый из конструктов исторического нарратива будет способствовать формированию одного или нескольких типов идентичности.

На примере ЕС, Д. Рябов выделяет три направления политики памяти наднационального сообщества (соответствующих трём направлениям политики идентичности):

1. Создание позитивной идентичности, за счёт конструирования образов “своих”
2. Обеспечение внутреннего единства
3. Создание негативной идентичности за счёт конструирования образов “чужих”.

В социально-политическом измерении политика памяти посредством проецирования на прошлое способна задать ориентиры относительно следующих элементов социальной и политической реальности:

1. Политических режимов и политических идеологий
2. Политического лидерства
3. Гуманизма и толерантности, в т.ч. отношения к беженцам и мигрантам
4. Патриотизма, гражданственности, социальных выступлений
5. Национализма, шовинизма, ксенофобии
6. Коллаборационизма
7. Политического дискурса, политической пропаганды и “языка ненависти”
8. Политического насилия (репрессий и террора), преступлений против человечества (этнические чистки, геноцид)
9. Коллективной памяти

¹⁴³ Рябов Д. Указ. соч. С. 66

10. Экономических и гуманитарных кризисов и пр.

Данные социально-политические ориентиры способны:

1. Поддержать социально-политическую стабильность в обществе
2. Помочь в формировании определённого характера общества (например, гражданского и мультикультурного), его ценностных ориентиров и политических предпочтений

Во внешнеполитическом измерении политика памяти способна задать ориентиры относительно следующих структур МО:

1. Внешней политики
2. Войн и конфликтов
3. Политики коллективной безопасности и обороны
4. Информационных войн и информационного вмешательства
5. Дипломатии
6. Внешнеполитического давления
7. Внешнеполитической агрессии (в частности аннексии и оккупации государств и их территорий)
8. Оккупационной политики
9. Мягкой силы
10. Формирования коалиций и пр.

Данные внешнеполитические ориентиры способны:

1. Создать инструменты манипуляций во внешней и интеграционной политике
2. Обеспечить поддержку странами-членами объединения и их гражданами внешнеполитического курса сообщества

Наиболее ярко все эти элементы социальной реальности прослеживаются в войнах, в особенности произошедших в XX в., что делает память о них весьма эффективным средством современной политики памяти разных акторов, в т.ч. государственных и наднациональных.

В формировании определённых конструкторов данных структур заинтересованы различные акторы на всех уровнях наднационального сообщества: наднациональном, национальном и субнациональном. Их степень влияния зависит от характера сообщества и его стран-членов, влияния множества внутри- и внешнеполитических факторов, среди которых характер наднациональных элит в наднациональном сообществе и наднациональной общественности, характер и показатели наднациональной идентичности

и сопричастности наднациональному объединению в его странах-членах; характеристики социального измерения обществ стран-членов: их открытость, авторитарность, виктимальность, фрагментированность, гомогенность и гетерогенность наций, развитость исторических (коллективных) травм, специфика национальной коллективной памяти и пр. Немаловажными факторами влияния являются влияние на институты наднационального сообщества и его страны-члены политики памяти прочих акторов, в т.ч. наднациональных, а также международный фактор.

Таким образом, мы можем прийти к выводу, что роль коллективной памяти и политики памяти в формировании наднациональной идентичности является крайне значимой. Разного рода показатели и измерения, относящиеся к наднациональной идентичности (например, процент жителей стран-членов сообщества, разделяющих некую наднациональную идентичность, ассоциируемую с сообществом), в равной степени относятся и к наднациональной коллективной памяти, ввиду неразрывности идентичности и памяти. Коллективная память и политика памяти в наднациональных сообществах и постнациях функционируют преимущественно по тем же принципам, что и в прочих обществах, в т.ч. государствах и нациях, следуя конструктивистской логике конструируемости социальной реальности, дискурса, идентичности и интереса.

Глава 2. Исторические предпосылки формирования политики памяти институтов Европейского союза о Второй мировой войне

2.1. Становление коллективной памяти и политики памяти о Второй мировой войне стран Западной Европы и западноевропейской общественности

Актуализация европейской политики памяти является закономерным следствием процессов, происходивших в странах Западной Европы в 1960-1980-х гг.

В качестве одной из причин актуализации политики памяти на европейском уровне можно привести социальные процессы, происходившие в 1960-1980-х гг. в странах Западной Европы, связанных с изменением роли индивида и его социальной психологии:

1. Изменение места индивидов в обществе. Фромм выделяет по меньшей мере три вехи “освобождения” индивидов в XX в. (имея в виду Западное общество)¹⁴⁴:

а) Освобождение от авторитаризма власти, выраженное в политических выступлениях молодёжи конца 1960-х гг.

б) Освобождение от чувства вины, связанного со взаимоотношениями полов, выраженное в сексуальной революции 1960-80-х гг.

с) Освобождение женщин от патриархата в 1980-90-е гг.

2. Изменение отношения индивида к коллективу, вызванное в росте значимости идентичности с неким коллективом для индивида. Рост значимости идентичности для индивида можно объяснить следующими причинами:

а) Процессы “освобождения” сделали человека свободным, но одиноким, ввиду чего индивид, стремясь избежать чувства одиночества, стремился слить своё “я” с некой группой, тем более что в ходе перечисленных выше “вех освобождения” он получил широкий спектр возможных идентичностей – политических, сексуальных, гендерных и т.д.

б) Общество стало предъявлять индивиду требование самоопределения, чтобы понять “свой” он или “чужой” и исходя из его идентичности определить формы взаимодействия с ним – таким образом «идентичность, как и память, стала долгом»¹⁴⁵. Бодрийяр определял это как «появление фетишистской системы различия»¹⁴⁶.

¹⁴⁴ Фромм Э. Указ. соч., 2000. С. 120-122

¹⁴⁵ Нора П. Указ. соч.

¹⁴⁶ Бодрийяр Ж. Указ. соч.

Изменение роли индивида в XX в. повлекло за собой то, что он был обязан стать носителем идентичности, а иногда даже нескольких. Бодрийяр называет современного человека «обреченным на свою собственную идентичность»¹⁴⁷. Как носитель идентичности человек был обязан стать и обладателем некой коллективной памяти. Коллективная память стала обладать «престижем демократичности и протеста»¹⁴⁸, «претензией на истину более “истинную”, чем истина истории»¹⁴⁹, всё больше расходясь с историей, которая «строилась хотя и исходя из памяти, но против памяти»¹⁵⁰ и составляла ей конкуренцию. Начался процесс, обозначенный П. Нора как «переход от исторического самосознания к социальному сознанию». Данный процесс отразился уже во время протестных движений 1968 г. Н. Эппле пишет: «протестное движение 1968 года [в Федеративной Республике Германия] [...] стало результатом процессов внутренней демократизации западногерманского общества, напрямую связанных с переоценкой прошлого»¹⁵¹.

Процесс перехода от исторического самосознания к национальному сознанию стимулировался двумя факторами:

1. Внутренний распад мифа-носителя национальной идеи¹⁵². Ранее этот миф охранялся патриотизмом, однако процессы деколонизации, сопряжённые поражением в колониальных войнах, воспринимался не иначе, как национальный позор, расшатывая патриотические чувства граждан.

2. “Освобождение” индивида и меньшинств¹⁵³, рассмотренный ранее.

Эти два фактора «развивались параллельно и ускорились в ключевое десятилетие 1970-1980-го», для государств Западной Европы возникла непосредственная опасность разрушения традиционной идентичности¹⁵⁴.

Тем не менее, в 1980-х гг. начались процессы, имевшие обратный предыдущим характер – индивиды различных социальных групп в рамках наций Западной Европы стали демонстрировать стремление к формированию общей коллективной памяти. В 1980-х гг. именно Европа стала центром возникновения “мирового господства памяти”.

¹⁴⁷ Там же

¹⁴⁸ Нора П. Указ. соч.

¹⁴⁹ Там же

¹⁵⁰ Там же

¹⁵¹ Эппле Н. Указ. соч.

¹⁵² Нора П. Указ. соч.

¹⁵³ Там же

¹⁵⁴ Нора П. Указ. соч.

Основной предпосылкой возникновения “мирового господства памяти” можно назвать стык двух исторических явлений, характерных, по убеждению П. Нора, для современной эпохи:

1. Явление “ускорения истории”, разрушающее единство “исторического времени”, конец телеологии истории: настоящее перестало быть лишь звеном меж прошлым и будущим, а прошлое в свою очередь перестало быть неким ресурсом для “подготовки” будущего – единственная функция прошлого оказалась сведена к тому, что о нём можно только помнить в настоящем.

“Ускорение истории” имело два социальных эффекта:

а) Эффект “аккумуляции”. У индивидов возникло ощущение “утраты прошлого”, что и вызвало появление обязательства сохранения памяти о нём, на настоящее, по выражению П. Нора, оказался возложенным “долг памяти”¹⁵⁵. Возникла необходимость “аккумуляции” прошлого, которая проявляется как «раздувание функции памяти и как гипертрофия учреждений и орудий памяти: музеев, архивов, библиотек, коллекций, компьютерных каталогов, банков данных, хронологий и прочего»¹⁵⁶.

б) Эффект “автономизации” настоящего. Потеря преемственности меж прошлым и будущим обусловила то, что «память превратилась в движущую силу, в обещание преемственности»¹⁵⁷.

2. Явление “демократизации истории”, связанное с возникновением разных форм памяти разного рода меньшинств, добившихся освобождения или эмансипации, вплоть до уровня индивида, для которых «отвоевание собственного прошлого является необходимой составляющей утверждения собственной идентичности»¹⁵⁸. П. Нора выводит три типа “деколонизации”, делающей возможность возникновения памяти меньшинств:

а) Всемирная. Освобождённые от колониальных режимов народы, преимущественно стран Азии и Африки, отвоёвывают или конструируют свою память.

б) Внутренняя. Эмансипированные меньшинства любого рода, преимущественно в странах Запада, конструируют свою память

с) Идеологическая. Освобождённые от авторитарных и тоталитарных режимов народы, преимущественно стран Восточной и Южной Европы, отвоёвывают свою память.

¹⁵⁵ Там же

¹⁵⁶ Там же

¹⁵⁷ Там же

¹⁵⁸ Там же

Можно выделить следующие причины развития “мирового господства памяти” – т.е. развития общей коллективной памяти и интереса к конструированию таковой в странах Западной Европы в 1980-х гг.

1. Всплеск интереса к исторической биографии, вызванный смертью “последних героев нации”, “великих людей” (обычно героев Сопrotивления периода Второй мировой войны)

2. Реконструирование прошлого с целью поиска смысла в исторических образах, в которых «скрывается секрет того, что мы есть, нашей “идентичности”», вызванный обострением восприимчивости к “определённому представлению” о своей стране или народе, т.е. к коллективной идентичности¹⁵⁹. Идентичности часто сопутствуют идеи о некоей исключительности, как о том, что наиболее ярко отличает коллектив от “Другого”. Бодрийяр, приводя в пример Францию, пишет, что «суть его [Ле Пена] идей повсеместно проникла в политический класс в виде французской исключительности»¹⁶⁰. Идея исключительности почти всегда базируется на неких исторических особенностях развития коллектива, например, его выдающихся достижениях в прошлом, опережающем развитии и т.д.

Обострение восприимчивости к коллективной идентичности, в свою очередь, обусловлено следующими факторами:

- a) Начало глобализации, грозящей размыванием идентичности¹⁶¹
- b) Трансформация Европейского Сообщества в Европейский союз, грозящая формированием в его странах-членах новой, общеевропейской идентичности.

3. Обращение к исторической традиции в рамках идейно-политической трансформации западноевропейских государств-наций, оформившихся в ходе революционных событий XVIII-XIX вв., вызванное концом революционной идеи как вектора¹⁶².

4. Стабилизация положения Западной Европы привела к «сожалению из-за невозможности насилия по отношению к себе», появлению т.н. “виктимального общества”, в котором господствовал интерес к “страдающим” сообществам настоящего и прошлого¹⁶³. Вся культура «переориентировалась на признание убогости», для которого нужны были и исторические аргументы.

¹⁵⁹ Там же

¹⁶⁰ Бодрийяр Ж. Указ. соч.

¹⁶¹ Карагезов Р. Указ. соч. С. 114

¹⁶² Нора П. Указ. соч.

¹⁶³ Бодрийяр Ж. Указ. соч.

Катализаторами процесса, согласно мнению П. Нора, выступили:

1. Рост популярности правых сил и их дискурс, обращённый к истории
2. Смена дискурса левых сил, его обращение к истории
3. Совершенствование “технических возможностей сохранения” памяти
4. Рост продолжительности жизни человека, особенно в Западной Европе,

делал возможным обращение к “свидетелям прошлого”, являвшихся “носителями истинной памяти”, для их участия в формировании памяти¹⁶⁴

В данных условиях государствам оставалось только взять процесс формирования коллективной памяти в свои руки. Государства получили возможность для «интенсивного использования прошлого - политического, туристического, коммерческого»¹⁶⁵. Наибольший интерес представляло его политическое использование. Государство преследовало цель того, чтобы коллективная память стала частью идеологии, историческим конструктом, направленным на легитимацию власти, а также векторов внутренней и внешней политики. В итоге в 1980-х гг. в странах Европейского Сообщества начали оформляться сама идея некой национальной “памяти” и политика памяти. В ходе этого процесса и для возможности его реализации историки были лишены «традиционной монополии на интерпретацию прошлого», в «порождении прошлого»¹⁶⁶.

Стоит также рассмотреть, как формировалась политика памяти в странах Западной Европы в 1960-1980-е гг. Первой страной, начавшей разработку политики памяти, стала Франция – в 1974 г. министр культуры Франции Морис Дрюон создал Французскую ассоциацию национальных торжеств (упразднена в 1998)¹⁶⁷. В 1980 г. президент Жискард д’Эстен объявил этот год “годом Наследия”¹⁶⁸. Основным путём формирования коллективной памяти наций стал «захват, опровержение, затопление основной исторической памяти видоизменяющими ее воспоминаниями отдельных групп»¹⁶⁹. Было очевидным, что наиболее ярко и свежо в коллективной памяти отдельных групп отразились события Второй мировой войны, использование которой в национальных политиках памяти, а позже и в (западно)европейской политике памяти стало предопределённым и неизбежным.

¹⁶⁴ Нора П. Указ. соч.

¹⁶⁵ Там же

¹⁶⁶ Там же

¹⁶⁷ FranceArchives. Le Haut Comité aux Commémorations nationales (2018) [Электронный ресурс] // FranceArchives, 2018. – URL: <https://francearchives.fr/article/38299> (дата обращения: 20.05.2020)

¹⁶⁸ Нора П. Указ. соч.

¹⁶⁹ Там же

До 1970-х гг. относительно событий оккупации и коллаборационизма в историческом нарративе стран, которые были оккупированы Германией, господствовала “сопротивленческая” версия событий, в рамках которой культивировалась “лишь гордость антифашистским сопротивлением”¹⁷⁰, где все граждане «за исключением горстки предателей и недоумков, восстали против немецкой оккупации»¹⁷¹, т.е. господствовала практика “забывания”. Нацизм осуждался, но представлялся (особенно в Германии) как «порожденная страхом оборонительная реакция и акт самозащиты по отношению к агрессивной экспансии большевизма в Европу»¹⁷², утверждалось, что «преступления нацизма не были уникальным и беспрецедентным явлением новой и новейшей истории, и не существует принципиальной разницы между ними и другими массовыми преступлениями XX в.»¹⁷³. Данный нарратив был защищен от исторического ревизионизма, альтернативная информация находилась под запретом (например, запрет во Франции фильма Марселя Офюльса “Горе и жалость” (1972)).

В тот период страны Западной Европы стали практиковать использование следующих инструментов политики памяти, в том числе относительно Второй мировой войны, сохраняющиеся до сих пор с изменением лишь нарратива и конкретных мер:

1. Публичная ретрансляция государственного видения исторического нарратива.

В рамках данного инструмента происходит политический дискурс политической элиты с привлечением общественности, СМИ и исторических институтов, в том числе в рамках годовщин. Историк-архивист В. Семёнов приводит в пример Францию, где «директор Национального архива — светское лицо и ньюсмейкер»¹⁷⁴.

2. Включение изучения определённых нарративов в обязательную программу школьного и университетского образования

3. Поддержка создания общественностью произведений культуры, отражающих национальный исторический нарратив.

4. Юридическое закрепление государственного исторического нарратива и его

¹⁷⁰ Миллер А. Указ. соч., 2012. С. 43

¹⁷¹ Нора П. Указ. соч.

¹⁷² Пиотровский, Ю. “Спор историков ФРГ (1986 г.)”: ключевая дискуссия о нацистском прошлом и немецкой национальной идентичности 1980 - х гг. [Электронный ресурс] / Ю. Пиотровский // “Изба-Читальня” - литературный портал, 2017. – URL: <https://www.chitalnya.ru/work/2084223/> (дата обращения: 20.05.2020)

¹⁷³ Там же

¹⁷⁴ Семенов, В. Как уничтожают архивы и почему вся надежда на архивистов-энтузиастов? [Электронный ресурс] В. Семенов // Коммерсантъ, 2017. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3390424> (дата обращения: 20.05.2020)

охрана от ревизионизма посредством принятия т.н. “законов памяти”.

5. Долговременная культурная память, основанная на мемориальной политике (создание памятников и музеев)
6. Создание стандартов коммемораций
7. Формирование глобальных исторических проектов, в т.ч. с привлечением архивных материалов и баз (historical database)

Вместе с тем свой нарратив Второй мировой войны, часто отличающийся от национального (государственного), стала формировать западноевропейская общественность, началась публичная дискуссия о коллаборационизме, характере Холокоста и роли своих наций в Холокосте.

Сама Вторая мировая война актуализировалась, в частности в политике и СМИ, во многом под влиянием западноевропейской общественности. В 1970-1980-е гг. произошли громкие случаи обнародования информации о коллаборационистском прошлом представителей политической элиты или обнаружения коллаборационистов и их осуждения за преступления времён войны: помилование деятеля режима Виши П. Тувье во Франции (1971) (1973 г. – предъявление обвинений в преступлениях против человечества, 1991 – приговор к пожизненному заключению); публичное обнародование информации о нацистском прошлом М. Папона во Франции и его отставка (1981) (министр бюджета Франции (1978-1981)); публичное обнародование информации о нацистском прошлом К. Вальдхайма (1986) (министр иностранных дел Австрии (1968-1970), президент Австрии (1986-1992)).

В этот период западноевропейской общественностью был создан ряд произведений культуры и публицистических и научных материалов, в котором отразился иной, отличающийся от национального (государственного), исторический нарратив событий Второй мировой войны. Один из наиболее ярких примеров в сфере культуры – выпуск французского фильма М. Офюльса “Горе и жалость” (1972) (в последующем запрещён). Факты запретов произведений искусства, освещавших коллаборационизм и прочие аспекты Второй мировой войны, противоречащие её государственному нарративу, становились достоянием общественности и провоцировали интерес к таким произведениям и стимулировали социокультурную динамику. Наиболее яркие примеры в сфере публицистики и науки: издание работы американского историка Р. Пакстона “Франция Виши” (1973), ставшей широко известной в Западной Европе, в частности во Франции, а также материалы, опубликованные в ФРГ в рамках т.н. “спора историков”

(Historikerstreit) - резонансной общественной дискуссии о характере Холокоста, его уникальности и беспрецедентности, роли немецкой нации в Холокосте и влиянии Холокоста на национальную идентичность, коллективную память и общий исторический имидж Германии (1986). Тогда часть участвовавших в дискуссии историков, философов и публицистов (в первую очередь, философ Ю. Хабермас) представила исторический нарратив, отличающийся от “национального” и ставший основой нарратива западноевропейской общественности. Попытки государственного вмешательства в науку, государственная критика научных публикаций и трудов, расходящихся с государственным историческим нарративом, как “искажающих, переписывающих и фальсифицирующих историю” аналогично провоцировали интерес к таким материалам и стимулировали соответствующую динамику в научной среде. В результате это привело к тому, что западноевропейская общественность сформировала доминирующую культуру памяти о Второй мировой войне, которая деконструировала национальные исторические нарративы и была принята странами Западной Европы в 1970-1990-х гг. (А. Миллер приводит в качестве примера Францию, где “освоение” истории французского коллаборационизма стало по сути «откликом на вызовы, сформулированные нефранцузскими историками в 1970-е»¹⁷⁵). По мере расширения сотрудничества стран Западной Европы с прочими странами Западной и Центральной Европы, не находившимися под советским влиянием, и их вступления в ЕС (волны расширения 1981 г., 1985 г., 1986 г. и 1995 г.) этот нарратив принимали и они, правда со значительно меньшей глубиной и последовательностью в “проработке прошлого”, «в существенной мере это было приспособление к внешним требованиям»¹⁷⁶.

Что касается характера исторического нарратива западноевропейской общественности, а позже и Западной Европы, о Второй мировой войне по мнению Б. Геремека «Для Западной Европы эта война была прежде всего эпическим противостоянием нацистской Германии и союзников, в состав которых входил СССР»¹⁷⁷. В первые послевоенные годы огромную роль в сближении национальных исторических нарративов стран Западной Европы сыграло понимание катастрофичности обеих мировых войн, в особенности последней – Второй мировой войны. И. Крастев пишет: «Европейский либерализм 50-х годов 20 века основан [...] на двух чудовищных мировых войнах. Великобритания [...] не вошла в этот союз, потому что она была среди держав

¹⁷⁵ Миллер А. Указ. соч., 2012. С. 43

¹⁷⁶ Там же. С. 44

¹⁷⁷ Geremek B. Op. cit. P. 37

победителей. Франция проиграла, Германия, разумеется, проиграла, почти все континентальные державы проиграли — то есть это был универсализм, основанный на поражении, [...] на эмпатии, сострадании и понимании гуманизма, а не доктрине могущества»¹⁷⁸. Н. Эппле пишет: «По итогам Второй мировой [...] государства Западной Европы сближались на основе памяти об общих страданиях»¹⁷⁹.

Несмотря на признание катастрофичности мировых войн для всей Европы изначально после Второй мировой войны в коллективной памяти западноевропейских народов существенное место занимали мотивы собственных страданий. К концу 1960-х гг. в обществах некоторых стран Западной Европы начал складываться консенсус в отношении прошлого, в особенности о Второй мировой войне. «Работа по критическому переосмыслению прошлого» была «запущена» Германией и затем «подхвачена» другими странами¹⁸⁰. Н. Эппле пишет: «Как только большая часть общества [западногерманского] достигла консенсуса на этот счет — это потребовало переосмысления отношений с соседями», «“Бум памяти”, разразившийся на Западе в последние десятилетия XX века, поставил, в частности, вопрос о необходимости строить международные отношения на новых принципах взаимодействия с прошлым»¹⁸¹.

Н. Эппле считает появление этих новых общих принципов следствием «этического поворота, стремления выстраивать национальную идентичность на опыте общего поражения и ответственности, а не национальной исключительности»¹⁸². Для этого поворота существовали определённые экономические и политические предпосылки. А. Миллер пишет: «“старые” страны ЕС смогли достичь этого [об общей вине в Холокосте] консенсуса потому, что последние десятилетия XX века были для них весьма успешными в экономическом и политическом плане. В условиях, когда будущее казалось безоблачным, а глобальная лидерская роль Евросоюза — неоспоримой, европейцам было легче признать необходимость покаяния за прошлые грехи»¹⁸³.

Центральная роль в историческом нарративе западноевропейской общественности и стран Западной Европы о Второй мировой войне оказалась отведена Холокосту. Н. Эппле пишет: «Сознательный выбор этого события [т.е. Холокоста] в качестве этической точки отсчета в странах Европы с начала 1980-х предполагал объединение на основе

¹⁷⁸ Крастев И. Указ. соч.

¹⁷⁹ Эппле Н. Указ. соч.

¹⁸⁰ Там же

¹⁸¹ Там же

¹⁸² Там же

¹⁸³ Миллер А. Указ. соч., 2016. С. 112

общих ценностей, а не разделение, неизбежное в случае опоры на национальное самосознание и “особый путь”¹⁸⁴. А. Миллер пишет: «в 1960–1990-е гг. в западноевропейских странах постепенно сложился определенный консенсус по поводу прошлого, стержнем которого было признание за Холокостом статуса центрального — и уникального — события XX века»¹⁸⁵. А. Ассман отмечает складывание определённого консенсуса вокруг Холокоста на Западе уже в середине 1970-х¹⁸⁶. Н. Эппле пишет: «Основой коллективной идентификации всей послевоенной Европы стала память о катастрофе европейского еврейства»¹⁸⁷ и отмечает, что «сознательный выбор этого события в качестве этической точки отсчета в странах Европы» произошёл в начале 80-х гг.¹⁸⁸, что совпадает хронологически с началом “мирового господства памяти”, обозначенного П. Нора. Именно в Западной Европе начался процесс признания Холокоста в качестве одной из основ общемировой коллективной памяти. По убеждению А. Ассман «с началом нового тысячелетия память о Холокосте стала глобальной»¹⁸⁹. Э. Траверсо пишет: «Забытый и почти не замечаемый вчера, сегодня Холокост занимает едва ли не все публичное пространство памяти»¹⁹⁰.

Консенсус о событиях Холокоста в данном случае основан на признании уникального и беспрецедентного характера преступлений нацизма в новой и новейшей истории (принципиально отличающихся от прочих массовых репрессий и актов геноцида XX в.) и коллективной вины стран и народов Европы в организации и реализации Холокоста. Н. Эппле пишет: «для Западной Европы акцент на Холокосте — это акцент на признании ответственности за собственные преступления»¹⁹¹. Более других свою историческую вину в организации и реализации Холокоста подчёркивает Германия¹⁹², что логично объясняется тем, что именно руководство нацистской Германии было инициатором “окончательного решения еврейского вопроса” в Европе, а нацистская администрация на разных уровнях, формирования СС и Ваффен-СС были основными (но не единственным) исполнителями конкретных актов Холокоста. Она же стала и первой

¹⁸⁴ Эппле Н. Указ. соч.

¹⁸⁵ Миллер А. Указ. соч., 2016. С. 111

¹⁸⁶ Ассман А. Указ. соч., 2017

¹⁸⁷ Эппле Н. Указ. соч.

¹⁸⁸ Там же

¹⁸⁹ Ассман А. Указ. соч., 2017

¹⁹⁰ Traverso E. Op. cit. P. 33-34

¹⁹¹ Эппле Н. Указ. соч.

¹⁹² Сирадзка, М., Барановская, М. Закон о Холокосте: Польша против всех [Электронный ресурс] // Deutsche Welle, 2018. – URL: <https://www.dw.com/ru/закон-о-холокосте-польша-против-всех/a-42519764> (дата обращения: 20.05.2020)

страной, признавшей свою вину, прибегнув к т.н. “ритуальным извинениям”. Н. Эппле пишет: «Исторический жест канцлера ФРГ Вилли Брандта, 7 декабря 1970 г. вставшего на колени перед мемориалом жертвам восстания в Варшавском гетто, был самым непосредственным следствием переосмысления нацистского прошлого в Германии»¹⁹³.

Со временем западноевропейская общественность и политическая элита стран Западной Европы демонстративно признала, что их страны и народы – не просто жертвы гитлеровской агрессии, а участники реализации преступлений против человечества, основным мотивом для которых стал, укоренённый в менталитете стран Западной Европы (в первую очередь Германии) расовый антисемитизм. По мнению А. Миллера «этот консенсус подчеркивал общую ответственность европейцев за “мрачные страницы прошлого»¹⁹⁴. В этом консенсусе и сложившемся на его основе нарративе фактически не отводилось места событиям, происходившим в Восточной Европе во Второй мировой войне, в т.ч. нарушений СССР международного права (например, присоединение к СССР в рамках военной операции РККА восточных территорий Польши (1939) и присоединении к СССР Эстонии, Латвии и Литвы (1940)) и операций органов государственной безопасности СССР против иностранных граждан и военнопленных (например, массового убийства пленных солдат и офицеров польской армии в Катыни (1940))¹⁹⁵. Страны Западной Европы не готовы согласиться на восточноевропейское предложение об уравнивании Холокоста с этими событиями по причинам того, что для них «уравнивание или даже просто соединение Холокоста с Большим террором выглядит девальвацией первого»¹⁹⁶, а также ввиду большей значимости памяти о роли СССР в освобождении Европы от нацизма.

Значимую роль в этом нарративе стало играть признание Европейского Сообщества (ЕЭС, позже ЕС) как закономерного следствия послевоенного восстановления Западной Европы и как «пути преодоления недавнего прошлого Европы, ставшей в первой половине XX века колыбелью двух мировых войн, и способе утвердить демократию как ключевую ценность, предохраняющую от тоталитаризма, милитаризма, расизма, дискриминации, социальной маргинализации и других социальных и

¹⁹³ Эппле Н. Указ. соч.

¹⁹⁴ Миллер А. Указ. соч., 2016. С. 111

¹⁹⁵ Geremek В. Op. cit. P. 37

¹⁹⁶ Эппле Н. Указ. соч.

политических недугов»¹⁹⁷, что, в последующем, заложило основу памяти еврократов и институтов ЕС о Второй мировой войне как значимой части “мифа основания” ЕС.

Несмотря на выход Соединённого Королевства из ЕС в январе 2020 г., стоит уделить внимание его историческому нарративу Второй мировой войны, так как оно также было вовлечено в общеевропейские процессы памяти и подвержено политике памяти ЕС в период своего членства ЕС. Нарратив Великобритании существенно отличается от нарратива континентальных стран Западной Европы. Н. Эппле объясняет это тем, что «Великобритания не относилась к числу стран, проигравших во Второй мировой, [что] не способствовало ее сближению с континентальной Европой»¹⁹⁸. Также Великобритания одна из немногих стран Западной Европы имеет непростую позицию по отношению к общеевропейской памяти о Холокосте. Н. Эппле приводит следующий аргумент: «Физическая удаленность Британии от территорий, на которых происходила катастрофа европейского еврейства, оправдывая отстраненность от обсуждения общей ответственности, долгое время облегчала возможность обходить молчанием некомфортные страницы британского прошлого»¹⁹⁹.

Таким образом, мы можем говорить о том, что актуализация Второй мировой войны в политике памяти стран Западной Европы обусловлена в значительной степени теми социально-политическими, социально-психологическими и социально-экономическими процессами, которые произошли в странах Западной Европы ещё в 1960-1980-е гг. Было установлено, что современные исторические нарративы о Второй мировой войне стран Западной Европы были сформированы под большим влиянием западноевропейской общественности. Конструируемый характер нарратива западноевропейской общественности и стран Западной Европы о Второй мировой войне, высокая роль разных социальных агентов, в частности национальных элит стран Западной Европы, западноевропейских наций и западноевропейской общественности и их дискурсивных практик (коммемораций, деклараций, создании мемориалов, “законов памяти” и пр.), в формировании нарратива западноевропейской общественности и стран Западной Европы о Второй мировой войне подтверждает соответствие развития процессов, связанных с памятью западноевропейской общественности и стран Западной Европы о Второй мировой войне, логике социального конструктивизма в международных отношениях и коллективной памяти и политики памяти в нациях.

¹⁹⁷ Миллер А. Указ. соч., 2012. С. 43

¹⁹⁸ Эппле Н. Указ. соч.

¹⁹⁹ Там же

2.2. Становление коллективной памяти и политики памяти о Второй мировой войне стран Восточной Европы и восточноевропейской общественности

Нарративы восточноевропейских стран во многом принципиально отличаются от западноевропейских. По мнению исследователей «европейский Восток и Запад не сумели синхронизировать свои ходы истории или объединить свои коллективные воспоминания»²⁰⁰. После упразднения социалистических режимов страны Центральной и Восточной Европы приступили к конструированию своих национальных исторических нарративов по собственному усмотрению²⁰¹. Во многом характер этих нарративов зависел от стремления к сотрудничеству с ЕС и членству в нём и вхождению в НАТО, а также в целом представить себя «европейцами» (в т.ч. перед ЕС и странами-членами ЕС), которые якобы некогда, по словам М. Кундеры, «принадлежали к части Европы» и «Запада», были «маленькой сверхевропейской Европой», но были «порабощены» в ходе «раздела Европы» и «атаки на их цивилизацию» Россией и коммунизмом²⁰². По мнению А. Миллера «единственным исключением являлась бывшая ГДР, которой в ходе поглощения Западной Германией пришлось принять нарратив, сформированный в ФРГ»²⁰³. К моменту расширений ЕС 2004 г. и 2007 г., вошедшие в состав ЕС, страны Восточной Европы имели свои устоявшиеся нарративы и зачастую - специальные институты для их разработки и формирования коллективной памяти, т.н. музеи оккупации и институты национальной памяти. Инструментарий политики памяти стран Восточной Европы фактически тождественен инструментарию политики памяти Западной Европы. В ряде стран Восточной Европы при президентах действуют советники по исторической политике.

А. Миллер, говоря об особенностях функционирования институтов национальной памяти на примере Польши, сообщает, что те находятся в более привилегированном положении, чем сотрудники Академии наук и университетов и доминируют «на рынке специальной и популярной печатной продукции по истории», а также видят нежелательных конкурентов в «посторонних» исследователях²⁰⁴.

Пересмотр исторических нарративов в странах Восточной Европы в иную сторону слабо представляется возможным ввиду того, что там на подъёме находятся

²⁰⁰ Geremek B. Op. cit. P. 36

²⁰¹ Meurs W. Op. cit. P. 88

²⁰² Kundera M. Op. cit. P. 33-34

²⁰³ Миллер А. Указ. соч., 2016. С. 112

²⁰⁴ Там же. С. 113

правоконсервативные силы, которые отличаются сакрализацией исторического нарратива, настаивая, что отступление от него - не только нарушение законодательства, но и надругательство над “памятью предков”²⁰⁵. Критически осмыслить свою историю не могут и общества данных стран (за исключением представителей европейской общественности и меньшинств, в т.ч. маргинализованных или дискриминированных).

Для восточноевропейских членов ЕС проблема Холокоста не занимает центральное место в исторических нарративах событий Второй мировой войны (сформированных ещё до вхождения в ЕС). В странах Восточной Европы господствует “сопротивленческая” версия событий, во многом близкая по характеру к той, что была принята в странах Западной Европы до 1970-х гг. Роль главной жертвы зарезервирована в них именно для титульной нации, а упор делается, страдания и ущерб от Германии, а также СССР и просоветских сил (во время вхождения территорий этих стран в 1939-1940 гг. или освобождения данных территорий от нацистской оккупации в 1939-1941 гг. и последовавшего за ним установления просоветских режимов), где Германия и СССР по характеру своих действий равноценны, как захватчики, действующие в рамках Пакта Молотова-Риббентропа (1939)²⁰⁶, «советская оккупация приравнивается к нацистской», однако советская сторона и коммунисты в большей степени “олицетворение зла”²⁰⁷. Упоминания о коллаборационизме избегаются, исторический нарратив сконцентрирован вокруг “героической борьбы” против “захватчиков” и “оккупантов” как военной (яркий пример – польская национальная память о битве при Вестерплатте (1939), в ходе которой польские войска 7 дней сдерживали натиск немецких войск)²⁰⁸, так и подпольной (яркий пример – польская национальная память о партизанском сопротивлении Армии Крайовой)²⁰⁹. В ряде стран (исследователи обычно приводят в качестве примера страны Балтии)²¹⁰ героями считаются националистические и коллаборационистские силы, в т.ч. участвовавшие в Холокосте. Их участие в реализации Холокоста замалчивается или даже отрицается, господствует т.н. “идея национальной невинности”²¹¹. В рамках этой идеи

²⁰⁵ Корреспондент.нет. В Польше расследуют празднование дня рождения Гитлера [Электронный ресурс] // Корреспондент.нет, 2018. – URL: <https://korrespondent.net/world/3931418-v-polshe-rassleduyut-prazdnovaniye-dnia-rozhdeniya-hytlera> (дата обращения: 20.05.2020)

²⁰⁶ Geremek B. *Op. cit.* P. 37

²⁰⁷ Miller A. *Op. cit.*

²⁰⁸ Snyder T. *Op. cit.*

²⁰⁹ Ibid.

²¹⁰ Miller A. *Op. cit.*; Миллер А. Указ. соч., 2012. С. 47

²¹¹ Miller A. *Op. cit.*

подчёркивается, что их нации сопротивлялись Холокосту и массово спасали его жертв претендуя на то, чтобы вся нация считалась “праведником народа мира”²¹².

В Восточной Европе господствует следующая оценка завершения и долгосрочных последствий Второй мировой войны: «конец войны, ключевой эпизод, от которого страны Западной Европы отсчитывают свою общую память и который в известном смысле служит для них чертой отсечения, для Восточной Европы оказывается окрашен совершенно иначе. Если для первых это освобождение от диктатуры, запустившее процессы свободного сближения стран на основе общих ценностей, то для вторых это начало новой диктатуры и нового порабощения, затянувшегося еще на несколько десятилетий»²¹³.

Принятые в восточноевропейских странах “законы памяти” были преимущественно направлены не против ревизионизма Холокоста, а против отрицания преступлений в отношении титульной нации и против признания роли титульной нации в преступлениях, в частности Холокосте (яркий пример – польский закон о Холокосте (2018))²¹⁴. Н. Эппле пишет о настойчивом стремлении Польши и стран Балтии «закрепить на общеевропейском уровне за сталинским террором такое же значение “отрицательного ориентира” в политике и этике, как это было сделано в отношении Холокоста»²¹⁵. Н. Эппле объясняет это стремление тем, что «для Восточной [Европы] акцент на преступлениях сталинизма нередко оказывается способом уйти от ответственности за собственное прошлое»²¹⁶. А. Миллер называет данную политику политикой “экспорта вины” и отмечает, что она распространена даже среди восточноевропейских стран-союзниц Германии во Второй мировой войне²¹⁷. Некий статус “жертвы”, по мнению Р. Ванагайте, позволяет странам Восточной Европы “отстраниться” от участия своих националистических и коллаборационистских сил в реализации Холокоста²¹⁸.

Необходимость “избежать ответственности” за прошлое в Восточной Европе объясняется тем, что в ряде стран проводится политика государственной героизации лиц и

²¹² Сирадзка, М., Барановская, М. Закон о Холокосте: Польша против всех [Электронный ресурс] // Deutsche Welle, 2018. – URL: <https://www.dw.com/ru/закон-о-холокосте-польша-против-всех/a-42519764> (дата обращения: 20.05.2020)

²¹³ Эппле Н. Указ. соч.

²¹⁴ Сирадзка, М., Барановская, М. Закон о Холокосте: Польша против всех [Электронный ресурс] // Deutsche Welle, 2018. – URL: <https://www.dw.com/ru/закон-о-холокосте-польша-против-всех/a-42519764> (дата обращения: 20.05.2020)

²¹⁵ Эппле Н. Указ. соч.

²¹⁶ Там же

²¹⁷ Миллер А. Указ. соч., 2016. С. 116

²¹⁸ Ванагайте Р. Указ. соч.

сил, принимавших участие в реализации Холокоста или этнических чистках еврейского и иного нетитульного населения. Переместить акцент в политике памяти на Холокост означает подвергнуть националистические силы периода Второй мировой войны дегероизации. Акцент на Холокосте в политике памяти стран Восточной Европы зависит исключительно от того, насколько проевропейски настроена та политическая элита, которые находятся у власти, является ли она носителем национального исторического нарратива или нарратива европейской общественности. Н. Эппле приводит в пример Польшу, в которой проевропейски настроенный президент А. Квасневский в 2001 г. признал ответственность поляков в одном из актов геноцида еврейского населения, при проевропейски настроенном президенте Д. Туске началось строительство Музея Второй мировой войны, который должен был предложить “универсалистский” взгляд на её историю. Консерваторы националистического толка, в частности партия “Право и Справедливость” подвергали данную политику памяти критике и после прихода к власти в 2015 г. вновь вернули её в “более традиционное” для Восточной Европы русло²¹⁹.

По мнению А. Миллера «во многих [...] посткоммунистических странах прошлое превратилось в первую очередь в оружие борьбы на внутри- и внешнеполитическом фронте»²²⁰, политика памяти в этих странах стала “исторической политикой”, где государство и политическая элита не может допустить участия в политике памяти прочих акторов, а память общественности и меньшинств воспринимается как конкурирующая. Восточноевропейская общественность фактически исключена из участия в политике памяти своих стран. По большей части она “солидаризовалась” в своих взглядах относительно памяти о Второй мировой войне с западноевропейской общественностью, вместе с тем предложив ей идею об общности судьбы Европы во Второй мировой войне и равноценности тоталитарного характера, военных преступлений и нарушений международного права нацистской Германии и СССР во Второй мировой войне, ставшей позже одной из основ исторического нарратива европейской общественности.

Использование прошлого как “оружия” в странах Восточной Европы наталкивается на очевидное сопротивление общественности и меньшинств, для которых нарратив государства противоречит их нарративу. По мнению А. Миллера «с точки зрения еврея, которому в Риге или Вильнюсе чудом удалось выжить до прихода Красной Армии,

²¹⁹ Эппле Н. Указ. соч.

²²⁰ Миллер А. Указ. соч., 2016. С. 113-114

различие между ними [советской и нацистской оккупацией] есть»²²¹. Во многом это обуславливает активность общественности стран Восточной Европы и её меньшинств в проведении своей политики и в участии в политике памяти европейской общественности и институтов ЕС.

Таким образом, мы можем говорить о том, что актуализация Второй мировой войны в политике памяти стран Восточной Европы обусловлена в значительной степени теми социально-политическими процессами, которые произошли в странах Восточной Европы ещё в конце 1980-х – начале 1990-х гг. и были связаны с национальным строительством. Было установлено, что современные исторические нарративы о Второй мировой войне стран Восточной Европы были сформированы под гораздо большим влиянием политических элит этих стран, чем их общественности, а общественность по сути исключена из участия в национальной политике памяти. Конструируемый характер нарратива западноевропейской общественности и стран Восточной Европы о Второй мировой войне, высокая роль разных социальных агентов, в частности национальных элит стран Восточной Европы и восточноевропейских наций и их дискурсивных практик (коммемораций, деклараций, создании мемориалов, “законов памяти” и пр.), в формировании нарратива стран Восточной Европы о Второй мировой войне подтверждает соответствие развития процессов, связанных с памятью стран Восточной Европы о Второй мировой войне, логике социального конструктивизма в международных отношениях и коллективной памяти и политики памяти в нациях.

2.3. Становление коллективной памяти и политики памяти о Второй мировой войне европейской общественности

Старший научный сотрудник Комитета по культуре и образованию при Европейском парламенте М. Прутш пишет, что «попытки добавить наднациональный слой к существующим национальным коллективным идентичностям и воспоминаниям были предприняты европейскими политическими элитами с самого начала европейской интеграции»²²². Нахождение консенсуса по определённым вопросам памяти о Второй мировой войне, формирование схожих исторических нарративов в странах Западной Европы позволяет считать, что примерно к 1980-м гг. уже сложились наднациональная

²²¹ Miller A. Op. cit.

²²² Prutsch M. Op. cit. P.15

западноевропейская память и политика памяти, в т.ч. о Второй мировой войне. Она стала основой будущей (обще)европейской памяти о Второй мировой войне и политики памяти о ней. Основными акторами этих процессов на тот период были относительно единая западноевропейская политическая элита, в которой довольно значимой группой к тому моменту являлась группа “еврократов”, связанных с институтами ЕС, а также западноевропейская общественность, взаимосвязанная с этой элитой (в особенности с “еврократами”).

Позже этот консенсус стал “охраняться” на государственном уровне с использованием тех же инструментов, которые некогда использовались для охраны национальных нарративов. По мнению подписантов “воззвания из Блуа” (2008), среди которых ведущие европейские историки, в европейских странах происходит ограничение исторических дебатов путём «государственного регулирования исторической истины», «установления законом некоей государственной правды в отношении прошлого» и её «юридического навязывания»²²³. В Западной Европе в 1980-1990-х гг. началось законодательное закрепление борьбы с ревизионизмом Холокоста, подразумевающее принятие т.н. “законов памяти”, предусматривающих юридические санкции за таковой (первыми из которых стали закон “о лжи об Освенциме” в Германии (1985) и “закон Гайсо” во Франции (1990)).

Постепенно в ряде стран Европы стали отмечаться годовщины, посвящённые Холокосту, как некий “День памяти (жертв) Холокоста”. Первой страной, ставшей отмечать подобные годовщины, стала Франция: это день памяти “Облавы Зимнего велодрома”, отмечаемый каждое 16 июля с 1993 г. и день памяти “Праведников нации”, отмечающийся 18 января с 2007 г. (после закрепления 27 января как дня памяти Холокоста в большинстве стран Европы день памяти “Праведников нации” перестал отмечаться). В большинстве стран Европы этим днём стало 27 января – день освобождения узников концентрационного лагеря Аушвиц (1945). В Германии он был установлен в 1996, в Дании - в 2003. В 2005 г. страны ЕС подписали резолюцию ГА ООН “Память о Холокосте”, которая провозгласила 27 января Международным днём памяти жертв Холокоста, а также огласила список инструментов формирования коллективной памяти о Холокосте²²⁴. 27 января 2005 года был провозглашён “Днём памяти жертв Холокоста” в

²²³ Liberté pour l’Histoire. Appel de Blois [Электронный ресурс] // Le Monde, 2008. – URL: https://www.lemonde.fr/idees/article/2008/10/10/appel-de-blois_1105436_3232.html (дата обращения: 20.05.2020)

²²⁴ UN General Assembly. Resolution adopted by the General Assembly on 1 November 2005. 60/7. Holocaust remembrance [Электронный ресурс] // UN General Assembly, 2005. – URL:

нескольких государствах-членах ЕС²²⁵, позже этот список расширился. В ряде стран 2 августа также отмечается день памяти Холокоста цыган.

Роль политики памяти западноевропейской общественности и стран Западной Европы о Второй мировой войне в 1970-1990-е гг. огромна: она «внесла важнейший вклад в переработку трагического опыта Второй мировой войны, преступлений нацистского режима и формирования на этой основе консолидирующего исторического нарратива»²²⁶. Современная европейская политика памяти о Второй мировой войне (как политика памяти европейской общественности, так и политика памяти европейских институтов) в значительной степени предопределена той политикой памяти о ней, которую выработали ранее западноевропейская общественность и страны Западной Европы, и её историческим нарративом.

После падения «железного занавеса» ранее изолированные культуры памяти Западной и Восточной Европы вступили во взаимодействие – ещё до вступления стран Восточной Европы в ЕС. По мнению А. Миллера примерно тогда, ещё в период «кризиса советского блока» произошла серьёзная идентичностная трансформация - «тема России как конституирующего Другого европейской идентичности вновь получила свое развитие»²²⁷, что не могло не повлиять и на характер исторического нарратива – осуждение действий СССР во Второй мировой войне и их сравнение с действиями нацистской Германии стало предопределено. Стал формироваться исторический нарратив европейской общественности (в которую оказались включены политики и представители интеллигенции стран Восточной Европы), а также политика памяти этой общественности – европейская политика памяти (не стоит путать с политикой памяти институтов ЕС). Эксперты считают, что на сегодняшний день «концепция политики памяти сегодня является одним из ключевых элементов современного европейского политического дискурса»²²⁸. Процесс взаимодействия нарративов Западной и Восточной Европы получил значительное развитие в связи со вступлением части стран Восточной Европы в ЕС в рамках волн расширения 2004 г. и 2007 г.

http://www.un.org/en/ga/search/view_doc.asp?symbol=A/RES/60/7 (дата обращения: 20.05.2020)

²²⁵ European Parliament. European Parliament resolution of 27 January 1995 on remembrance of the Holocaust, anti-semitism and racism [Электронный ресурс] // European Parliament, 1995. – URL: <http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?pubRef=-//EP//TEXT+TA+P6-TA-2005-0018+0+DOC+XML+V0//EN&language=EN> (дата обращения: 20.05.2020)

²²⁶ Ефременко Д. Указ. соч. С. 111

²²⁷ Миллер А. Указ. соч., 2012. С. 44

²²⁸ Медушевский Н. Указ. соч. С. 167

М. Прутш выделяет воспоминания о Первой и Второй мировых войнах как одну из трёх составляющих европейской политики памяти²²⁹. Несомненно, этот исторический нарратив повлиял и продолжает влиять на формирование исторического нарратива “еврократов” и институтов ЕС и их политики памяти о Второй мировой войне – европейская общественность играет огромную роль в политике стран-членов ЕС и ЕС, “еврократы” и институты ЕС вынуждены принять её нарратив, чтобы не вступить в конфликт с ней и не потерять признание своей легитимности с её стороны.

В 2000-х г. европейская общественность издала ряд деклараций, посвящённых памяти о Второй мировой войне, самая известная из которых – Пражская декларация о европейской совести и коммунизме²³⁰, в которой коммунизм и нацизм признавались общим наследием Европы и выдвигались требования о признании преступлений коммунизма, в т.ч. советского режима, совершённых во время Второй мировой войны, и “принятии общеевропейской ответственности” за них соразмерно признанию преступлений нацизма и об установлении 23 августа (дня заключения пакта Молотова-Риббентропа (1939) как “дня памяти жертв нацистского и коммунистического тоталитарных режимов”.

Об историческом нарративе европейской общественности о Второй мировой войне можно узнать из её деклараций, мемориалов и музеев о ней. В качестве одного из ключевых “мест памяти” европейской общественности в Европе, где представлен её нарратив событий Второй мировой войны, можно рассмотреть Музей Второй мировой войны в г. Гданьск (Польша) (проектирование музея и его экспозиций начато в 2007 г., официальное открытие состоялось в 2017 г.)²³¹, открытый при содействии польской неолиберальной проевропейской партии Гражданская Платформа и сформированного ей правительства Польши (2007-2011; 2011-2015) и лично премьер-министра Дональда Туска (2007-2014), известного своими проевропейскими взглядами. Показательно, что музей и его экспозиции критиковались консервативной польской партией Право и Справедливость, а позже сформированным ей правительством (2015-2019) как “недостаточно патриотичный”, в итоге музей стал “местом сопротивления действующей

²²⁹ Prutsch M. Op. cit. P.15

²³⁰ Prague Conference “European Conscience and Communism”. Prague Declaration of 3 June 2008 on European Conscience and Communism [Электронный ресурс] // Prague Declaration, 2008. – URL: <https://web.archive.org/web/20081209014215/http://www.praguedeclaration.org/> (дата обращения: 20.05.2020)

²³¹ Muzeum II Wojny Światowej w Gdańsku [Электронный ресурс]. – URL: <https://muzeum1939.pl> (дата обращения: 20.05.2020)

власти”²³². Исследователи признают, что он действительно «не принимает общепринятую национальную историю войны»²³³.

Признаётся, что участвовавшие во Второй мировой войне тоталитарные и авторитарные государства и их режимы были тождественны по своему характеру (СССР, нацистская Германия, Япония, Италия и пр.), а Германия и СССР среди них «стремились уничтожить как своих реальных, так и воображаемых врагов - целые социальные группы, нации и расы»²³⁴. Признаётся, что авторитарные и тоталитарные режимы “работали рука об руку”, в качестве примеров приводятся сотрудничество фашистской Италии и нацистской Германии, а также последней с СССР²³⁵.

Признаётся “преступный характер” Второй мировой войны²³⁶. Также признаётся равная роль «сил, которые стремились уничтожить порядок, установленный Версальским договором, то есть нацизма, итальянского фашизма, коммунизма и японского империализма» в “прокладывании пути” ко Второй мировой войне, так как они «ожесточали политику и формировали [милитаристский] менталитет»²³⁷. Особая роль в развязывании Второй мировой войны отводится нацистской Германии и СССР в связи с заключением Пакта Молотова-Риббентропа (1939)²³⁸ (часто также именуемого Пактом Гитлера-Сталина)²³⁹. Признаётся, что “тоталитарные режимы” во Второй мировой войне проводили “территориальную экспансию” и предпринимали шаги «для уничтожения целых государств и порабощения наций»²⁴⁰. Считается, что это стало возможно благодаря “пассивности западных демократий”²⁴¹. Ключевую роль в победе над нацизмом и “освобождении Европы” во Второй мировой войне сыграли объединённые усилия СССР,

²³² Pyzik A. Op. cit.

²³³ Snyder T. Op. cit.

²³⁴ Muzeum II Wojny Światowej w Gdańsku. The road to war [Электронный ресурс]. – URL: <https://muzeum1939.pl/en/road-war/841.html> (дата обращения: 20.05.2020)

²³⁵ Ibid.

²³⁶ Muzeum II Wojny Światowej w Gdańsku. The horrors of war [Электронный ресурс]. – URL: <https://muzeum1939.pl/en/horrors-war/842.html> (дата обращения: 20.05.2020)

²³⁷ Muzeum II Wojny Światowej w Gdańsku. The road to war [Электронный ресурс]. – URL: <https://muzeum1939.pl/en/road-war/841.html> (дата обращения: 20.05.2020)

²³⁸ Pyzik A. Op. cit.

²³⁹ Prague Conference “European Conscience and Communism”. Prague Declaration of 3 June 2008 on European Conscience and Communism [Электронный ресурс] // Prague Declaration, 2008. – URL: <https://web.archive.org/web/20081209014215/http://www.praguedeclaration.org/> (дата обращения: 20.05.2020)

²⁴⁰ Muzeum II Wojny Światowej w Gdańsku. The road to war [Электронный ресурс]. – URL: <https://muzeum1939.pl/en/road-war/841.html> (дата обращения: 20.05.2020); Muzeum II Wojny Światowej w Gdańsku. The horrors of war [Электронный ресурс]. – URL: <https://muzeum1939.pl/en/horrors-war/842.html> (дата обращения: 20.05.2020)

²⁴¹ Muzeum II Wojny Światowej w Gdańsku. The road to war [Электронный ресурс]. – URL: <https://muzeum1939.pl/en/road-war/841.html> (дата обращения: 20.05.2020)

Соединённого Королевства и США (без признания особой или решающей роли СССР)²⁴², в частности усилия их разведок, дипломатии, политической конкуренции, фронта и тыла²⁴³. Признаётся вклад в победу над нацизмом правительств в изгнании и подпольных государств (например, польского) стран, оккупированных нацистской Германией и СССР²⁴⁴.

Признаётся “трагичный” характер Второй мировой войны²⁴⁵. Значительная роль в историческом нарративе её событий также, как и в Западной Европе, оказалась отведена Холокосту. Холокост считается планомерной политикой нацистов, имевшей определённые этапы, подразумевавшей создание сети концентрационных лагерей и затронувшей все оккупированные ими страны Европы²⁴⁶. Нацистские концентрационные лагеря называются “лагерями смерти” и наравне с еврейскими гетто (например, в Варшаве и Лодзи) признаются центрами геноцида, местами, где творились ужасающие акты насилия²⁴⁷. Признаётся наличие ксенофобских и шовинистических идей (в частности антисемитизма) коллаборационистских, националистических (часто антисоветских и антинацистских) сил и даже местного населения, а также их роли в дискриминации евреев, военных преступлениях и актах геноцида (например, еврейских погромах) во время Второй мировой войны²⁴⁸. Признаются также погромы украинцев в Польше, погромы поляков украинцами на Волыни (т.н. Волынская резня (1943)), геноцид сербов усташами в Хорватии.

Среди прочих военных преступлений тоталитарных режимов против гражданского населения во время Второй мировой войны признаются “рабский труд” “членов покоренных наций” и принудительные депортации (например, депортации польских и бывших польских граждан в отдалённые территории СССР (1940-1941)), в которых «как Третий Рейх, так и Советский Союз руководствовались политическими, расовыми и экономическими установками» и которые те осуществляли «с первых дней войны до

²⁴² Muzeum II Wojny Światowej w Gdańsku. The war's long shadow [Электронный ресурс]. – URL: <https://muzeum1939.pl/en/wars-long-shadow/843.html> (дата обращения: 20.05.2020)

²⁴³ Muzeum II Wojny Światowej w Gdańsku. The horrors of war [Электронный ресурс]. – URL: <https://muzeum1939.pl/en/horrors-war/842.html> (дата обращения: 20.05.2020)

²⁴⁴ Ibid.

²⁴⁵ Muzeum II Wojny Światowej w Gdańsku. Permanent exhibition. About the exhibition [Электронный ресурс]. – URL: <https://muzeum1939.pl/en/permanent-exhibition-about-exhibition/840.html> (дата обращения: 20.05.2020)

²⁴⁶ Muzeum II Wojny Światowej w Gdańsku. The horrors of war [Электронный ресурс]. – URL: <https://muzeum1939.pl/en/horrors-war/842.html> (дата обращения: 20.05.2020)

²⁴⁷ Ibid.

²⁴⁸ Pyzik A. Op. cit.

последних»²⁴⁹. Со стороны Германии также признаются «преступления [...] против польских и еврейских гражданских лиц, убийства военнопленных и беззащитных беженцев, а также беспощадные бомбардировки городов, в частности Варшавы»²⁵⁰. Внимание уделяется также атомной бомбардировке японских Хиросимы и Нагасаки (1945), однако не даётся её явной трактовки как военного преступления²⁵¹.

Подчёркивается преемственность между двумя мировыми войнами и их схожесть в отдельных аспектах (“ужасах войны”)²⁵². Подчёркивается страдание простого гражданского населения в военное время и то, что “ужасы войны” были его повседневной жизнью и что условия жизни постепенно ухудшались²⁵³. Помимо них с “ужасами войны” столкнулись солдаты, военнопленные, заключённые лагерей и подневольные работники (часто не упоминаются конкретно заключённые каких лагерей и подневольные работники какой страны, что позволяет относить это не только к нацистской Германии, но и к СССР)²⁵⁴. В особенности это коснулось меньшинств: женщин, детей, их невозможности реализовать свои права и свободы и воспользоваться общественными благами, например, ходить в школу, их значительная роль в деятельности тыла (как стран Союзников, так и Оси)²⁵⁵. В качестве примера подобных страданий гражданского населения приводится блокада советского Ленинграда (1941-1944)²⁵⁶.

Внимание уделяется жертвенности гражданского общества (Движения Сопротивления) в борьбе с нацизмом и сталинизмом, в т.ч. в рамках “гражданских форм сопротивления” (например, подпольного образования) и партизанского движения (в т.ч. советского) и в ходе разного рода восстаний, (например, Варшавского восстания (1944)), признаётся, что тоталитаризму и оккупации сопротивлялись люди разных взглядов, даже коммунисты²⁵⁷. Признаётся высокая роль в антинацистской и антисоветской борьбе

²⁴⁹ Muzeum II Wojny Światowej w Gdańsku. The horrors of war [Электронный ресурс]. – URL: <https://muzeum1939.pl/en/horrors-war/842.html> (дата обращения: 20.05.2020)

²⁵⁰ Muzeum II Wojny Światowej w Gdańsku. The road to war [Электронный ресурс]. – URL: <https://muzeum1939.pl/en/road-war/841.html> (дата обращения: 20.05.2020)

²⁵¹ Muzeum II Wojny Światowej w Gdańsku. The war's long shadow [Электронный ресурс]. – URL: <https://muzeum1939.pl/en/wars-long-shadow/843.html> (дата обращения: 20.05.2020)

²⁵² Pyzik A. Op. cit.

²⁵³ Muzeum II Wojny Światowej w Gdańsku. The horrors of war [Электронный ресурс]. – URL: <https://muzeum1939.pl/en/horrors-war/842.html> (дата обращения: 20.05.2020); Muzeum II Wojny Światowej w Gdańsku. Exhibition for children ‘Time travel’ [Электронный ресурс]. – URL: <https://muzeum1939.pl/en/exhibition-children-time-travel/844.html> (дата обращения: 20.05.2020)

²⁵⁴ Muzeum II Wojny Światowej w Gdańsku. The horrors of war [Электронный ресурс]. – URL: <https://muzeum1939.pl/en/horrors-war/842.html> (дата обращения: 20.05.2020)

²⁵⁵ Pyzik A. Op. cit.

²⁵⁶ Ibid.

²⁵⁷ Muzeum II Wojny Światowej w Gdańsku. Exhibition for children ‘Time travel’ [Электронный ресурс]. – URL: <https://muzeum1939.pl/en/exhibition-children-time-travel/844.html> (дата обращения: 20.05.2020)

правительств в изгнании и подпольных государств (например, польского), а также их высокая политическая и социальная самоорганизация²⁵⁸.

Вместе с тем, признаётся существование и широкого коллаборационистского движения в Европе в годы Второй мировой войны, а также то, что во многом он был продиктован обстоятельствами, в которых оказались люди и группы населения, когда «диапазон возможных вариантов [решений] был ограничен плохими»²⁵⁹, которые и привели к “приспособленчеству”, часто проявляющемся в сотрудничестве людей сразу с несколькими политическими режимами за время войны. В целом нельзя сказать, что коллаборационизма занимает центральные позиции в европейской политике памяти.

Также европейской общественностью признаётся значимость включения в него элементов нарратива Восточной Европы (А. Миллер приходит к выводу, что «европейцы [...] продвигают позицию Польши и Прибалтики»²⁶⁰), в особенности признания советских нарушений международного права, военных преступлений и политических репрессий периода Второй мировой войны, однако так, чтобы восточноевропейские “национальные страдания военного времени” не превалявали над Холокостом и не снимали с народов Восточной Европы вину в нём. Признаётся сотрудничество СССР и нацистской Германии и их совместные действия, в т.ч. в вопросе “агрессии” против Польши, что обозначается как “новый раздел Польши” (по аналогии с разделами Польши Пруссией, Австрией и Россией в XVIII в.) и признаётся “беззаконием”²⁶¹. Действия СССР по отношению к Польше (вторжение СССР в Польшу, 1939) и Финляндии (советско-финская (Зимняя) война, 1939-1940) носили завоевательный характер, а по отношению к Эстонии, Латвии и Литве (вхождение этих государств в состав СССР, 1940), а также Румынии (присоединение румынской Бессарабии и Буковины, 1940) однозначно могут трактоваться как “оккупация” и “аннексия” с целью “советизации”²⁶². Среди действий немецких и советских вооружённых сил и органов государственной безопасности в Восточной Европе, квалифицируемых как военные преступления, наиболее часто упоминаются немецкие репрессии против польской интеллигенции (1939) и массовое убийство пленных польских офицеров и полицейских близ Катыни советскими органами государственной

²⁵⁸ Muzeum II Wojny Światowej w Gdańsku. The horrors of war [Электронный ресурс]. – URL: <https://muzeum1939.pl/en/horrors-war/842.html> (дата обращения: 20.05.2020)

²⁵⁹ Snyder T. Op. cit.

²⁶⁰ Miller A. Op. cit.

²⁶¹ Muzeum II Wojny Światowej w Gdańsku. The road to war [Электронный ресурс]. – URL: <https://muzeum1939.pl/en/road-war/841.html> (дата обращения: 20.05.2020)

²⁶² Ibid.

безопасности (1940)²⁶³. Всё больше внимания уделяется преступлениям против гражданских, причём актуализируются таковые с советской стороны (один из наиболее ярких примеров – изнасилования советскими солдатами женщин всех возрастов в оккупированной ими Германии), в следствие чего «в европейской прессе произошла русификация преступления и национализация жертвы. Если происходит что-то плохое, то это сделала Красная Армия - коммунисты и русские»²⁶⁴. Готовность к сравнению нацизма и коммунизма во Второй мировой войне является одним из ключевых отличий исторического нарратива современной европейской общественности о Второй мировой войне от того нарратива западноевропейской общественности и стран Западной Европы, который господствовал в 1970-1980-х гг.

К последствиям войны относятся «огромные людские и материальные потери, пограничные изменения в Центральной и Восточной Европе», «послевоенные миграции», в частности «переселения поляков из районов, включенных в состав Советского Союза, изгнания немцев и эмиграции евреев в Палестину»²⁶⁵. Уделяется внимание трибуналам над нацистскими и японскими военными преступниками, а также послевоенным преследованием коллаборационистов (а также подозреваемых в коллаборационизме)²⁶⁶. Признаётся, что несмотря на то, что СССР принял участие в «освобождении Европы», это привело к «подчинению» её значительной части ему, установлению «железного занавеса» и коммунизма в ней в качестве идеологии и «разделению континента и советизации земель к востоку от Эльбы»²⁶⁷.

Вместе с тем, стоит подчеркнуть, что в Европе не была сформирована единая общеевропейская память, которая бы доминировала в каждой стране и в целом в Европе и ЕС. А. Миллер отмечает, что «в Европе наблюдается несколько конфликтов в отношении памяти и много различных линий фронта»²⁶⁸. Европейская общественность является одной из тех трансъевропейских групп, которой удалось сформировать общую память или рамки памяти хотя бы о Второй мировой войне и её представители в странах Восточной Европы наталкиваются на очевидное сопротивление государства и правящих консервативных элит при попытке проводить свою политику памяти. Несмотря на то, что

²⁶³ Muzeum II Wojny Światowej w Gdańsku. The horrors of war [Электронный ресурс]. – URL: <https://muzeum1939.pl/en/horrors-war/842.html> (дата обращения: 20.05.2020)

²⁶⁴ Miller A. Op. cit.

²⁶⁵ Muzeum II Wojny Światowej w Gdańsku. The war's long shadow [Электронный ресурс]. – URL: <https://muzeum1939.pl/en/wars-long-shadow/843.html> (дата обращения: 20.05.2020)

²⁶⁶ Ibid.

²⁶⁷ Ibid.

²⁶⁸ Miller A. Op. cit.

А. Миллер называет “общую европейскую память”, которая «концентрируется на Холокосте как ключевом событии», “старым понятием”²⁶⁹, это понятие все ещё актуально, т.к. такая память всё ещё занимает важное пространство в среде европейской общественности, а на общеевропейском уровне, как господствующая во всех странах Европы или по крайней мере ЕС, она была близка к существованию разве что в рамках ЕС до расширения 2004 г. и 2007 г.

Таким образом, было установлено что современный исторический нарратив европейской общественности о Второй мировой войне во многом образован на основе того нарратива, который ранее выработала западноевропейская общественность и приняли как господствующий страны Западной Европы, а также восточноевропейская общественность сочетая разные элементы каждого из них, а само его формирование стало возможным благодаря стимуляции контактов между нациями и обществами стран Западной и Восточной Европы после “падения железного занавеса” и вступления стран Восточной Европы в ЕС, где СССР и Россия более активно стали играть образ Другого в европейской идентичности. Была установлена доминирующая роль исторического нарратива европейской общественности о Второй мировой войне в формировании аналогичного у “еврократов” и институтов ЕС. Конструируемый характер нарратива европейской общественности, высокая роль разных социальных агентов, в частности национальных элит стран-членов ЕС, европейских наций и европейской общественности и их дискурсивных практик (коммемораций, деклараций, создании мемориалов, “законов памяти” и пр.), в формировании нарратива европейской общественности подтверждает соответствие развития процессов, связанных с памятью европейской общественности о Второй мировой войне, логике социального конструктивизма в международных отношениях, европейских исследованиях и коллективной памяти и политики памяти в нациях и прочих социальных группах, в т.ч. наднациональных.

²⁶⁹ Ibid.

Глава 3. Содержание политики памяти институтов Европейского союза о Второй мировой войне

3.1. Внутри- и внешнеполитические факторы политики памяти институтов Европейского союза о Второй мировой войне

Ключевые факторы политики памяти институтов Европейского союза о Второй мировой войне являются дискурсивными и культурными. К значимым внутривнутриполитическим факторам, влияющим на политику памяти ЕС можно отнести характер наднациональных элит в ЕС и европейской общественности, характер и показатели европейской идентичности и сопричастности Европейскому союзу в странах-членах ЕС. Помимо них существенное влияние оказывают характеристики социального измерения обществ стран-членов: их фрагментированность, развитость двойных и множественных идентичностей, виктимальность, авторитарность, развитость исторических (коллективных) травм, специфика национальной коллективной памяти и пр. Немаловажными факторами влияния являются внешнеполитические факторы, среди которых влияние на институты ЕС и страны-члены ЕС политики памяти прочих акторов, в т.ч. наднациональных, а также международный фактор.

Наднациональной элитой ЕС считаются т.н. “еврократы”. Исследователи предлагают относить к группе “еврократов” «людей, чья профессиональная деятельность либо профессиональная деятельность их ближайших членов семьи непосредственно связана с обеспечением функционирования институтов европейской интеграции и реализацией многочисленных программ Евросоюза в самых разных областях»²⁷⁰. Под “институтами европейской интеграции” (институтами ЕС) имеются ввиду, в первую очередь, Европейский парламент, Европейский совет, Совет Европейского союза, Европейская комиссия, Суд Европейского союза, Европейская счётная палата, Европейский центральный банк. Можно считать, что эта группа, формально не связанная ни общностью языка, ни единой национально-государственной принадлежностью, является носителем групповой “еврократической идентичности”, а также «служит естественной основой для укрепления идентичности более широкой, ассоциируемой с идеей Единой Европы»²⁷¹, т.е. является проводником европейской идентичности. По

²⁷⁰ Ефременко Д. Указ. соч. С. 113

²⁷¹ Там же

мнению исследователей к сегодняшнему дню ЕС и его “еврократические” структуры «могут вносить значимый вклад [...] в “роевропейскую политику” памяти»²⁷².

Вместе с тем Д. Ефременко считает, что “еврократы”, как и любая прочая социальная группа в Европе, не в состоянии «сформировать наднациональную рамку коллективной памяти, которая могла бы прийти на смену национальным историческим нарративам»²⁷³ и предлагает отвести ключевую роль в формировании коллективной памяти в пределах ЕС европейской общественности - «коммуникации гражданских обществ стран ЕС по политически и социально значимым темам, в ходе которой формируется общеевропейский дискурс и становится возможным возникновение чувства общности»²⁷⁴. Европейская общественность является носителем культурных и гуманитарных идей в пределах европейского общества (населения стран-членов ЕС). Институты ЕС вынуждены считаться с её мнением, и если та (т.е. довольно значительное число её представителей, обычно исчисляющееся сотнями человек) настаивает на том или ином видении исторического нарратива, принятии той или иной меры европейской политики памяти, то, вероятно, ЕС пойдёт навстречу этим предложениям. Так, Европейский день памяти Праведников народов мира 6 марта был установлен как годовщина ЕП (2012) после предложения такового со стороны европейской общественности («призыва ведущих граждан»²⁷⁵) в лице действующих и бывших политических деятелей стран-членов ЕС, руководителей организаций гражданского общества и деятелей искусства (вплоть до лауреатов Нобелевской премии по литературе)²⁷⁶. Данный пример также наглядно показывает, кого вообще обычно включает в себя европейская общественность. В свою очередь, европейская общественность способствует легитимации принимаемых европейскими институтами решений (в т.ч. в сфере политики памяти) выступая как их проводник и претворяя их в жизнь (организация мероприятий, создание и демонстрация произведений культуры, подписание и оглашение разного рода заявлений и пр.). Вклад же “еврократов” и европейских институтов в

²⁷² Там же

²⁷³ Там же

²⁷⁴ Там же. С. 114

²⁷⁵ European Parliament. Declaration of the European Parliament of 10 May 2012 on support for the establishment of a European Day of Remembrance for the Righteous [Электронный ресурс] // EUR-Lex, 2012. – URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/HR/TXT/?uri=CELEX:52012XP0205> (дата обращения: 20.05.2020)

²⁷⁶ La Repubblica. Un concerto per non dimenticare le radici della Foresta dei Giusti [Электронный ресурс] // La Repubblica, 2012. – URL: https://www.repubblica.it/esteri/2012/03/29/news/giusti_concerto_nissim-32422561/ (дата обращения: 20.05.2020); La Repubblica. La giornata europea dei Giusti contro i crimini e totalitarismi [Электронный ресурс] // La Repubblica, 2012. – URL: https://www.repubblica.it/solidarieta/diritti-umani/2012/03/05/news/la_giornata_europea_dei_giusti_contro_i_crimini_e_totalitarismi-30993461/ (дата обращения: 20.05.2020)

формирование европейской коллективной памяти (в т.ч. о Второй мировой войне) в значительной степени определяется влиянием на европейскую общественность в рамках политики памяти ЕС – те могут привлекать её к участию в коммеморациях, конкурсах с определёнными, заданными ЕС, стандартами коммемораций, создавать некие правовые рамки для её интеллектуальной и творческой деятельности и пр.

Значительная часть исследователей признаёт существование или формирование «европейской наднациональной макрополитической идентичности»²⁷⁷. Оценивая современную идентичность стран-членов ЕС, Т. Рисс приходит к следующему выводу: «Германия, Франция, Италия или Нидерланды не являются больше просто европейскими государствами. Они государства ЕС в том смысле что их государственность во всё большей степени определяется их членством в ЕС»²⁷⁸. В 2018 году, согласно данным Евробарометра, 56% жителей стран-членов ЕС чувствовали себя в качестве «граждан ЕС» (сопричастность ЕС) и 65% - сопричастность Европе (европейская идентичность)²⁷⁹. Таким образом, мы можем предположить, что значительная часть населения ЕС (близкая к 56 %) разделяет или готова разделить и политику памяти ЕС о Второй мировой войне. Учитывая то, что политика памяти ЕС преследует своей целью формирование европейской коллективной памяти (и европейской идентичности), а значит по большей части соответствует убеждениям и идеалам носителей европейской идентичности, то её, с большой вероятностью, готово поддержать большее число граждан стран-членов ЕС (близкое к 65 %). Вместе с тем, не стоит исключать эфемерность, фрагментарность европейской идентичности как любой идентичности: из 65 % разделяющих идентичность, связанную с Европой, 18 % разделяют её «очень сильно» и 47 % «довольно сильно», вероятно, примерно схожие пропорции будет иметь и разделение неких общеевропейских рамок коллективной памяти. Также не стоит забывать о влиянии прочих факторов, которые могут нивелировать эффект высоких показателей европейской идентичности и сопричастности ЕС. Значительная часть носителей европейской идентичности и сопричастных ЕС граждан сосредоточена в странах Западной Европы, которые уже продолжительное время участвуют в дискурсе о памяти о Второй мировой войне и сформировали общие конструкты. Если назвать конкретные страны, где проблемы реализации политики памяти ЕС, в связи с низкими показателями европейской идентичности и сопричастности ЕС, будут наиболее выражены, то это Кипр (39%

²⁷⁷ Ефременко Д. Указ. соч. С. 111

²⁷⁸ Risse T. Op. cit. P. 148

²⁷⁹ Standard Eurobarometer 89. Spring 2018. European citizenship, P. 29

сопричастности ЕС, 43% европейской идентичности), Чехия (38% сопричастности ЕС, 60 % европейской идентичности), Греция (37% сопричастности ЕС, 42 % европейской идентичности), Италия (48 % сопричастности ЕС, 52% европейской идентичности), Хорватия (49% сопричастности ЕС, 52% европейской идентичности).

Что касается фрагментированности общества, то она будет определять количество социальных групп с развитой коллективной памятью и политикой памяти (чем сильнее фрагментированность, тем больше количество таких групп и сильнее их идентификация), а также зачастую противоречивость их исторических нарративов нарративу государственному. Во фрагментированном обществе, особенно, если в нём распространена дискриминация неких меньшинств и их маргинализированное положение, меньшинства их организации (в особенности национальные) будут стремиться сохранить свою идентичность и в связи с этим активно отстаивать и проводить свою политику памяти, в т.ч. прибегая к помощи сторонних акторов, например, наднациональных, например ЕС и готовности принять исторический нарратив этих акторов, если таковой не вступит в противоречие с нарративом меньшинств. Можно предположить, что в значительной степени фрагментированными являются общества стран с преимущественно консервативными политическими элитами, проводящими консервативный политический курс в государстве, на сегодняшний день это в первую очередь страны Восточной Европы (Польша, Венгрия), ввиду того, что их политическим курсам свойственна дискриминация и пропаганда против разного рода меньшинств: мигрантов, ЛГБТИ, национальных и религиозных меньшинств (еврейского населения в частности).

Что касается развитости в обществе двойных и множественных идентичностей, то она будет определять готовность разделять идентичность, отличающуюся от национальной, а следовательно, и, связанную с ней, коллективную память. Такие идентичности сочетают национальную (ассоциированную с государством) идентичность с прочими, в т.ч. локальной и этнотерриториальной (региональной), которая может быть и наднациональной. Пионер исследования двойной и множественной идентичности Л. Морено считает, что в результате формирования таковых, граждане разделяют лояльность к институтам сразу двух и более уровней без какого-либо существенного противоречия и более склонны к разделению некой наднациональной идентичности как части множественной идентичности приводя в пример разделение европейской идентичности²⁸⁰. К этому более предрасположены специфические сообщества в пределах национального

²⁸⁰ Moreno L. Op. cit. P. 8-9

государства, которым свойственен “локальный космополитизм”: национальные образования, регионы, городские агломерации, а в современных реалиях это, вероятно, также могут быть этнические диаспоры и разного рода сообщества (комьюнити), например ЛГБТ-сообщество. В странах с сильной сопричастностью с городской агломерацией европейская идентичность проявляется неоднозначно. С одной стороны, сопричастность городской агломерации довольно сильно (90 % и более) проявляется в странах с хорошими показателями европейской идентичности (Австрия, Польша, Ирландия, Латвия, Венгрия, Дания, Германия)²⁸¹, что должно подтверждать гипотезу. Однако лидер по сопричастности городской агломерации – Греция (97 %), а также Кипр (96 %) имеют крайне низкий показатель европейской идентичности. Мальта, находящаяся в конце списка по сопричастности городской агломерации (79 %) имеет довольно хорошие показатели европейской идентичности (69 %), хотя её показатель сопричастности городской агломерации без сравнения с иными странами-членами кажется довольно высоким и может подтверждать гипотезу Морено. Это позволяет прийти к выводу, что существуют специфические страновые особенности (связанные с определёнными индивидуальными факторами), которые могут нарушать принцип работы гипотезы Морено, и свидетельствуют о кризисе европейской идентичности в Греции и Кипре, где высокие показатели локальной идентичности не будут сопровождаться склонностью к разделению наднациональной европейской идентичности и, связанной с ней, коллективной памяти.

Что касается фактора виктимальности, то он с точки зрения социальной психологии объясняет выбор Холокоста в качестве основного узла нарратива политики памяти институтов ЕС о Второй мировой войне. Ж. Бодрийяр подчёркивал, что Запад «встает на путь сострадания», «опирается на культ жертвы», стал “виктимальным обществом” - для него возрос интерес к неким “страдающим” сообществам, его культура «переориентировалась на признание убогости»²⁸². На сегодняшний день социальной группой, представляющей собой Запад, можно считать и социальную группу т.н. “еврократов”. Так Бодрийяр описывал действия Запада в отношении “страдающих” сообществ: «Всё вращается вокруг обездоленного, неудовлетворенного, ущербного субъекта, а стратегия виктимальности заключается в том, чтобы признать его как такового», «Мы приходим к ним, чтобы убедить их в “реальности” их страдания,

²⁸¹ Standard Eurobarometer 89. Spring 2018. European citizenship, P. 30

²⁸² Бодрийяр Ж. Указ. соч.

культурализируя его, конечно, и театрализируя, для того чтобы это страдание могло служить референтом [référénc] для театра западных ценностей»²⁸³. Если коллективную память считать частью социокультурной реальности, то к “страдающим” сообществам можно отнести не только те, кто сейчас является жертвой и переносит некие травмы, но и те, кто являлся таковыми ранее, в прошлом, в историческом нарративе.

Бодрийяр пишет, что «виктимальность идет рука об руку с Правами человека как единая заупокойная идеология»²⁸⁴. Обращение к Холокосту, как к трагедии “страдающего” сообщества крайне важно в дискуссии о правах человека и меньшинств, т.е. Холокост “служит референтом” для ценности прав человека.

Бодрийяр перечисляет практики “сострадания” по отношению к “страдающему” сообществу: «очищение, искупление, обеление, профилактика, промоушен и реабилитация»²⁸⁵. Все их можно усмотреть в политике памяти европейских институтов о Холокосте и западноевропейских странах-членах ЕС.

Виктимальность западноевропейцев в отношении Холокоста усилена также чувством вины – вины за непосредственное участие народов Европы в организации и реализации Холокоста. Аналогично и чувство вины усиливается виктимальностью – “страдания” сообществ, пострадавших от Холокоста действительно были сопряжены с ужасающими проявлениями массовости и жестокости убийств, насилием над человеческой личностью, её правами и свободами.

А. Ассман выделяет ещё одну причину того, что Холокост стал иметь особый отклик в коллективной памяти мирового сообщества (а следовательно, и в Западной Европе) – его международную природу, которая привела к тому, что сам Холокост «является коллективной травмой всемирного масштаба», а «семьи жертв были разбросаны по пяти континентам»²⁸⁶. Этим также можно объяснить усиление виктимальности в отношении Холокоста.

Что касается авторитарности общества, то она в значительной степени определяет важность для индивида коллективной памяти и способность нации и государства к критическому переосмыслению своего исторического нарратива. Под авторитарным обществом имеется ввиду общество, где господствуют авторитарные личности (личности с авторитарным характером, садомазохистские личности), поддерживающие

²⁸³ Там же

²⁸⁴ Там же

²⁸⁵ Там же

²⁸⁶ Ассман А. Указ. соч., 2017

авторитарные отношения в обществе. Согласно Б. Альтмейеру основные характеристики авторитарной личности это: «безоговорочное подчинение властям и авторитетам, агрессия по отношению к группам, неодобрение и неприятие которых воспринимается как одобряемое властями и конвенционализм (приверженность социальным нормам, воспринимаемым как санкционированные властью)»²⁸⁷. Особую роль для авторитарной личности играет “прошлое” – т.е. коллективная память, которую он разделяет. Э. Фромм писал: «авторитарная личность преклоняется перед прошлым», у авторитарного человека активность (действие во имя чего-то большего, чем его собственное “я”) часто возможна во имя “прошлого”²⁸⁸. Черты авторитарной личности – консерватизм, этноцентризм, антидемократизм, ксенофобия, ввиду чего часто авторитарные личности связаны с политической поддержкой авторитаризма, в особенности правого. Очевиден рост правых настроений и сил в Восточной Европе, что свидетельствует о тенденции к росту авторитарности социального характера в этих странах. Н. Эппле пишет: «авторитарные государства оказываются не в силах критически осмыслить свою историю»²⁸⁹. Это означает, что в странах Восточной Европы существующая коллективная память, слабо подвержена изменениям со стороны “внешних игроков”, т.к. авторитарные личности будут воспринимать такие изменения как “покушение на прошлое” или “попытки переписать, сфальсифицировать историю” и поддерживать национальную политику памяти, основанную на признании существующей коллективной памяти, следовательно проведение политики памяти ЕС о Второй мировой войне (если таковая основывается на ценностях, противоречащих характеристикам авторитарной личности) в них будет затруднено за исключением отдельных, менее авторитарных, социальных групп (исследователи обычно признают наименее авторитарной социальной группой в разных странах мира молодёжь, чем можно объяснить ориентированность политики памяти ЕС о Второй мировой войне именно на молодёжь, в т.ч. в странах Восточной Европы).

Что касается фактора исторических травм, которые в значительной степени обуславливают специфику коллективной памяти и политики памяти в той или иной стране, то исследователи признают, что ввиду разницы восприятия исторического прошлого, в первую очередь, связанного с межгосударственными конфликтами, «простое, механическое «перемещение» одной или нескольких конкретных национальных

²⁸⁷ Гронский А. Указ. соч.

²⁸⁸ Фромм Э. Указ. соч., 2006, С. 179

²⁸⁹ Эппле Н. Указ. соч.

исторических историй на общеевропейский уровень крайне проблематично»²⁹⁰. Однако эта проблематичность к сегодняшнему в значительной степени преодолена - по мнению исследователей «политика памяти в странах послевоенной Западной Европы внесла важнейший вклад в переработку трагического опыта Второй мировой войны, преступлений нацистского режима и формирования на этой основе консолидирующего исторического нарратива»²⁹¹ (что делает западноевропейский опыт «формирования консолидирующего нарратива» о Второй мировой войне выдающимся).

В странах с высокими показателями европейской идентичности и сопричастности ЕС мешать проведению политики памяти ЕС может мешать в значительной степени разве что историческая травма, вступающая в противоречие с нарративом этой политики. В странах Западной Европы, где историческая травма Второй мировой войны проработана (в контексте, соответствующем пониманию ЕС) и её фактор влияния нивелирован, ЕС может легче проводить свою политику памяти. Противоположная ситуация наблюдается в странах Восточной Европы, где историческая травма зачастую оказывается крайне сильной и, даже при высоких показателях европейской идентичности и сопричастности ЕС, политика памяти ЕС может быть отвергнута, если в ней «воспоминанию» исторической травмы не уделено «должного» внимания. Под травмой стоит иметь в виду в первую очередь характерные для Восточной Европы травмы, связанные с восприятием своей страны как жертвы агрессии, находившейся в «позиции подчинения» (со стороны СССР, нацистской Германии или обеих стран сразу). Такие травмы ощутимо мешают реализации политики памяти, связанной с признанием своей роли в Холокосте – ведь в представлении носителей травмы «жертва» не может быть соучастником «преступления». Также стоит отметить травмы, связанные со специфической ролью во Второй мировой войне, как с случае с Хорватией и Словакией (Словакией – в меньшей степени), которые были сателлитами Германии, при её содействии получили определённую долю суверенитета и фактически не понесли от неё ущерба, что создаёт потенциал для реабилитации и героизации тех режимов и государств-сателлитов их роли во Второй мировой войне, даже если та сопряжена участием в геноциде²⁹² (впрочем, исследователи

²⁹⁰ Малышева Н. Указ. соч.

²⁹¹ Ефременко Д. Указ. соч. С. 111

²⁹² Трухачев В. Указ. соч.; Ковальчук Ю. Указ. соч.; Ройтман, Л. Украинские эсэсовцы в историческом поле [Электронный ресурс] // Радио Свобода, интервью Г. Месежниковой, А. Шарья и А. Стреляного Л. Ройтману, 2002. – URL: <https://www.svoboda.org/a/24202364.html> (дата обращения: 20.05.2020); Krbatová, L. Lajčák odsúdil pút', ktorá má velebit' Tisa [Электронный ресурс] // Pravda, 2013. – URL: <https://spravy.pravda.sk/domace/clanok/277766-lajcak-odsudil-put-ktora-ma-velebit-tisa/> (дата обращения: 20.05.2020); МИД России. О ситуации с героизацией нацизма, распространении неонацизма и других видов

последние десятилетия наблюдают в Хорватии процесс “преодоления прошлого”, связанного с режимом А. Павелича, что позволяет считать, что историческая травма в Хорватии более проработана по сравнению с 1990-ми гг.²⁹³). Очевидные примеры усугубления потенциала высоких показателей сопричастности ЕС и европейской идентичности исторической травмой, связанной со Второй мировой войной: Латвия (сопричастность ЕС – 79%, 2-е место в ЕС), Польша (сопричастность ЕС – 71%, 3-е место в ЕС, европейская идентичность – 78%, 5-е место в ЕС), Венгрия (европейская идентичности – 79%, 4-е место в ЕС). Таким образом, реализация политики памяти ЕС в Чехии и Хорватии (Хорватии – в меньшей степени) будет усугубляться, помимо крайне низких показателей сопричастности ЕС или европейской идентичности, ещё и исторической травмой, что делает именно эти страны, пожалуй, самыми проблемными для реализации политики памяти ЕС.

Что касается специфики национальных “памятей” о Второй мировой войне, то реализация и эффективность политики памяти ЕС зависит от того, насколько различна эта память в разных странах-членах ЕС, насколько она близка к “еврократическому” нарративу. А. Миллер пишет: «В Европе нет общей позиции по Второй мировой войне»²⁹⁴. Вторая мировая война как тема содержится в образовательной программе по истории во всех странах-членах Совета Европы (а следовательно и ЕС, однако в меньшей степени в Испании и Португалии)²⁹⁵, что по меньшей мере показывает её значимость для их коллективной памяти и политики памяти. В ряде стран Западной Европы Холокост освещается как подраздел Второй мировой войны тесно связываясь с ней²⁹⁶. Однако во Второй мировой войне страны Европы (в т.ч. текущие члены ЕС) и государственные образования на их территории играли разную роль, в т.ч. в вопросе геноцида, что обусловило специфику памятей и политик памяти в странах Западной и Восточной Европы, приведшую к противоречивости отдельных элементов нарратива о Второй мировой войне стран-членов ЕС из Восточной Европы “еврократическому” нарративу. Д. Ефременко пишет: «Память об этих трагедиях [Первой мировой войны и Второй мировой

практики, которые способствуют эскалации современных форм расизма, расовой дискриминации, ксенофобии и связанной с ними нетерпимости. Доклад МИД России, 2019 г. [Электронный ресурс] // МИД России, 2019. – URL: https://www.mid.ru/foreign_policy/humanitarian_cooperation/-/asset_publisher/bV3NYd16mBFC/content/id/3193903#56 (дата обращения: 20.05.2020)

²⁹³ Ройтман, Л. Украинские эсэсовцы в историческом поле [Электронный ресурс] // Радио Свобода, интервью Г. Месежникова, А. Шарья и А. Стреляного Л. Ройтману, 2002. – URL: <https://www.svoboda.org/a/24202364.html> (дата обращения: 20.05.2020)

²⁹⁴ Miller A. Op. cit.

²⁹⁵ Stradling R. Op. cit. P. 9-10

²⁹⁶ Ibid. P. 28

войны] делает задачу конструирования европейской идентичности [и, как следствие, памяти] особенно сложной, поскольку необходимо выделить все, что может объединять нынешних членов ЕС и потенциальных новобранцев, и устранить все, способное их разъединять»²⁹⁷. Специфика национальных памятей может обуславливать знание или незнание людьми определённых исторических событий и процессов: так, на сегодняшний день больше 30 % европейцев ничего не знают о Холокосте²⁹⁸, что снижает их восприимчивость к политике памяти, в которой значительная роль уделяется его “воспоминанию”. Несомненно, речь идёт о странах, которые в наименьшей степени были затронуты Холокостом ввиду того, что в них во время Второй мировой войны не было развитой еврейской общины (преимущественно страны Южной Европы, например Испания или Португалия²⁹⁹), либо Холокост в них не был проведён как политика, и катастрофа еврейства не произошла (Испания, Португалия а также Великобритания и Ирландия).

К специфике национальных памятей можно отнести фактор исторического ревизионизма, в частности ревизионизма Холокоста, отрицающего факт наличия в нацистской Германии целенаправленной политики геноцида евреев, цыган и ряда других народов и меньшинств, актов геноцида и эпизодов военных преступлений, а также участи представителей титульной нации в этом. Если в обществе такие идеи популярны (что наиболее возможно, если они не вступают в противоречие с национальным историческим нарративом), то проведение политики памяти ЕС о Второй мировой войне, во многом основанной на признании Холокоста и его центральной роли во Второй мировой войне, а также национальной вине стран Европы в нём, в таком обществе существенно осложняется. По мнению исследователей к таким странам относятся, в первую очередь, Хорватия, Венгрия, Литва и Польша³⁰⁰.

Ещё одним фактором является влияние на страны-члены ЕС политики памяти прочих акторов, которая может либо осложнять, либо упрощать проведение политики

²⁹⁷ Ефременко Д. Указ. соч. С. 116

²⁹⁸ Горин, Б. Европарламент провел церемонию памяти жертв Катастрофы [Электронный ресурс] // Лехаим, 2019. – URL: <https://lechainim.im/events/evroparlament-provel-tseremoniyu-pamyati-zhertv-katastrofy/> (дата обращения: 20.05.2020)

²⁹⁹ United States Holocaust Memorial Museum. Холокост - Анимированные карты. Распределение еврейского населения в Европе, припл. 1933 г. [Электронный ресурс]. – URL: <https://encyclopedia.ushmm.org/content/ru/gallery/introduction-to-the-holocaust-maps?parent=ru%2F72> (дата обращения: 20.05.2020)

³⁰⁰ European Parliament. The European Union and Holocaust remembrance [Электронный ресурс] // European Parliament, 2020. – 6 р. – URL: [http://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2018/614662/EPRS_BRI\(2018\)614662_EN.pdf](http://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2018/614662/EPRS_BRI(2018)614662_EN.pdf) (дата обращения: 20.05.2020), P. 5

памяти ЕС. Подъём националистических тенденций в странах-членах ЕС, особенно восточноевропейских, в 2010-е гг. способствовал развитию в них собственной политики идентичности и политики памяти. М. Гетман говорит о «сопротивлении отдельных стран возможной европеизации национального нарратива»³⁰¹, вероятно имея ввиду страны Восточной Европы. В связи с этим «эффективность “еврокрации” как мнемонического актора [политики памяти] существенно уменьшилась с ширящимся отказом от восприятия космополитической культуры памяти как нормативной»³⁰². Весьма позитивно для политики памяти ЕС сказывается роль наднациональных акторов, в первую очередь Совета Европы и ОБСЕ, нарративы политики памяти о Второй мировой войне которых можно считать тождественным нарративу ЕС. Все страны-члены ЕС являются членами и Совета Европы и ОБСЕ, следовательно проведение политики памяти ЕС в этих странах будет облегчаться усилиями этих организаций, которые включают в себя образовательные мероприятия, в особенности для молодёжи (форумы, семинары), образовательные курсы, обучающие программы и программы переподготовки, в т.ч. для государственных служащих, которые часто затрагивают память о Второй мировой войне. Также значимыми акторами являются еврейские организации Европы и мира (в частности разного рода музеи памяти Холокоста), активно участвующие в аналогичных мероприятиях, исторический нарратив которых о Второй мировой войне долгое время основаны на признании центральной роли Холокоста во Второй мировой войне, его трагичности и коллективной ответственности в нём стран и народов Европы.

Что касается международного фактора, то он определяет ограниченность институтов ЕС в их политике памяти: те не могут транслировать нарратив, который бы кардинально отличался от нарратива ключевых акторов МО (в первую очередь национальных и наднациональных), особенно тех, связи с которыми для ЕС важны, ввиду их потенциальной критики и серьёзных последствий, в т.ч. дипломатических. Так, институты ЕС могут заявлять о равной вине СССР и нацистской Германии в развязывании Второй мировой войны и участии СССР в нарушениях международного права и военных преступлениях во время неё сталкиваясь с недовольством России но не могут, например, заявить о том, что только СССР виноват в этом, т.к. такой нарратив противоречил бы историческому нарративу прочих ключевых национальных и наднациональных акторов (в т.ч. самих стран-членов ЕС) и столкнулся бы с более жёсткими дипломатическими мерами

³⁰¹ Гетман М. Указ. соч. С. 108

³⁰² Ефременко Д. Указ. соч. С. 111

в отношении ЕС со стороны России. Институты ЕС будут склонны использовать аккуратный нарратив по отношению к памяти о стране, с которой они пытаются выстраивать союзнические отношения, по той же логике, по которой «антисоветские и антикоммунистические мотивы [...] не слишком акцентировались [...] в условиях разрядки и Хельсинкского процесса, начатого в 1970-е»³⁰³. По мнению А. Миллера «Россия в 1990-е годы и в начале 2000-х неоднократно демонстрировала свою готовность к диалогу по вопросам памяти», однако «европейцы ничего не захотели об этом слышать»³⁰⁴, следовательно для стран-членов ЕС и институтов ЕС международный фактор не является доминирующим, они легко готовы пойти на игнорирование диалога ради реализации целей и задач своих политик памяти, если, конечно, внешнеполитические ориентиры не превалируют над внутренними.

Таким образом, мы можем говорить о наличии широкого спектра факторов, влияющих на содержание (исторический нарратив и конкретные инструменты и меры) политики памяти институтов ЕС о Второй мировой войне, а также эффективность её реализации в отдельных странах членах, где решающая роль отводится социально-психологическим и социально-политическим факторам. В ряде случаев эти факторы поддаются измерению позволяя оценить ситуацию и перспективы в отдельных странах-членах ЕС. Было установлено, что ключевую роль в определении содержания политики памяти институтов ЕС играет социальная группа т.н. «еврократов», подверженных влиянию т.н. «европейской общественности» и тесно с ней взаимосвязанной. Доминирование во влиянии на политику памяти институтов ЕС о Второй мировой войне социально-политических и социально-психологических факторов, значительное влияние на неё таких социальных агентов как отдельные социальные группы, в т.ч. политические элиты, общественность и меньшинства, и акторы МО, в т.ч. государственные и негосударственные, подтверждает соответствие развития процессов, связанных с памятью о Второй мировой войне в ЕС, логике социального конструктивизма в международных отношениях, европейских исследованиях и коллективной памяти и политики памяти в наднациональных сообществах и государствах и их институтах и элитах.

3.2. Цели и задачи политики памяти институтов Европейского союза о Второй мировой войне

³⁰³ Миллер А. Указ. соч., 2012. С. 44

³⁰⁴ Miller A. Op. cit.

Исследователи считают, что «фактическое положение дел в Евросоюзе на протяжении последней четверти века показывало, что фактор исторической памяти слишком важен, чтобы ведущие политические акторы могли бы по доброй воле отказаться от его использования»³⁰⁵. Важность этого фактора стала оформляться и актуализироваться параллельно с трансформациями ЕС (из сообщества с экономическими целями в сообщество с политическими целями). Б. Геремек пишет: «Экономическое сообщество не нуждалось в этой ссылке на историю, хотя политическое сообщество с общими аспектами защиты и безопасности немислимо без ссылки на общую судьбу, а также на победы и поражения, которые отметились в памяти людей»³⁰⁶. Институты ЕС стали активно задаваться вопросом как дискурсы и исторические нарративы «повлияли на отношение правительств и граждан государств-членов к европейской интеграции и членству в ЕС, как до, так и после вступления в ЕС»³⁰⁷. Важность фактора исторической памяти (в т.ч. о Второй мировой войне) прослеживается в целях и задачах политики памяти ЕС.

При помощи рассмотрения декларативных и программных материалов европейских институтов мы можем судить о цели и задачах европейской политики памяти. Также можно считать, что те тождественны цели и задачам организаций, которые участвуют в формировании европейской политики памяти, побеждая в проектных конкурсах на соискание грантов (раз они победили в подобных конкурсах, значит европейские институты посчитали данные организации «европейскими»).

Целью европейской политики памяти является обеспечение «долгосрочной поддержки проекта интеграции европейцами»³⁰⁸, придание «дополнительной легитимности для сообщества»³⁰⁹. Достижению этой цели способствует решение определённых актуальных задач, стоящих перед ЕС в XXI в., по отношению к которым инструменты политики памяти институтов ЕС о ВМВ также применимы:

1. Стимуляция выработки европейской идентичности (HERA³¹⁰). Во многом это будет связано с формированием определённых конструкторов наднациональной

³⁰⁵ Ефременко Д. Указ. соч. С. 116

³⁰⁶ Geremek B. Op. cit. P. 36-37

³⁰⁷ European Commission. Horizon 2020 Work Programme 2016-2017. 13. Europe in a changing world –inclusive, innovative and reflective Societies [Электронный ресурс] // European Commission, 2017. – 139 p. – URL: http://ec.europa.eu/research/participants/data/ref/h2020/wp/2016_2017/main/h2020-wp1617-societies_en.pdf (дата обращения: 20.05.2020), P. 88

³⁰⁸ Гетман М. Указ. соч. С. 106

³⁰⁹ Там же. С. 108

³¹⁰ HERA. Uses of the Past (2016-2019) [Электронный ресурс]. – URL: <http://heranet.info/projects/hera-2016-uses-of-the-past/> (дата обращения: 20.05.2020)

идентичности, наднациональной памяти или общих межнациональных рамок памяти, межнациональной солидарности, как чего-то позитивного и приемлемого, способствующего прекращению “войн памяти”, прощению и примирению.

Активное участие институтов ЕС в политике памяти объяснимо особыми претензиями тех на выработку некой европейской идентичности, соответствующей их видению таковой. Исследователи сходятся во мнении, что «общая память является основой для чувства общей идентичности»³¹¹, «одним из ресурсов формирования европейской наднациональной идентичности становится интерпретация исторического прошлого»³¹². Вместе с тем, стоит отметить, что политика памяти европейских институтов базируется на признании культурного разнообразия ЕС и не направлена на формирование некой гомогенной европейской культуры³¹³.

2. Стимуляция и ускорение европейской интеграции, а также улучшение отношения правительств и граждан государств-членов к европейской интеграции и членству в ЕС (HERA³¹⁴; Horizon 2020³¹⁵). Во многом это будет связано с формированием определённых конструктов войн и конфликтов, внешнеполитического давления и внешнеполитической агрессии как чего-то негативного и недопустимого и международной интеграции как чего-то позитивного и приемлемого, способного разрешить конфликты и противоречия, способствовать прощению и примирению и предотвратить будущие войны посредством проецирования на прошлое.

В особенности это касается задачи укрепления т.н. “европейской солидарности”. Исследователи считают, что «обращение к исторической памяти может использоваться как средство разрешения проблем на пути к дальнейшей интеграции, таких как, к примеру, разногласия по выработке единой миграционной политики или предстоящий “Брекзит”»³¹⁶.

3. Укрепление политической легитимности европейских институтов и популяризация ЕС (HERA³¹⁷). Во многом это будет связано с формированием

³¹¹ Geremek В. Op. cit. P. 38

³¹² Ефременко Д. Указ. соч. С. 110

³¹³ HERA. Uses of the Past (2016-2019) [Электронный ресурс]. – URL: <http://heranet.info/projects/hera-2016-uses-of-the-past/> (дата обращения: 20.05.2020)

³¹⁴ Ibid.

³¹⁵ European Commission. Horizon 2020 Work Programme 2016-2017. 13. Europe in a changing world –inclusive, innovative and reflective Societies [Электронный ресурс] // European Commission, 2017. – 139 p. – URL: http://ec.europa.eu/research/participants/data/ref/h2020/wp/2016_2017/main/h2020-wp1617-societies_en.pdf (дата обращения: 20.05.2020), P. 88

³¹⁶ Малышева Н. Указ. соч.

³¹⁷ HERA. Uses of the Past (2016-2019) [Электронный ресурс]. – URL: <http://heranet.info/projects/hera-2016-uses-of-the-past/>

определённых конструкторов наднациональных объединений как чего-то позитивного и приемлемого, способствующего международной интеграции путём передачи государствами части суверенитета, предотвращению неравного положения государств, широкому представительству граждан стран-членов и пр. посредством проецирования на прошлое. В данном случае очевидным будет обращение к памяти о Второй мировой войне как “мифу основания”, позволяющему непосредственно связать Вторую мировую войну и её наследие с основанием ЕС.

4. Развитие гражданского общества в пределах ЕС. Во многом это будет связано с формированием определённых конструкторов патриотизма, гражданственности, разного рода гражданской активности, в т.ч. социальных выступлений, жертвенности, героизма и добровольчества как чего-то позитивного и приемлемого посредством проецирования на прошлое.

5. Стимуляция творческой и культурной динамики в Европе, поддержка культурного диалога и взаимопонимания между “европейскими государствами, нациями, общинами, группами меньшинств и мигрантов и отдельными лицами” (HERA³¹⁸; Horizon 2020³¹⁹). Во многом это будет связано с формированием определённых конструкторов культурного диалога и взаимопонимания как чего-то позитивного и приемлемого посредством проецирования на прошлое.

6. Содействие формированию европейских ценностей и идентичностей, ориентированных на такие ценности (Horizon 2020³²⁰). Во многом это будет связано с формированием определённых конструкторов демократического политического режима, либеральной политической идеологии и свойственной ей ценностей как чего-то позитивного и приемлемого посредством проецирования на прошлое.

7. Обучение правам и свободам человека. Во многом это будет связано с формированием определённых конструкторов политического насилия (репрессий и террора), преступлений против человечества (этнические чистки, геноцид) как чего-то негативного и недопустимого посредством проецирования на прошлое.

По мнению М. Гетман такое обучение предполагает сохранение памяти о

uses-of-the-past/ (дата обращения: 20.05.2020)

³¹⁸ Ibid.

³¹⁹ European Commission. Horizon 2020 Work Programme 2016-2017. 13. Europe in a changing world –inclusive, innovative and reflective Societies [Электронный ресурс] // European Commission, 2017. – 139 p. – URL: http://ec.europa.eu/research/participants/data/ref/h2020/wp/2016_2017/main/h2020-wp1617-societies_en.pdf (дата обращения: 20.05.2020), P. 87

³²⁰ Ibid.

преступлениях «ради осознанного отношения к тем достижениям в области прав и свобод человека, которые защищает Европейский союз как наднациональная организация демократических стран»³²¹. Н. Эппле пишет: «Память о преступлениях прошлого — причем подчеркнута старающаяся не замыкаться на конкретных преступлениях, но извлекать из них уроки и проецировать их на происходящее сегодня — оказывается своего рода ценностным обеспечением примата соблюдения прав человека в политике»³²².

8. Обучение против ненависти и ксенофобии (Французский Мемориал Шоа (Mémorial de la Shoah)³²³). Во многом это будет связано с формированием определённых конструкторов национализма, шовинизма, ксенофобии как чего-то негативного и недопустимого, а также гуманизма и толерантности, в т.ч. отношения к меньшинствам, беженцам и мигрантам, но уже как чего-то позитивного и приемлемого посредством проецирования на прошлое.

Важность проецирования на прошлое в этом аспекте подчёркивает Н. Эппле говоря, что память о преступлениях прошлого подчёркнута старается «проецировать их на происходящее сегодня»³²⁴. В особенности это касается задачи снижения антисемитизма в ЕС, за последнее десятилетие произошёл рост которого (отмечен Еврокомиссией³²⁵, Европейским еврейским конгрессом³²⁶ и израильским Кнессетом³²⁷).

Важность решения задачи борьбы с антисемитизмом для выполнения цели формирования европейской идентичности подчёркивает Координатор Евросоюза по борьбе с антисемитизмом К. фон Шнурбейн: «Борьба с антисемитизмом — это борьба за душу Европы»³²⁸.

Первый вице-президент Европейского парламента М. Макгиннесс подчёркивает важность инструментов политики памяти в борьбе с антисемитизмом: «Обязанность новых поколений — помнить и не допускать в будущем тех событий, которые захлестнули

³²¹ Гетман М. Указ. соч. С. 108

³²² Эппле Н. Указ. соч.

³²³ European Union. Transparency Register. Mémorial de la Shoah [Электронный ресурс]. – URL: <http://ec.europa.eu/transparencyregister/public/consultation/displaylobbyist.do?id=051882426608-69&locale=en&indexation=true> (дата обращения: 20.05.2020)

³²⁴ Эппле Н. Указ. соч.

³²⁵ Glatt, B. Antisemitism never disappeared in Europe, commission rep says [Электронный ресурс] // The Jerusalem Post, 2017. – URL: <https://www.jpost.com/Christian-News/Antisemitism-never-disappeared-in-Europe-commission-rep-says-514202> (дата обращения: 20.05.2020)

³²⁶ Виленский, С. Европарламент почтил память жертв Холокоста [Электронный ресурс] // Вести. Израиль по-русски, 2018. – URL: <https://www.vesty.co.il/articles/0,7340,L-5075741,00.html> (дата обращения: 20.05.2020)

³²⁷ ТАСС. Память жертв Холокоста почтили в Европарламенте [Электронный ресурс] // ТАСС, 2018. – URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/4900089> (дата обращения: 20.05.2020)

³²⁸ Коробов, П. «Борьба с антисемитизмом — это борьба за душу Европы» [Электронный ресурс] // Коммерсантъ, 2017. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3293545> (дата обращения: 20.05.2020)

Европу в годы холокоста»³²⁹, «Мы хотим, чтобы память об этом преступлении оставалась в наших умах и сердцах, чтобы этого больше не произошло»³³⁰.

В декларации ЕП о дне памяти Праведников народов мира (2012) сказано следующее: «воспоминание о добре [действий Праведников народов мира по спасению жертв Холокоста] имеет важное значение для процесса европейской интеграции, поскольку оно учит молодые поколения тому, что каждый всегда может выбрать помощь другим людям и защищать человеческое достоинство, и что государственные учреждения обязаны подчеркнуть пример, поданный людьми, которым удалось защитить преследуемых от ненависти»³³¹.

9. Борьба с правым радикализмом (Французский Мемориал Шоа (Mémorial de la Shoah)³³²). Во многом это будет связано с формированием определённых конструктов политического дискурса, политической пропаганды и “языка ненависти”, где характерные черты, свойственные правому радикализму, будут представляться как нечто негативное и недопустимое посредством проецирования на прошлое.

Говоря о случае ЕС Б. Геремек пишет: «Игнорирование истории уступит место популистам и демагогам, использующим ее как послание ненависти и раздора»³³³. В особенности это касается идеологической борьбы с ультраправыми политическими силами в странах-членах ЕС и Европейском парламенте, демонстрирующими тенденцию к евроскептицизму. Антисемитизм и ревизионизм Холокоста таковых отмечают еврейские организации Европы (Европейский еврейский конгресс³³⁴, Совет европейских раввинов³³⁵). В резолюции ЕП о росте неонацистского насилия в Европе (2018) утверждается: «молодые поколения в Европе и в других странах все меньше и меньше беспокоятся об истории фашизма и, следовательно, рискуют стать равнодушными к новым

³²⁹ Коробов, П. В Европарламенте помолились о жертвах холокоста [Электронный ресурс] // Коммерсантъ, 2018. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3528720> (дата обращения: 20.05.2020)

³³⁰ Ведомости. В Европарламенте почтили память жертв холокоста [Электронный ресурс] // Ведомости, 2018. – URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/news/2018/01/24/748871-holokosta> (дата обращения: 20.05.2020)

³³¹ European Parliament. Declaration of the European Parliament of 10 May 2012 on support for the establishment of a European Day of Remembrance for the Righteous [Электронный ресурс] // EUR-Lex, 2012. – URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/HR/TXT/?uri=CELEX:52012XP0205> (дата обращения: 20.05.2020)

³³² European Union. Transparency Register. Mémorial de la Shoah [Электронный ресурс]. – URL: <http://ec.europa.eu/transparencyregister/public/consultation/displaylobbyist.do?id=051882426608-69&locale=en&indexation=true> (дата обращения: 20.05.2020)

³³³ Geremek B. Op. cit. P. 40

³³⁴ Коробов, П. В Европарламенте помолились о жертвах холокоста [Электронный ресурс] // Коммерсантъ, 2018. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3528720> (дата обращения: 20.05.2020)

³³⁵ Коробов, П. «Борьба с антисемитизмом — это борьба за душу Европы» [Электронный ресурс] // Коммерсантъ, 2017. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3293545> (дата обращения: 20.05.2020)

угрозам»³³⁶.

10. Борьба с левым радикализмом. Во многом это будет связано с формированием определённых конструктов политического дискурса, политической пропаганды и “языка ненависти”, где характерные черты, свойственные левому радикализму, будут представляться как нечто негативное и недопустимое посредством проецирования на прошлое.

В особенности это касается идеологической борьбы с ультралевыми политическими силами в странах Европы и Европейском парламенте, демонстрирующими тенденцию к евроскептицизму, антисемитизм и ревизионизм Холокоста которых отмечает Координатор Евросоюза по борьбе с антисемитизмом³³⁷ и еврейские организации Европы (Европейский еврейский конгресс³³⁸).

11. Борьба с исламским радикализмом (исламским фундаментализмом, исламизмом). Во многом это будет связано с формированием определённых конструктов политического дискурса, политической пропаганды и “языка ненависти”, где характерные черты, свойственные исламскому радикализму, будут представляться как нечто негативное и недопустимое посредством проецирования на прошлое.

В особенности это касается дерадикализации исламистов, антисемитизм и ревизионизм Холокоста которых отмечают еврейские организации Европы³³⁹. В условиях резкого возрастания числа беженцев из мусульманских стран, в первую очередь Сирии, в странах Европы в ходе миграционного кризиса в ЕС (2015) эта задача приобрела особую актуальность.

12. Обеспечение легитимности внешней политики ЕС. Во многом это будет связано с формированием определённых конструктов войн и конфликтов, внешнеполитического давления и внешнеполитической агрессии (в частности аннексии и оккупации государств и их территорий), информационных войн и информационного вмешательства, гибридных войн как чего-то негативного и недопустимого и скоординированной политики коллективной безопасности и обороны, открытой дипломатии, международного сотрудничества, участия в коалициях и военно-

³³⁶ European Parliament. European Parliament resolution of 25 October 2018 on the rise of neo-fascist violence in Europe [Электронный ресурс] // European Parliament, 2018. – URL: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/TA-8-2018-0428_EN.html?redirect (дата обращения: 20.05.2020)

³³⁷ Ibid.

³³⁸ Коробов, П. В Европарламенте помолвились о жертвах холокоста [Электронный ресурс] // Коммерсантъ, 2018. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3528720> (дата обращения: 20.05.2020)

³³⁹ Там же

политических альянсах как чего-то позитивного и приемлемого, способствующего обеспечению безопасности в регионе, сдерживанию агрессора (в особенности некоего авторитарного, “неевропейского”), предотвращению войн и конфликтов, посредством проецирования на прошлое.

Таким образом, мы можем говорить о наличии определённой цели и ряда задач, которые преследует политика памяти институтов ЕС о Второй мировой войне. Во многом эти цель и задачи по своему характеру схожи с той целью и теми задачами, которые преследуют нации и государства в своей политике памяти и сконцентрированы вокруг социально-психологических и социально-политических аспектов и способствуют формированию ключевых внутри- и внешнеполитических конструктов, которые часто формируются в рамках политики памяти. Политика памяти институтов ЕС становится для них крайне значимым инструментом политики идентичности, символической политики и политики европеизации³⁴⁰. Мы можем прийти к выводу, что на современном этапе политика памяти институтов ЕС о Второй мировой войне крайне важна для них и те будут активно прибегать к ней, поскольку она способствует достижению цели формирования европейской идентичности и иных актуальных задач.

3.3. Исторический нарратив и ключевые практики “вспоминания” и “забывания” политики памяти институтов Европейского союза о Второй мировой войне

Политика памяти европейских институтов в целом более схожа с политикой памяти стран Западной Европы. В этом можно усмотреть “зависимость от пути” (path dependence) – изначально европейские институты были детищем стран Западной Европы и несли их социокультурные паттерны, в связи с чем выбор Второй мировой войны в качестве ключевого нарратива в политике памяти европейских сообществ представляется закономерным. В период начала актуализации политики памяти для европейских сообществ, страны Восточной Европы ещё не были их членами и не могли принять участие в формировании таковой участвуя в их институтах.

При помощи рассмотрения экспозиции о Второй мировой войне в Доме Европейской Истории, информационных материалов и декларативных актов европейских институтов, а также содержания проектов победителей грантовых конкурсов ЕС мы

³⁴⁰ Антипов А. Указ. соч. С. 60

можем судить о содержательной части исторического нарратива политики памяти институтов ЕС о Второй мировой войне.

Исследователи сходятся во мнении, что ключевые практики “вспоминания” в историческом нарративе институтов ЕС о Второй мировой войне соотносятся с наиболее трагичными её событиями, «символизирующим темную сторону европейской и мировой истории, то прошлое, которое подразумевается лозунгом “Никогда больше!”»³⁴¹. Данный нарратив соотносится с существующим “глобальным западным” или “северным – либеральным” консенсусом о Второй мировой войне. Лозунг “Никогда больше!”, в значении недопущения повторения войны в Европе, аналогичной Второй мировой войне (и аспектов такой войны вроде нарушений международного права, военных преступлений, преступлений против человечности и пр.) можно считать официальным лозунгом такого консенсуса, а также неформальным лозунгом ЕС и европейской идеи как таковой – он часто встречается в информационных материалах институтов ЕС и политических партий ЕП, затрагивающих историю возникновения ЕС. В данном контексте память о Второй мировой войне становится для ЕС важной составной частью “мифа основания”, предполагающего связывание Второй мировой войне и её наследия с основанием ЕС.

Показательной для рассмотрения может быть инаугурационная речь Президента ЕП Д. Сассоли в ЕП в 2019 г.: «наша история написана в страданиях, в крови молодых британских солдат, погибших на пляжах Нормандии, в стремлении к свободе Софи и Ганса Шолля, в стремлении к справедливости героев Варшавского гетто, в насилии, применяемом для подавления движений за свободу в странах Восточной Европы»³⁴².

Ввиду того, что инаугурационная речь должна обладать большой дискурсивной силой, а, следовательно, упомянутое в ней является весьма значимым для спикера и аудитории, можно выделить наиболее значимые “вспоминания” исторического нарратива институтов ЕС о Второй мировой войне:

1. Признание жертвенности и героизма Союзников в их военных операциях в Европе и их роли в “освобождении Европы” (снятии оккупации, ликвидации нацистского режима в Германии и коллаборационистских режимов в странах Европы и пр.). Упоминание Британии в речи Д. Сассоли на фоне Brexit показательно и направлено, чтобы

³⁴¹ Морозов В. Указ. соч., 2017

³⁴² Sassoli, P. Speech by President Sassoli of 3 July 2019 [Электронный ресурс] // European Parliament, 2019. – URL: <https://europarl.europa.eu/the-president/home/ep-newsroom/pageContent-area/newsroom/speech-by-president-sassoli.html> (дата обращения: 20.05.2020)

подчеркнуть значимость для ЕС Британии как части “Европы” и обусловленность этой значимости общей историей.

2. Признание жертвенности и героизма гражданского общества и движения Сопротивления в Европе, их роли в борьбе с нацистским и коллаборационистским режимами, а также соответствия их убеждений европейским ценностям и европейской идентичности. Упоминание в речи Д. Сассоли восстания в Варшавском гетто (1943) показательно и направлено, чтобы подчеркнуть признание ЕС общей судьбы Восточной и Западной Европы в Второй мировой войне, а также готовности гражданских обществ Европы (в т.ч. восточноевропейских), в том числе обществ меньшинств, сопротивляться любым попыткам дискриминации и маргинализации. Упоминание активистов германского Сопротивления Г. и С. Шолль также может быть показательно и направлено, чтобы подчеркнуть, что не было нации, которая бы полностью разделяла чуждое и тоталитарные идеи, в которой бы не было своих отдельных “настоящих европейцев” и представителей гражданского общества - героев Сопротивления и Праведников народов мира.

3. Признание враждебности авторитарных и тоталитарных режимов периода Второй мировой войны гражданскому обществу, европейским ценностям и европейской идентичности, жестокости и применения политического насилия в противостоянии этих режимов таковым. Весьма обтекаемая формулировка, где не говорится, кто конкретно проявлял насилие “для подавления движений за свободу в странах Восточной Европы” показательна и, скорее всего, подчёркивает тождественность нацистского и советского режимов в своей политике по отношению к Восточной Европе во Второй мировой войне.

Говоря о Второй мировой войне в целом, признаётся, что это была “тотальная война”, где были стёрты различия между солдатами и гражданскими лицами³⁴³. Существенный акцент делается на её трагичном характере, что «миллионы людей стали жертвами массовых казней, депортации, голода, принудительного труда, концентрационных лагерей и бомбежек», особенно жестокий характер война приняла в Центральной и Восточной Европе³⁴⁴. Трагичность подтверждается массовостью жертв – приводятся цифры в 60 млн погибших, из которых две трети составили гражданские лица³⁴⁵. Подчёркивается огромная роль идеологий во Второй мировой войне, что она

³⁴³ House of European History. Europe in ruins [Электронный ресурс]. – URL: <https://historia-europa.ep.eu/en/permanent-exhibition/europe-ruins> (дата обращения: 20.05.2020)

³⁴⁴ Ibid.

³⁴⁵ Ibid.

стала столкновением демократии, национал-социализма и сталинизма (коммунизма, большевизма)³⁴⁶.

Исследователи сходятся во мнении, что центральное место в политике памяти ЕС как таковой, а не только о Второй мировой войне, занимает Холокост - «общеевропейская политика памяти предполагает понимание уникальности Холокоста как главной европейской трагедии XX в., осознание коллективной вины и ответственности всех народов Европы за эту трагедию»³⁴⁷. Еврокомиссар по вопросам экономики и финансов П. Московиси признаёт: «наши ценности основываются на нашей истории, а в центре ее находится именно трагедия Холокоста»³⁴⁸. FRA утверждает: «знание Холокоста является ключевым элементом коллективной европейской памяти»³⁴⁹.

В информационных материалах европейских институтов упоминается, что в ходе Второй мировой войны были совершены «преступления против человечности, зверства и несправедливость», делается акцент на том, что насилие и миллионы жертв Холокоста, геноцид цыган и «массовые убийства миллионов других людей» были следствием «тоталитарных и расистских идей нацистов» антисемитизма как проявления нетолерантности и ненависти (вслед за чем часто следуют призывы бороться с современными их проявлениями)³⁵⁰. Признаётся существование Холокоста как такового³⁵¹,

³⁴⁶ Ibid.

³⁴⁷ Ефременко Д. Указ. соч. С. 117

³⁴⁸ ТАСС. Еврокомиссар Пьер Московиси надеется, что Польша не примет закон о Холокосте [Электронный ресурс] // ТАСС, 2018. – URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/4929024> (дата обращения: 20.05.2020)

³⁴⁹ European Union Agency for Fundamental Rights. Fundamental Rights and Holocaust remembrance [Электронный ресурс] // European Union Agency for Fundamental Rights, 2015. – URL: <https://fra.europa.eu/en/news/2015/fundamental-rights-and-holocaust-remembrance> (дата обращения: 20.05.2020)

³⁵⁰ Bulc, V. Today we commemorate... // Official Twitter account of V. Bulc, 2019. [Электронный ресурс]. – URL: https://twitter.com/Bulc_EU/status/1089439424860090368 (дата обращения: 20.05.2020); European Parliament. European Parliament resolution of 3 July 1995 on a day to commemorate the Holocaust [Электронный ресурс] // EUR-Lex, 1995. – URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/HTML/?uri=CELEX:51995IP0866&from=EN> (дата обращения: 20.05.2020); European Parliament. European Parliament resolution of 20 November 2002 on the progress made by each of the candidate countries towards accession [Электронный ресурс] // European Parliament, 2002. – URL: <http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?pubRef=-//EP//TEXT+TA+P5-TA-2002-0536+0+DOC+XML+V0//EN&language=EN> (дата обращения: 20.05.2020)

³⁵¹ Council of the European Union. Joint Action of 15 July 1996 adopted by the Council on the basis of Article K.3 of the Treaty on European Union, concerning action to combat racism and xenophobia [Электронный ресурс] // EUR-Lex, 1996. – URL: <https://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=CELEX:31996F0443:EN:HTML> (дата обращения: 20.05.2020); Council of the European Union. Framework decision on Racism and Xenophobia, Luxembourg, 19 April 2007. 8665/07 (Presse 84) [Электронный ресурс] // Council of the European Union, 2007. – URL: https://www.consilium.europa.eu/ueDocs/cms_Data/docs/pressData/en/misc/93739.pdf (дата обращения: 20.05.2020); European Parliament. The European Union and Holocaust remembrance [Электронный ресурс] // European Parliament, 2020. – 6 р. – URL: [http://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2018/614662/EPRS_BRI\(2018\)614662_EN.pdf](http://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2018/614662/EPRS_BRI(2018)614662_EN.pdf) (дата обращения: 20.05.2020), P. 1

а к его проявлениям относят создание гетто (которое стало “важным подготовительным шагом в организации Шоа”)³⁵², массовое заключение в концентрационные лагеря, массовые казни и уничтожение в “лагерях смерти”, что, несомненно, является признаком геноцида и социальных и этнических чисток³⁵³. Признаётся, что цыгане (Рома) и прочие “преследуемые группы” не были жертвами отдельного геноцида, а также являлись частью Холокоста³⁵⁴. К жертвам Холокоста относятся также лица по признаку инвалидности, религии (например, Свидетели Иеговы), сексуальной ориентации и гендерной идентичности (ЛГБТ)³⁵⁵. Упоминания о славянских народах как жертвах Холокоста отдельно не встречаются.

Для обозначения трагичности Холокоста используется слово “Катастрофа”³⁵⁶, также по отношению к исключительно еврейской трагедии Холокоста используется слово “Шоа” (Shoa)³⁵⁷. В качестве причин Холокоста указываются не только антисемитизм и идеи ненависти, но и игнорирование международным сообществом проблем прав человека в Германии, отказ принятия еврейских беженцев и игнорирование позиции организаций гражданского общества³⁵⁸. Поддерживается принцип национальной и коллективной вины европейских стран, всех европейцев в Холокосте³⁵⁹. Холокост

³⁵² House of European History. Europe in ruins [Электронный ресурс]. – URL: <https://historia-europa.eu/en/permanent-exhibition/europe-ruins> (дата обращения: 20.05.2020)

³⁵³ European Parliament. The European Union and Holocaust remembrance [Электронный ресурс] // European Parliament, 2020. – 6 р. – URL: [http://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2018/614662/EPRS_BRI\(2018\)614662_EN.pdf](http://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2018/614662/EPRS_BRI(2018)614662_EN.pdf) (дата обращения: 20.05.2020), Р. 1-2; House of European History. Europe in ruins [Электронный ресурс]. – URL: <https://historia-europa.eu/en/permanent-exhibition/europe-ruins> (дата обращения: 20.05.2020)

³⁵⁴ European Parliament. European Parliament resolution of 28 April 2005 on the situation of the Roma in the European Union [Электронный ресурс] // European Parliament, 2005. – URL: <http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?pubRef=-//EP//TEXT+TA+P6-TA-2005-0151+0+DOC+XML+V0//EN&language=EN> (дата обращения: 20.05.2020); European Parliament. The European Union and Holocaust remembrance [Электронный ресурс] // European Parliament, 2020. – 6 р. – URL: [http://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2018/614662/EPRS_BRI\(2018\)614662_EN.pdf](http://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2018/614662/EPRS_BRI(2018)614662_EN.pdf) (дата обращения: 20.05.2020), Р. 1

³⁵⁵ European Parliament. The European Union and Holocaust remembrance [Электронный ресурс] // European Parliament, 2020. – 6 р. – URL: [http://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2018/614662/EPRS_BRI\(2018\)614662_EN.pdf](http://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2018/614662/EPRS_BRI(2018)614662_EN.pdf) (дата обращения: 20.05.2020), Р. 1

³⁵⁶ Горин, Б. Европарламент провел церемонию памяти жертв Катастрофы [Электронный ресурс] // Лехаим, 2019. – URL: <https://lechaim.im/events/evroparlament-provel-tseremoniyu-pamyati-zhertv-katastrofy/> (дата обращения: 20.05.2020)

³⁵⁷ House of European History. Europe in ruins [Электронный ресурс]. – URL: <https://historia-europa.eu/en/permanent-exhibition/europe-ruins> (дата обращения: 20.05.2020)

³⁵⁸ Горин, Б. Европарламент провел церемонию памяти жертв Катастрофы [Электронный ресурс] // Лехаим, 2019. – URL: <https://lechaim.im/events/evroparlament-provel-tseremoniyu-pamyati-zhertv-katastrofy/> (дата обращения: 20.05.2020)

³⁵⁹ European Commission – Statement. Roma Holocaust Memorial Day: Statement by First Vice-President Timmermans and Commissioner Jourová on 31 July 2015 [Электронный ресурс] // European Commission, 2015. – URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/STATEMENT_15_5444 (дата обращения: 20.05.2020)

считается результатом деятельности не только нацистского режима, но и его “пособников” (коллорабационистов), в качестве примера приводятся украинские коллаборационисты³⁶⁰. Признаётся масштаб Холокоста, что он «был распространён на все контролируемые нацистами европейские территории и страны во время Второй мировой войны», в том числе на оккупированные территории СССР³⁶¹. Утверждается, что существовали планы уничтожения 11 млн евреев (т.н. “окончательное решение (еврейского вопроса)”) согласно решениям Ванзейской конференции (1942)³⁶².

В качестве героев в историческом нарративе европейских институтов используются Праведники и Праведницы народов мира³⁶³, коммеморация которых апеллирует к важности активного гражданского общества, движимого идеями гуманизма. Признаётся, что среди них были евреи и неевреи по всей Европе³⁶⁴. Освобождение нацистских концентрационных лагерей – однозначно подвиг и героическое событие, способствовавший прекращению насилия, геноцида и военных преступлений³⁶⁵. Признаётся, что оно было совершено Союзниками без упоминания отдельной роли Советской армии³⁶⁶.

Что касается нарратива институтов ЕС о роли СССР и нацистской Германии во Второй мировой войне (их роли в её развязывании и начале, нарушении международного права и военных преступлениях), то можно наблюдать “уравнивание” СССР и нацистской

20.05.2020)

³⁶⁰ European Parliament. The European Union and Holocaust remembrance [Электронный ресурс] // European Parliament, 2020. – 6 р. – URL: [http://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2018/614662/EPRS_BRI\(2018\)614662_EN.pdf](http://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2018/614662/EPRS_BRI(2018)614662_EN.pdf) (дата обращения: 20.05.2020), P. 1

³⁶¹ Ibid. P. 1-2

³⁶² Ibid.

³⁶³ European Parliament. Declaration of the European Parliament of 10 May 2012 on support for the establishment of a European Day of Remembrance for the Righteous [Электронный ресурс] // EUR-Lex, 2012. – URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/HR/TXT/?uri=CELEX:52012XP0205> (дата обращения: 20.05.2020)

³⁶⁴ European Parliament. The European Union and Holocaust remembrance [Электронный ресурс] // European Parliament, 2020. – 6 р. – URL: [http://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2018/614662/EPRS_BRI\(2018\)614662_EN.pdf](http://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2018/614662/EPRS_BRI(2018)614662_EN.pdf) (дата обращения: 20.05.2020), P. 2

³⁶⁵ European Parliament. European Parliament resolution of 27 January 1995 on remembrance of the Holocaust, anti-semitism and racism [Электронный ресурс] // European Parliament, 1995. – URL: <http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?pubRef=-//EP//TEXT+TA+P6-TA-2005-0018+0+DOC+XML+V0//EN&language=EN> (дата обращения: 20.05.2020); European Parliament. Declaration of the European Parliament of 10 May 2012 on support for the establishment of a European Day of Remembrance for the Righteous [Электронный ресурс] // EUR-Lex, 2012. – URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/HR/TXT/?uri=CELEX:52012XP0205> (дата обращения: 20.05.2020)

³⁶⁶ European Parliament. The European Union and Holocaust remembrance [Электронный ресурс] // European Parliament, 2020. – 6 р. – URL: [http://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2018/614662/EPRS_BRI\(2018\)614662_EN.pdf](http://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2018/614662/EPRS_BRI(2018)614662_EN.pdf) (дата обращения: 20.05.2020), P. 2

Германии, таким образом, ЕС во многом реализует запрос стран Восточной Европы и европейской общественности. Для европейских институтов и СССР и нацистская Германия – это однозначно тоталитарные режимы, носители тоталитарных идеологий сталинизма и нацизма, участвовавшие в сравнимых по своей жестокости и бесчеловечности “актах агрессии” и преступлениях против человечности: “массовых депортациях, убийствах и порабощениях”, организации политической цензуры, в т.ч. во время Второй мировой войны³⁶⁷. Одинаково ужасающими признаются и нацистские концентрационные лагеря и лагеря ГУЛАГ, как затронувшие простых, ни в чём не повинных, людей, разделившие семьи и откуда не вернулись многие³⁶⁸. Признаётся тяжёлое положение военнопленных (без указания в плену какой страны, вероятно, имеются ввиду и нацистская Германия и СССР), а также факт того, что их положение было облегчено благодаря международной помощи (например, помощи Американского Красного Креста)³⁶⁹.

Представители гражданских обществ оккупированных Германией и СССР стран Европы и стран-сателлитов Оси в годы Второй мировой войны “сохранили человеческое достоинство во времена нацизма и коммунистического тоталитаризма” и в разных формах оказывали им гражданское сопротивление, в т.ч. противостояли преступлениям нацизма и сталинизма и помогали их жертвам из дискриминированных социальных групп, например, помогали мигрантам и жертвам Холокоста во время Второй мировой войны³⁷⁰.

³⁶⁷ European Parliament. Declaration of the European Parliament of 10 May 2012 on support for the establishment of a European Day of Remembrance for the Righteous [Электронный ресурс] // EUR-Lex, 2012. – URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/HR/TXT/?uri=CELEX:52012XP0205> (дата обращения: 20.05.2020); European Parliament. Declaration of the European Parliament of 23 September 2008 on the proclamation of 23 August as European Day of Remembrance for Victims of Stalinism and Nazism [Электронный ресурс] // European Parliament, 2008. – URL: <http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?type=TA&reference=P6-TA-2008-0439&language=EN> (дата обращения: 20.05.2020); Council of the European Union. 2950th Council meeting General Affairs and External Relations General Affairs Luxembourg, 15 June 2009 [Электронный ресурс] // European Commission, 2009. – URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/PRES_09_173 (дата обращения: 20.05.2020); Council of the European Union. Council Conclusions on the Memory of the Crimes Committed by Totalitarian Regimes in Europe, 9-10 June 2011 [Электронный ресурс] // Council of the European Union, 2011. – URL: http://www.consilium.europa.eu/uedocs/cms_data/docs/pressdata/en/jha/122521.pdf (дата обращения: 20.05.2020); Council of the European Union. Warsaw Declaration of 23 August 2011 on the Occasion of the European Day of Remembrance for Victims of Totalitarian Regimes [Электронный ресурс] // Instytut Pamięci Narodowej, 2011. – URL: <http://www.ipn.gov.pl/download.php?s=2&id=1175> (дата обращения: 20.05.2020); European Parliament. European Parliament resolution of 18 September 2019 on the importance of European remembrance for the future of Europe [Электронный ресурс] // European Parliament, 2019. – URL: http://www.europarl.europa.eu/doceo/document/RC-9-2019-0097_EN.html (дата обращения: 20.05.2020)

³⁶⁸ House of European History. Europe in ruins [Электронный ресурс]. – URL: <https://historia-europa.eu/en/permanent-exhibition/europe-ruins> (дата обращения: 20.05.2020)

³⁶⁹ Ibid.

³⁷⁰ European Parliament. Declaration of the European Parliament of 10 May 2012 on support for the establishment of a European Day of Remembrance for the Righteous [Электронный ресурс] // EUR-Lex, 2012. – URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/HR/TXT/?uri=CELEX:52012XP0205> (дата обращения: 20.05.2020)

Признаётся существование значительного антинацистского партизанского движения в Европе, в качестве примеров приводятся Греция, Польша, Югославия и СССР³⁷¹. Антисоветские и антинацистские силы периода Второй мировой войны “боролись против тирании и угнетения”³⁷².

Первостепенной причиной начала войны были “германские амбиции к территориальной экспансии и доминированию в Европе”, которые вылились в нападение нацистской Германии на Польшу (1 сентября 1939 г.). Путь ко Второй мировой войне был проложен заключением Пакта Молотова-Риббентропа³⁷³, который “разделил (Центральную и Восточную) Европу на две сферы интересов посредством секретных дополнительных протоколов”³⁷⁴ и “открыл тёмную главу в европейской истории”³⁷⁵. СССР и Германия разделяли этим Пактом и в этой войне цель завоевания мира³⁷⁶. Прямым следствием Пакта были “раздел Польши “СССР и Германией, война СССР и Финляндии, “аннексия стран Балтии и румынской Бессарабии” СССР³⁷⁷. Присоединение стран Балтии (Эстонии, Латвии и Литвы) – однозначно “оккупация” и “аннексия”, сопровождавшаяся масштабными политическими репрессиями, характерными для сталинизма³⁷⁸. Антисоветские движения и выступления народов стран Балтии (видимо,

³⁷¹ House of European History. Europe in ruins [Электронный ресурс]. – URL: <https://historia-europa.ep.eu/en/permanent-exhibition/europe-ruins> (дата обращения: 20.05.2020)

³⁷² European Parliament. European Parliament resolution of 2 April 2009 on European conscience and totalitarianism [Электронный ресурс] // European Parliament, 2009. – URL: <http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?pubRef=-//EP//TEXT+TA+P6-TA-2009-0213+0+DOC+XML+V0//EN&language=EN> (дата обращения: 20.05.2020)

³⁷³ European Parliament. European Parliament resolution of 13 January 1983 on the Baltic States [Электронный ресурс] // European Parliament, 1983. – URL: http://www.letton.ch/lvx_eur2.htm (дата обращения: 20.05.2020)

³⁷⁴ European Parliament. Declaration of the European Parliament of 23 September 2008 on the proclamation of 23 August as European Day of Remembrance for Victims of Stalinism and Nazism [Электронный ресурс] // European Parliament, 2008. – URL: <http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?type=TA&reference=P6-TA-2008-0439&language=EN> (дата обращения: 20.05.2020); House of European History. Europe in ruins [Электронный ресурс]. – URL: <https://historia-europa.ep.eu/en/permanent-exhibition/europe-ruins> (дата обращения: 20.05.2020)

³⁷⁵ European Commission. Statement by First Vice-President Timmermans and Commissioner Jourová ahead of the Europe-Wide Day of Remembrance for the victims of all totalitarian and authoritarian regimes on 22 August 2019. [Электронный ресурс] // European Commission, 2019. – URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/statement_19_5411 (дата обращения: 20.05.2020)

³⁷⁶ European Parliament. European Parliament resolution of 18 September 2019 on the importance of European remembrance for the future of Europe [Электронный ресурс] // European Parliament, 2019. – URL: http://www.europarl.europa.eu/doceo/document/RC-9-2019-0097_EN.html (дата обращения: 20.05.2020)

³⁷⁷ Ibid.

³⁷⁸ European Parliament. Declaration of the European Parliament of 23 September 2008 on the proclamation of 23 August as European Day of Remembrance for Victims of Stalinism and Nazism [Электронный ресурс] // European Parliament, 2008. – URL: <http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?type=TA&reference=P6-TA-2008-0439&language=EN> (дата обращения: 20.05.2020); European Parliament. European Parliament resolution of 18 September 2019 on the importance of European remembrance for the future of Europe [Электронный ресурс] // European Parliament, 2019. – URL: http://www.europarl.europa.eu/doceo/document/RC-9-2019-0097_EN.html (дата обращения: 20.05.2020)

имеются ввиду т.н. “лесные братья”) были проявлениями “борьбы за свободу”, жертвами которой стали “тысячи”.³⁷⁹

Окончание Второй мировой войны в Европе – героическое событие, поскольку прекратилась война, акты геноцида и военные преступления³⁸⁰. Признаётся, что снятие немецкой оккупации советскими войсками со стран Центральной и Восточной Европы позволило избавиться от нацизма, но привело к “последующей аннексии” и “возобновлению тирании”, сопровождавшихся “огромными лишениями и жертвами”³⁸¹. Всё это завершилось лишь только благодаря «событиям 1989 года, когда граждане Центральной и Восточной Европы встали, прорвали железный занавес и ускорили его падение»³⁸². Такой нарратив также соответствует запросу стран-членов ЕС из Восточной Европы и европейской общественности.

Что касается Нюрнбергского процесса (трибунала) (1945-1946), то признаётся, что он привлёк виновных к уголовной ответственности, однако критикуется, что он расценил Холокост как преступления против человечности, а не как геноцид³⁸³. В целом итоги Нюрнбергского процесса не поддаются какому-то значительному пересмотру в нарративе институтов ЕС, что может быть продиктовано политическими соображениями, связанными с риском быть широко обвинёнными в их отрицании и непосредственной фальсификации истории Второй мировой войны.

Эксперты настаивают на необходимости большего сближения исторических нарративов о Второй мировой войне Восточной и Западной Европы предлагая ввести «эти отдельные, а иногда и противоречивые мнения в разделяемое общее образование»³⁸⁴ и

³⁷⁹ European Parliament. European Parliament resolution of 13 January 1983 on the Baltic States [Электронный ресурс] // European Parliament, 1983. – URL: http://www.letton.ch/lvx_eur2.htm (дата обращения: 20.05.2020)

³⁸⁰ European Parliament. European Parliament resolution of 12 May 2005 on the sixtieth anniversary of the end of the Second World War in Europe on 8 May 1945 [Электронный ресурс] // European Parliament, 2005. – URL: <http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?pubRef=-//EP//TEXT+TA+P6-TA-2005-0180+0+DOC+XML+V0//EN&language=EN> (дата обращения: 20.05.2020)

³⁸¹ Ibid.; European Parliament. European Parliament resolution of 26 May 2005 on EU-Russia relations [Электронный ресурс] // European Parliament, 2005. – URL: <http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?pubRef=-//EP//TEXT+TA+P6-TA-2005-0207+0+DOC+XML+V0//EN&language=EN> (дата обращения: 20.05.2020)

³⁸² European Commission. Statement by First Vice-President Timmermans and Commissioner Jourová ahead of the Europe-Wide Day of Remembrance for the victims of all totalitarian and authoritarian regimes on 22 August 2019. [Электронный ресурс] // European Commission, 2019. – URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/statement_19_5411 (дата обращения: 20.05.2020)

³⁸³ European Parliament. The European Union and Holocaust remembrance [Электронный ресурс] // European Parliament, 2020. – 6 p. – URL: [http://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2018/614662/EPRS_BRI\(2018\)614662_EN.pdf](http://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2018/614662/EPRS_BRI(2018)614662_EN.pdf) (дата обращения: 20.05.2020), P. 1

³⁸⁴ Geremek В. Op. cit. P. 41

создать единый общеевропейский исторический нарратив («европейский нарратив»³⁸⁵). Обычно такие предложения состоят в необходимости учитывать исторические нарративы Восточной Европы, в которых значительное внимание отведено советским преступлениям. Б. Геремек предлагает: «ГУЛАГ должен быть также известен как лагерь уничтожения нацистов; нельзя допустить, чтобы преступления Третьего Рейха скрывали преступления Советского Союза»³⁸⁶. Также предлагается провести широкие исторические дебаты в странах-членах ЕС из Центральной и Восточной Европы, не преследуя их за их текущую политику памяти. Весьма вероятно, что именно институты ЕС станут лидерами в реализации данных предложений.

Таким образом, мы можем говорить о наличии определённого исторического нарратива политики памяти институтов ЕС о Второй мировой войне, которого те и связанные с ними еврократы, с незначительными трансформациями в нём, придерживаются уже довольно долгое время. Во многом этот нарратив по характеру схож с господствующими нарративами Западной Европы, Восточной Европы и особенно с господствующим нарративом европейской общественности, заимствует и сочетает отдельные их элементы, что должно обеспечивать его значительную приемлемость в них, и не вступает в ощутимые противоречия ни с одним из них, что не исключает “войн памяти” относительно отдельных элементов, практик “вспоминания” и “забывания”. Мы можем прийти к выводу, что исторический нарратив институтов ЕС о Второй мировой войне действительно способен к формированию ряда весьма значимых конструкторов, связанных со структурами внутренней и внешней политики, а также содействовать достижению цели и решению задач политики памяти институтов ЕС о Второй мировой войне и в целом обеспечивать эффективность политики памяти институтов ЕС о Второй мировой войне.

³⁸⁵ Ibid.

³⁸⁶ Ibid.

Глава 4. Роль институтов Европейского союза в создании “мест памяти”, коммеморациях, выработке стандартов коммеморации и законах памяти о Второй мировой войне

4.1. Основные институты Европейского союза – участники политики памяти о Второй мировой войне и основные сферы деятельности и направления реализации политики памяти институтов Европейского союза о Второй мировой войне

По мнению Д. Ефременко «представители еврократической группы [а, следовательно, и институты, которыми они представлены] как по призванию, так и в силу профессиональных обязанностей могут вносить значимый вклад и в “проевропейскую политику” памяти»³⁸⁷.

В 1970-х гг. процессы, связанные с политикой памяти, происходившие в западноевропейских сообществах, получили своё развитие на межгосударственном уровне. Межгосударственные институты Европы, в особенности институты ЕЭС постепенно стали носителями европейской коллективной памяти. В 1973 г. девятью странами-участницами Европейского экономического сообщества (ЕЭС) была подписана Декларация европейской идентичности, в которой провозглашалось наличие общего “европейского наследия”³⁸⁸. Это решение формально дало старт участию европейских институтов как в европейской политике идентичности, так и в европейской политике памяти. На сегодняшний день политика памяти европейских институтов является одним из направлений их политики европейской идентичности и инструментом политики европеизации. Институты ЕС стараются включить в страны, на которые распространяется их политика памяти, прочие страны региона, не состоящие в ЕС.

В 1990-х гг. институты ЕС, такие как Европейский парламент и Европейская комиссия стали проявлять активность в политике памяти, в т.ч. о Второй мировой войне. М. Гетман связывает это с вооружённым конфликтом на Балканах (1992-1995), сопровождавшимся “этническими чистками и вспышками национальной и религиозной нетерпимости”, что обусловило его проецирование на Холокост³⁸⁹.

³⁸⁷ Ефременко Д. Указ. соч. С. 113

³⁸⁸ Copenhagen European Summit. Document on The European Identity published by the Nine Foreign Ministers on 14 December 1973, in Copenhagen [Электронный ресурс] // CVCE.eu, 2013. – URL: https://www.cvce.eu/content/publication/1999/1/1/02798dc9-9c69-4b7d-b2c9-f03a8db7da32/publishable_en.pdf (дата обращения: 20.05.2020), Р. 2

³⁸⁹ Гетман М. Указ. соч. С. 109-110

Европейские институты впервые публично обозначали своё стремление к формированию общеевропейской коллективной памяти о Второй мировой войне в 2005 г. В резолюции Европейского парламента к шестидесятой годовщине окончания Второй мировой войны в Европе 8 мая 1945 г. коллективное празднование годовщины было отмечено как «повод поделиться и объединить наши [стран-членов ЕС] воспоминания на пути к действительно общей европейской памяти и возможности предотвратить повторение национализма и тоталитарного правления»³⁹⁰. В 2007 г. институтами ЕС (ЕП) впервые была выдвинута идея создания музея, посвящённого европейской истории, где мог бы транслироваться их исторический нарратив³⁹¹.

Можно утверждать, что в 1990-2000-е гг. политика памяти институтов ЕС как таковая находилась ещё в зачаточном состоянии, хотя к этому периоду и относятся отдельные резолюции ЕП по вопросам памяти о Второй мировой войне и проектные и исследовательские программы ЕС. В конце 2000-х Б. Геремек писал: «Ничего подобного [политике памяти] на уровне ЕС не существует: ни разу до сих пор он не пытался сослаться на свою историю, создавать свой исторический нарратив или выковать чувство общей судьбы»³⁹². По большей части она сформировалась уже в 2010-е гг., когда европейские институты стали крайне активно участвовать в коммеморациях и формировать стандарты реализации проектов коммеморации. Вместе с тем, М. Гетман отмечает, что «в настоящий момент ЕС не представил какого-либо программного документа или стратегии, согласно которой осуществляется вся политика памяти»³⁹³. Направленность и характер этой политики, её цель и задачи зафиксированы в отдельных актовых документах институтов ЕС, публичных речах и материалах этих институтов и их представителей в 2000-2010-х гг.

Изначально европейская политика памяти не была в компетенции европейских институтов (за исключением отдельных резолюций Европейского парламента, затрагивавших вопросы памяти), её развитие направлял Совет министров без привлечения

³⁹⁰ European Parliament. European Parliament resolution of 12 May 2005 on the sixtieth anniversary of the end of the Second World War in Europe on 8 May 1945 [Электронный ресурс] // European Parliament, 2005. – URL: <http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?pubRef=-//EP//TEXT+TA+P6-TA-2005-0180+0+DOC+XML+V0//EN&language=EN> (дата обращения: 20.05.2020)

³⁹¹ Committee of experts. House of European History, 2008. URL: https://www.europarl.europa.eu/meetdocs/2004_2009/documents/dv/745/745721/745721_en.pdf (дата обращения: 20.05.2020), P. 4

³⁹² Geremek B. Op. cit. P. 36

³⁹³ Гетман М. Указ. соч. С. 108

внешних экспертов или каких-либо официальных оценок³⁹⁴. Перечень институтов ЕС, участвующих в политике памяти о Второй мировой войне, во многом тождествен тем институтам, что задействованы в политике европеизации³⁹⁵. По мере становления ЕС в 1992-1999 гг. европейская политика памяти становилась всё более коммунитаризованной, для проектов стали создаваться европейские группы экспертов. Так, в 1999 г. Европейская культурная столица (ЕСоС) была официально преобразована в действия Европейского союза. Период 2000-2010-х гг. характеризуется возникновением проектных и исследовательских программ ЕС, разработкой которых занимается Европейская комиссия (ЕК). Ключевую роль в этом играет Генеральный директорат ЕК по образованию и культуре. Также в разработке и реализации политики памяти принимают участие агентства ЕС, например Исполнительное агентство по образованию, культуре и аудиовизуальным средствам (Education, Audiovisual and Culture Executive Agency (EACEA)) и Агентство ЕС по фундаментальным правам (Fundamental Rights Agency, FRA) (в 1997-2003 гг. - Центр мониторинга по борьбе против расизма и ксенофобии (European Monitoring Centre on Racism and Xenophobia, EUMC)), большую роль играют их мониторинговые функции, также зачастую именно они непосредственно организуют коммеморационные мероприятия. Помимо этого значимую роль в политике памяти играет сам Президент ЕК, Координатор ЕК по борьбе с антисемитизмом (должность существует с 2014 г.) (European Commission Coordinator on combatting Antisemitism) (в первую очередь, о Холокосте) и Координатор ЕК для диалога между Европейской комиссией и церквями, религиозными ассоциациями или общинами, философскими и неконфессиональными организациями (должность существует с 2014 г.) (European Commission coordinator for the dialogue between the European Commission and churches, religious associations or communities, and philosophical and non-confessional organizations) (также, в первую очередь, о Холокосте), в т.ч. в связи с их дискурсивной силой. Дискурсивной силой в политике памяти ЕС также обладает Европейская служба внешних действий (European External Action Service, EEAS).

Помимо ЕК в выработке и реализации европейской политики памяти значимую роль играет Европейский парламент (ЕП). М. Гетман считает его “ключевым

³⁹⁴ European Capital of Culture. Summary of the European Commission conference “Celebrating 25 years of European Capitals of Culture”, Brussels, 23-24 March 2010 [Электронный ресурс] // European Capital of Culture, 2010. – 16 p. – URL: https://ec.europa.eu/programmes/creative-europe/sites/creative-europe/files/library/capitals-culture-25-years-conclusions_en.pdf (дата обращения: 20.05.2020), Р. 4

³⁹⁵ Антипов А. Указ. соч. С. 57

наднациональным актором, ответственным за содержание политики памяти”³⁹⁶. По её мнению, это обеспечивается тем, что тот является «единственным формируемым напрямую гражданами ЕС представительным органом, обладает большей репрезентативностью по сравнению с другими основными институтами Евросоюза и, соответственно, большей легитимностью» в результате чего тот «получает право выступать легитимным источником в плане оценки исторических событий и трактовок прошлого»³⁹⁷. Большую дискурсивную силу имеют выступления председателя (президента) ЕП и вице-президентов ЕП. В составе Генерального директората ЕП по внутренней политике (DG IPOL) действует директорат по структурной политике и политике выравнивания, одним из направлений деятельности которого является культура и образование, а также Комитет ЕП по культуре и образованию. Основная деятельность Директората заключается в подготовке исследований (studies) по запросам Комитета, среди таких исследований и исследования по вопросам европейской коллективной памяти и политики памяти³⁹⁸. Также подготовкой исследований и брифингов по таким вопросам занимается Европейская парламентская исследовательская служба (EPRS)³⁹⁹.

Большую роль в выработке европейской политики памяти играют европейские организации гражданского общества: гражданские ассоциации и инициативные группы граждан, фонды и некоммерческие организации (НКО), а также публичные исследовательские организации (think tanks), музеи, архивы, культурные центры и институты. Яркие примеры подобных организаций – EuroClio (Европейская ассоциация преподавателей истории)⁴⁰⁰, специализирующаяся на создании транснациональных образовательных материалов, а также на разработке и реализации проектов по преподаванию истории; EHRI (Европейская исследовательская инфраструктура Холокоста), специализирующаяся на создании цифровой инфраструктуры и содействии развитию человеческих сетей, связанных с изучением Холокоста и памятью и образованием о нём, Платформа европейской памяти и совести - коалиция учреждений и

³⁹⁶ Гетман М. Указ. соч. С. 112

³⁹⁷ Там же. С. 107

³⁹⁸ European Parliament. Directorate-General for internal policies. European historical memory: policies, challenges and perspectives [Электронный ресурс] // European Parliament, 2015. – 46 p. – URL: https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/STUD/2015/540364/IPOL_STU%282015%29540364_EN.pdf (дата обращения: 20.05.2020)

³⁹⁹ European Parliament. The European Union and Holocaust remembrance [Электронный ресурс] // European Parliament, 2020. – 6 p. – URL: [http://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2018/614662/EPRS_BRI\(2018\)614662_EN.pdf](http://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2018/614662/EPRS_BRI(2018)614662_EN.pdf) (дата обращения: 20.05.2020)

⁴⁰⁰ EuroClio. Dealing with the Past in History Education [Электронный ресурс] // EuroClio. – URL: <https://www.euroclio.eu/project/dealing-with-the-past-in-history-education/> (дата обращения: 20.05.2020)

организаций, специализирующихся на исследовании истории тоталитаризма, а также такие музеи как Мемориал Ванзее и Яд Вашем. Такие организации играют значимую роль в европейской политике памяти в процессе выработки решений ЕК, к которой привлекаются экспертные группы, а также в разработке разного рода пособий, связанных с памятью, в частности пособий FRA. Они имеют большое влияние и на прочие институты ЕС, в частности ЕП. Так, ЕП впервые признал (1983) присоединение стран Балтии к СССР (1940) оккупацией, приняв во внимание декларацию 45 граждан Эстонии, Латвии и Литвы⁴⁰¹. Европейский день памяти Праведников народов мира 6 марта был установлен как годовщина ЕП по предложению итальянской организации – Комитета Всемирного Сада Праведников “Гариво” (Gariwo)⁴⁰².

Большую роль в организации институтами ЕС коммемораций играет ряд организаций и музеев: Дом Европейской Истории (формально независимый, но тесно ассоциированный с ЕП)⁴⁰³, а также Ассоциация Жана Монне и связанный с ней музей Дом Жана Монне (также формально независимые, но тесно ассоциированные с ЕП)⁴⁰⁴, Европейская Обсерватория Воспоминаний (EUROM)⁴⁰⁵ - транснациональная сеть учреждений и организаций, занимающихся анализом и продвижением государственной политики памяти и Мемориал Ванзее. Часто коммеморации институтов ЕС проходят на их базе с использованием их технических, информационных и профессиональных ресурсов.

В своей политике памяти европейские институты тесно сотрудничают с правительственными и неправительственными международными организациями. Так, с 2008 г. институты ЕС сотрудничают с Европейским советом по толерантности и примирению (ECTR)⁴⁰⁶, а в 2018 г. ЕС стал постоянным международным партнером Международного альянса памяти жертв Холокоста (IHRA)⁴⁰⁷.

⁴⁰¹ European Parliament. European Parliament resolution of 13 January 1983 on the Baltic States [Электронный ресурс] // European Parliament, 1983. – URL: http://www.letton.ch/lvx_eur2.htm (дата обращения: 20.05.2020)

⁴⁰² La Repubblica. La giornata europea dei Giusti contro i crimini e totalitarismi [Электронный ресурс] // La Repubblica, 2012. – URL: https://www.repubblica.it/solidarieta/diritti-umani/2012/03/05/news/la_giornata_europea_dei_giusti_contro_i_crimini_e_totalitarismi-30993461/ (дата обращения: 20.05.2020)

⁴⁰³ House of European History. Main Page [Электронный ресурс]. – URL: <https://historia-europa.eu/en/welcome-house-european-history> (дата обращения: 20.05.2020)

⁴⁰⁴ European Parliament. Jean Monnet House [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.europarl.europa.eu/visiting/en/visitor-offer/other-locations/jean-monnet-house> (дата обращения: 20.05.2020)

⁴⁰⁵ EUROM. Main page [Электронный ресурс] // EUROM. – URL: <https://europeanmemories.net/> (дата обращения: 20.05.2020)

⁴⁰⁶ The European Council on Tolerance and Reconciliation. Main page [Электронный ресурс]. – URL: <http://ectr.eu/> (дата обращения: 20.05.2020)

⁴⁰⁷ European Parliament Think Tank. The European Union and Holocaust remembrance [Электронный ресурс] // European Parliament, 2020. – URL:

Значительную роль в выработке политики памяти ЕС играет его международное сотрудничество, в первую очередь, организованные при участии институтов ЕС международные семинары и конференции. Яркий пример - семинар ЕС-Израиль по борьбе с расизмом, ксенофобией и антисемитизмом (EU-Israel Seminar on Combating Racism, Xenophobia and Antisemitism)⁴⁰⁸, в котором со стороны ЕС принимают участие представители ЕК, ЕЕАС и FRA. На таких семинарах и конференциях сторонами вырабатываются и предлагаются совместные инициативы в сфере политики памяти, в т.ч. международного характера.

Помимо непосредственных коммемораций, европейская политика памяти о Второй мировой войне реализуется в таких сферах деятельности Европейского союза как Культура (Culture)⁴⁰⁹, Образование, профессиональная подготовка и молодёжная политика (Education, Training and Youth)⁴¹⁰, Правосудие и основные права (Justice and Fundamental Rights)⁴¹¹ (к этой сфере также относится политика по борьбе с дискриминацией (в частности гомофобией и дискриминацией ЛГБТИ, расизмом и ксенофобией, исламофобией и пр.) (Combating Discrimination)), Права человека и демократия (Human rights and democracy)⁴¹². Подобные политики могут затрагивать не только страны-члены ЕС, но и страны-кандидаты, ассоциированные страны, страны Восточного Партнёрства и Партнёрства для Средиземноморья и пр.

В ткани нормативной основы сотрудничества сочетаются как инструменты “мягкого” права, например, рекомендации, заключения, резолюции; так и “жесткого” права, например, директивы, решения Совета ЕС. Нормы “жесткого” и “мягкого” права в сфере памяти о Второй мировой войне отражают дискурс европейских институтов о ней и позволяют экспертам говорить о существовании стандартов, заданных Европейским союзом⁴¹³.

[http://www.europarl.europa.eu/thinktank/en/document.html?reference=EPRS_BRI\(2018\)614662](http://www.europarl.europa.eu/thinktank/en/document.html?reference=EPRS_BRI(2018)614662) (дата обращения: 20.05.2020)

⁴⁰⁸ European Commission. Justice and Consumers. 10th Seminar on Combating Racism, Xenophobia and Antisemitism Joint Statement [Электронный ресурс] // European Commission, 2016. – URL: https://ec.europa.eu/newsroom/just/item-detail.cfm?item_id=51160&lang=EN (дата обращения: 20.05.2020)

⁴⁰⁹ European Union. Culture in the European Union [Электронный ресурс]. – URL: https://europa.eu/european-union/topics/culture_en (дата обращения: 20.05.2020)

⁴¹⁰ European Union. Education, Training and Youth [Электронный ресурс]. – URL: https://europa.eu/european-union/topics/education-training-youth_en (дата обращения: 20.05.2020)

⁴¹¹ European Union. Justice and Fundamental Rights [Электронный ресурс]. – URL: https://europa.eu/european-union/topics/justice-home-affairs_en (дата обращения: 20.05.2020)

⁴¹² European Union. Human rights and democracy [Электронный ресурс]. – URL: https://europa.eu/european-union/topics/human-rights_en (дата обращения: 20.05.2020)

⁴¹³ Baranowska, G., Wójcik, A. In defence of Europe’s memory laws [Электронный ресурс] / G. Baranowska, A. Wójcik // Eurozine, 2017. – URL: <https://www.eurozine.com/in-defence-of-europes-memory-laws/>

Политику памяти европейских институтов можно рассмотреть в нескольких измерениях:

1. Создание мест памяти, как материальных, так и нематериальных в рамках собственного участия в коммеморациях.

В данном измерении политика памяти европейских институтов связана с их дискурсивной силой. Ключевыми проявлениями политики памяти здесь являются резолюции, декларации институтов ЕС, речи их председателей.

2. Участие в формировании “законов памяти”.

В данном измерении политика памяти европейских институтов связана с директивным характером их определённых решений. Ключевыми проявлениями политики памяти здесь являются Совместные действия и Рамочные решения Совета ЕС о законодательстве в странах-членах.

3. Формирование стандартов реализации проектов коммеморации.

В данном измерении политика памяти европейских институтов связана с регламентирующим характером их определённых решений. Ключевыми проявлениями политики памяти здесь являются образовательные материалы ЕС и правила участия в разного рода конкурсах.

Таким образом, мы можем говорить о наличии широкого спектра институтов и связанных с ними структур, задействованных в политике памяти институтов ЕС, в т.ч. о Второй мировой войне, а также о наличии широкого спектра направлений политики ЕС, через которые та может реализоваться, причём с 1970-х по 2010-е гг. произошла их существенная эволюция: в случае институтов и связанных с ними структур - в сторону увеличения их количества и расширения компетенций ЕК и ЕП, в случае направлений политики – в сторону их расширения. Мы можем прийти к выводу, что существующая структура политики памяти институтов ЕС, в т.ч. о Второй мировой войне, представленная определёнными институтами ЕС и связанными с ними структурами и направлениями политики ЕС, способна обеспечить достаточный ей охват всех сфер жизни ЕС и стран-членов способствуя достижению цели и решению задач политики памяти институтов ЕС о Второй мировой войне и поддерживать эффективность политики памяти институтов ЕС о Второй мировой войне.

4.2. Участие институтов Европейского союза в создании “мест памяти” и коммеморациях Второй мировой войны

Элементы памяти о Второй мировой войне часто присутствуют в официальных материалах об истории и развитии европейских сообществ, в которых институты ЕС определяют Вторую мировую войну как исторический бэкграунд своего появления, часто проводится дихотомия между Второй мировой войной, как примером разъединённой Европы, и современным Европейским союзом, как примером объединённой Европы⁴¹⁴, что является проявлением «мифа основания» ЕС.

Также институты ЕС причастны к созданию по меньшей мере одного постоянно действующего «места памяти» о Второй мировой войне – с 2017 г. в Брюсселе существует Дом Европейской Истории, созданный по инициативе ЕП, где действует постоянная экспозиция о Второй мировой войне⁴¹⁵. Музей действует независимо, однако де-факто его можно считать проводником исторического нарратива институтов ЕС и еврократов. По мнению М. Гетман его амбиции заключаются в «самой идее отказа от исключительно национальной перспективы рассмотрения исторических событий и попытке выстроить нарратив общеевропейской истории»⁴¹⁶. Представленные экспонаты нацелены на то, чтобы «отразить степень вовлеченности личных трагедий или катастрофического воздействия этих событий на различные группы людей»⁴¹⁷.

Наиболее значимым средством участия европейских институтов в дискурсе о памяти о Второй мировой войне является организация коммемораций и участие в них. Часто они сопровождаются распространением разных информационных материалов с отражением своего видения исторического нарратива Второй мировой войны. В одном мероприятии могут принять участие представители разных европейских институтов, наиболее массовое участие в них принимает ЕП, сами мероприятия нередко проводятся в его зале заседаний в г. Страсбург. Организацией коммемораций занимается также ЕК и отдельные комиссары ЕК (довольно часто - Европейский комиссар по вопросам юстиции, потребителей и гендерного равенства (European Commissioner for Justice, Consumers and

⁴¹⁴ Sassoli, P. Speech by President Sassoli of 3 July 2019 [Электронный ресурс] // European Parliament, 2019. – URL: <https://europarl.europa.eu/the-president/home/ep-newsroom/pageContent-area/newsroom/speech-by-president-sassoli.html> (дата обращения: 20.05.2020)

⁴¹⁵ European Parliament. The European Union and Holocaust remembrance [Электронный ресурс] // European Parliament, 2020. – 6 р. – URL: [http://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2018/614662/EPRS_BRI\(2018\)614662_EN.pdf](http://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2018/614662/EPRS_BRI(2018)614662_EN.pdf) (дата обращения: 20.05.2020), Р. 5; House of European History. Europe in ruins [Электронный ресурс]. – URL: <https://historia-europa.ep.eu/en/permanent-exhibition/europe-ruins> (дата обращения: 20.05.2020)

⁴¹⁶ Гетман М. Указ. соч. С. 108

⁴¹⁷ House of European History. Europe in ruins [Электронный ресурс]. – URL: <https://historia-europa.ep.eu/en/permanent-exhibition/europe-ruins> (дата обращения: 20.05.2020)

Gender Equality)), например, проводя учебные семинары для должностных лиц всех учреждений ЕС, посвящённые Второй мировой войне и Холокосту⁴¹⁸. Также мероприятия могут организовывать Представительства ЕС в странах мира, а также делегации и наблюдатели ЕС в международных организациях (например, постоянная делегация ЕС в Отделении Организации Объединённых Наций в Женеве)⁴¹⁹.

Институты ЕС принимают активное участие в коммеморациях в рамках годовщин, учреждение некоторых из них также связано с их деятельностью. В (Европейский) день памяти Холокоста 27 января (с 2005 г.) европейские институты и политические партии ЕП проводят церемонии памяти, дискуссии, семинары и распространяют информационные материалы о Холокосте, в т.ч. послания к еврейским общинам⁴²⁰. В этот день институты ЕС организуют мероприятия в память не только трагедии еврейства, но и цыган (Рома)⁴²¹. Первый вице-президент ЕП М. Макгиннесс подчёркивает: «Один день в году должен быть посвящён Холокосту, чтобы об этом помнили будущие поколения. Мы хотим, чтобы люди не забывали тех, кто погиб»⁴²².

В (Европейский) день памяти Праведников народов мира 6 марта (с 2012 г.) европейские институты и политические партии ЕП также проводят церемонии памяти и распространяют информационные материалы о Холокосте. По большей части его содержание не отличается от дня памяти Холокоста 27 января, за исключением того, что делается больший акцент на Праведников народов мира, их жертвенность и героизм. Однако помимо “воспоминания” Холокоста в эту годовщину происходят коммеморации всех, «кто бросал вызов преступлениям против человечности и тоталитаризма лично»⁴²³, в том числе и подобным “преступлениям” со стороны СССР во Второй мировой войне.

⁴¹⁸ European Commission. Justice and Consumers. Combating Antisemitism [Электронный ресурс]. – URL: https://ec.europa.eu/newsroom/just/item-detail.cfm?item_id=50144 (дата обращения: 20.05.2020)

⁴¹⁹ Ibid.

⁴²⁰ European Commission – Statement. Message by President Jean-Claude Juncker to the Jewish community on the occasion of Holocaust Remembrance Day 2016 [Электронный ресурс] // European Commission, 2016. – URL: https://ec.europa.eu/justice/fundamental-rights/files/statement_juncker_27_01_2016_en.pdf (дата обращения: 20.05.2020); European Commission. Message by President Jean-Claude Juncker on the occasion of Holocaust Remembrance Day 2017 [Электронный ресурс] // European Commission, 2017. – URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/STATEMENT_17_148 (дата обращения: 20.05.2020); European Commission. Message by President Jean-Claude Juncker on the occasion of Holocaust Remembrance Day 2018 [Электронный ресурс] // European Commission, 2018. – URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/STATEMENT_18_393 (дата обращения: 20.05.2020)

⁴²¹ European Commission. COMMISSION STAFF WORKING DOCUMENT on the Application of the EU Charter of Fundamental Rights in 2016 [Электронный ресурс] // Council of the European Union, 2017. – 117 p. – URL: <http://data.consilium.europa.eu/doc/document/ST-9511-2017-ADD-1/en/pdf> (дата обращения: 20.05.2020), P. 59

⁴²² Коробов, П. В Европарламенте помолились о жертвах холокоста [Электронный ресурс] // Коммерсантъ, 2018. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3528720> (дата обращения: 20.05.2020)

⁴²³ European Parliament. Declaration of the European Parliament of 10 May 2012 on support for the establishment

В Международный день Рома 8 апреля европейские институты и политические партии ЕП также проводят церемонии памяти и распространяют информационные материалы о Холокосте, но с большим акцентом на участь в нём цыган (Рома)⁴²⁴.

В дни 7-10 мая европейские институты, а также политические партии ЕП проводят церемонии памяти и распространяют информационные материалы об окончании Второй мировой войне в Европе, подчеркивая общеевропейский характер данного события⁴²⁵. Показательно то, что именно в этот временной промежуток выпадает День Европы, отмечаемый 9 мая как годовщина Декларации Шумана, положившей начало европейской интеграции, что создаёт предпосылки для проведения в дискурсе параллелей между Второй мировой войной и европейской интеграцией и способствуя укреплению “мифа основания” ЕС.

В (Европейский) день памяти Холокоста цыган 2 августа европейские институты и политические партии ЕП также проводят церемонии памяти и распространяют информационные материалы о Холокосте, но с большим акцентом на участь в нём цыган (Рома)⁴²⁶.

В (Европейский) день памяти жертв сталинизма и нацизма 23 августа европейские институты и политические партии ЕП также проводят церемонии памяти и распространяют информационные материалы о преступлениях всех тоталитарных и авторитарных режимов в Европе с акцентом на те, что были совершены нацистской Германией и СССР в ходе Второй мировой войны⁴²⁷.

of a European Day of Remembrance for the Righteous [Электронный ресурс] // EUR-Lex, 2012. – URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/HR/TXT/?uri=CELEX:52012XP0205> (дата обращения: 20.05.2020)

⁴²⁴ International Holocaust Remembrance Alliance. Committee on the Genocide of the Roma. Roma Genocide: Overview of international organisations working on historical and contemporary issues [Электронный ресурс] // International Holocaust Remembrance Alliance, 2015. – 37 p. – URL: <https://www.holocaustremembrance.com/sites/default/files/overview.pdf> (дата обращения: 20.05.2020), P. 9

⁴²⁵ Party of European Socialists. As we celebrate... [Электронный ресурс] // Official Twitter account of Party of European Socialists, 2019. – URL: https://twitter.com/PES_PSE/status/993428336360722433 (дата обращения: 20.05.2020)

⁴²⁶ European Commission. COMMISSION STAFF WORKING DOCUMENT on the Application of the EU Charter of Fundamental Rights in 2016 [Электронный ресурс] // Council of the European Union, 2017. – 117 p. – URL: <http://data.consilium.europa.eu/doc/document/ST-9511-2017-ADD-1/en/pdf> (дата обращения: 20.05.2020), P. 59; European Commission – Statement. Roma Holocaust Memorial Day: Statement by First Vice-President Timmermans and Commissioner Jourová on 31 July 2015 [Электронный ресурс] // European Commission, 2015. – URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/STATEMENT_15_5444 (дата обращения: 20.05.2020)

⁴²⁷ European Commission. Statement by First Vice-President Timmermans and Commissioner Jourová ahead of the Europe-Wide Day of Remembrance for the victims of all totalitarian and authoritarian regimes on 22 August 2019. [Электронный ресурс] // European Commission, 2019. – URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/statement_19_5411 (дата обращения: 20.05.2020)

В церемониях памяти и прочих коммеморациях участвуют, в т.ч. с выступлениями, представители институтов ЕС, дипломатического корпуса и политической элиты, привлекаются выжившие жертвы Холокоста, представители международных организаций, в частности тех, что представляют определённые меньшинства на европейском, государственном, региональном или локальном уровне: национальные меньшинства (чаще всего евреи, цыгане), ЛГБТ, лица с особенностями физического и психического развития. Чаще всего проводят в эти дни в ЕП под патронатом его председателя памятные мероприятия и принимают участие в них еврейские организации, деятельностью которых традиционно является борьба с ревизионизмом Холокоста (например, Европейский еврейский конгресс (ЕЕК)⁴²⁸) а также музеи Холокоста, в частности израильский музей “Яд Вашем”. Также на церемониях выступают свидетели событий Холокоста, в частности узники и узницы нацистских концлагерей⁴²⁹.

Часто в обозначенные годовщины, при сотрудничестве с институтами ЕС или просто в их поддержку, европейская общественность организует мероприятия, создаёт и демонстрирует произведения культуры, подписывает и оглашает разного рода заявления в странах-членах ЕС⁴³⁰.

Большая часть вопросов политики памяти о Второй мировой войне в ЕС регулируется его “мягким правом”, по совместительству оно само по себе зачастую является “местом памяти”, содержащим исторический нарратив Европейского союза о Второй мировой войне. Инструменты “мягкого права” преимущественно представлены актовыми документами: декларациями и резолюциями ЕП и резолюциями и выводами Совета ЕС. Обычно в таких документах обозначается, каким должен быть исторический нарратив Европейского союза о Второй мировой войне, что из себя должны представлять коммеморации Второй мировой войны (в частности предлагаются конкретные меры в сфере культуры, образования, права и международного гуманитарного сотрудничества), предлагаются годовщины, связанные со Второй мировой войной.

“Мягкое” право ЕС выступает как средство когнитивной мобилизации, определения ценностей и политических целей Европейского союза и играет большую роль

⁴²⁸ РИА Новости. В Европарламенте пройдет вечер памяти жертв Холокоста [Электронный ресурс] // РИА Новости, 2017. – URL: <https://ria.ru/religion/20170125/1486408606.html> (дата обращения: 20.05.2020)

⁴²⁹ Горин, Б. Европарламент провел церемонию памяти жертв Катастрофы [Электронный ресурс] // Лехаим, 2019. – URL: <https://lechainim.im/events/evroparlament-provel-tseremoniyu-pamyati-zhertv-katastrofy/> (дата обращения: 20.05.2020)

⁴³⁰ The International Raoul Wallenberg Foundation. March 6th, European Day of the Righteous [Электронный ресурс] // The International Raoul Wallenberg Foundation, 2014. – URL: <https://www.raoulwallenberg.net/saviors/march-6th-european-day-of-the-righteous/> (дата обращения: 20.05.2020)

в последующей разработке и реализации программ ЕС, рамочных программ исследований ЕС, инициатив ЕП, публикации ЕК образовательно-просветительских материалов.

Наиболее ранние упоминания Второй мировой войны в “мягком праве” ЕС относятся ещё к началу 1980-х гг. В 1983 г. ЕП принял резолюцию в отношении стран Балтии⁴³¹, в которой признавал что «оккупация этих бывших независимых и нейтральных государств [Эстонии, Латвии и Литвы] Советским Союзом произошла в 1940 г. в соответствии с пактом Молотова/Риббентропа» и «восьмилетнюю борьбу и вооруженное сопротивление эстонцев, латышей и литовцев, борющихся за свою свободу, тысячи жертв этой борьбы и 665 000 эстонцев, латышей и литовцев, которые были переселены и перемещены в трудовые лагеря в Сибири советскими правителями с 1940 г.».

В 1993 г. ЕП принял резолюцию о европейском и международном сохранении объектов нацистских концентрационных лагерей в качестве исторических памятников⁴³².

С 1995 года ЕП принимает резолюции⁴³³, в которых обращается внимание на обязанность помнить о Второй мировой войне и Холокосте не только через память, но и через образование. В 1995 г. в своей резолюции он призвал к организации Европейского дня памяти жертв Холокоста во всех государствах-членах⁴³⁴.

В 2002 г. ЕП принял резолюцию о прогрессе, достигнутом каждой из стран-кандидатов в отношении присоединения⁴³⁵, в которой он рекомендовал, чтобы нынешние и будущие государства-члены подписали общую “Европейскую декларацию”, содержащую «взаимное признание и сожаление в отношении преступлений против человечности, зверств и несправедливости, совершенных в ходе и после Второй мировой войны».

В январе 2005 г. ЕП принял резолюцию о памяти о Холокосте, антисемитизме и расизме⁴³⁶, в которой подчеркнул важность памяти о Холокосте, осудил ревизионизм

⁴³¹ European Parliament. European Parliament resolution of 13 January 1983 on the Baltic States [Электронный ресурс] // European Parliament, 1983. – URL: http://www.letton.ch/lvx_eur2.htm (дата обращения: 20.05.2020)

⁴³² European Parliament. European Parliament resolution of 15 March 1993 on European and international protection for Nazi concentration camps as historical monuments [Электронный ресурс] // EUR-Lex, 1993. – URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/ALL/?uri=CELEX%3A51993IP0208> (дата обращения: 20.05.2020)

⁴³³ European Parliament. European Parliament resolution of 3 July 1995 on a day to commemorate the Holocaust [Электронный ресурс] // EUR-Lex, 1995. – URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/HTML/?uri=CELEX:51995IP0866&from=EN> (дата обращения: 20.05.2020)

⁴³⁴ Ibid.

⁴³⁵ European Parliament. European Parliament resolution of 20 November 2002 on the progress made by each of the candidate countries towards accession [Электронный ресурс] // European Parliament, 2002. – URL: <http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?pubRef=-//EP//TEXT+TA+P5-TA-2002-0536+0+DOC+XML+V0//EN&language=EN> (дата обращения: 20.05.2020)

⁴³⁶ European Parliament. European Parliament resolution of 27 January 1995 on remembrance of the Holocaust,

Холокоста, призвал использовать мемориалы Холокоста «в качестве европейских ресурсов, делая образование о Холокосте и европейской гражданственности стандартными элементами в школьных учебных программах на всей территории ЕС» и «с предельной строгостью рассматривать преподавание Второй мировой войны в школьных программах стран-членов» и вновь призвал принять день освобождения концентрационного лагеря Аушвиц 27 января в качестве европейского дня памяти жертв Холокоста по всему ЕС. После этой декларации многие европейские страны признали 27 января Европейским памятным днем. По мнению исследователей, после неё, «принадлежность к сообществу памяти о Холокосте стала частью входного билета в ЕС»⁴³⁷.

В апреле 2005 г. ЕП принял резолюцию о ситуации с цыганами в ЕС⁴³⁸, в которой он подчеркнул важность признания Холокоста Рома и памяти о нём.

В мае 2005 г. ЕП принял резолюцию к шестидесятой годовщине окончания Второй мировой войны в Европе 8 мая 1945 года⁴³⁹, в которой он подчеркнул важность памяти о Холокосте, охарактеризовал освобождение стран ЦВЕ СССР как «возобновление тирании» и призвал к формированию общеевропейской памяти.

В мае 2005 г. ЕП принял резолюцию об отношениях Россия-ЕС⁴⁴⁰, в которой он признал роль СССР в освобождении стран ЦВЕ от нацистской оккупации, но признал с его стороны «огромные лишения и жертвы оккупации и последующую аннексию и тиранию», призвав Россию к примирению в сфере памяти о Второй мировой войне.

В 2008 г. ЕП принял декларацию о провозглашении 23 августа Европейским днем памяти жертв сталинизма и нацизма⁴⁴¹. В ней он предложил признать 23 августа

anti-semitism and racism [Электронный ресурс] // European Parliament, 1995. – URL: <http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?pubRef=-//EP//TEXT+TA+P6-TA-2005-0018+0+DOC+XML+V0//EN&language=EN> (дата обращения: 20.05.2020)

⁴³⁷ Ассман А. Указ. соч., 2017

⁴³⁸ European Parliament. European Parliament resolution of 28 April 2005 on the situation of the Roma in the European Union [Электронный ресурс] // European Parliament, 2005. – URL: <http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?pubRef=-//EP//TEXT+TA+P6-TA-2005-0151+0+DOC+XML+V0//EN&language=EN> (дата обращения: 20.05.2020)

⁴³⁹ European Parliament. European Parliament resolution of 12 May 2005 on the sixtieth anniversary of the end of the Second World War in Europe on 8 May 1945 [Электронный ресурс] // European Parliament, 2005. – URL: <http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?pubRef=-//EP//TEXT+TA+P6-TA-2005-0180+0+DOC+XML+V0//EN&language=EN> (дата обращения: 20.05.2020)

⁴⁴⁰ European Parliament. European Parliament resolution of 26 May 2005 on EU-Russia relations [Электронный ресурс] // European Parliament, 2005. – URL: <http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?pubRef=-//EP//TEXT+TA+P6-TA-2005-0207+0+DOC+XML+V0//EN&language=EN> (дата обращения: 20.05.2020)

⁴⁴¹ European Parliament. Declaration of the European Parliament of 23 September 2008 on the proclamation of 23 August as European Day of Remembrance for Victims of Stalinism and Nazism [Электронный ресурс] // European Parliament, 2008. – URL: <http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?type=TA&reference=P6-TA-2008->

Европейским днем памяти жертв сталинизма и нацизма, признал, что «пакт Молотова-Риббентропа от 23 августа 1939 года между Советским Союзом и Германией разделил Европу на две сферы интересов посредством секретных дополнительных протоколов» и что «массовые депортации, убийства и порабощения, совершенные в контексте актов агрессии сталинизма и нацизма», значительная часть эпизодов которых выпала на Вторую мировую войну, являются военными преступлениями и преступлениями против человечности.

В апреле 2009 г. ЕП принял резолюцию о европейской совести и тоталитаризме⁴⁴². В ней он осудил тоталитарные преступления и призвал повысить осведомлённость общественности о тоталитарных преступлениях. Он воздал должное тем, «кто боролся против тирании и угнетения», что можно истолковать как реабилитацию не только антинацистских, но и антисоветских сил, действовавших в период Второй мировой войны. ЕП также призвал к созданию Платформы европейской памяти и совести как коалиции учреждений и организаций, специализирующихся на исследовании истории тоталитаризма, общеевропейского центра документации или мемориала для жертв всех тоталитарных режимов и поддержать и защищать НПО в странах мира, которые занимаются освещением преступлений сталинизма, среди которых «Мемориал» в Российской Федерации.

В июне 2009 г. Совет ЕС принял выводы о Европейской совести и тоталитаризме⁴⁴³, в которой он подчеркнул важность памяти о преступлениях тоталитарных режимов, поддержал призыв ЕП к созданию Платформы европейской памяти и совести и предложил ЕК в полной мере использовать все существующие финансовые инструменты, в том числе программу «Европа для граждан» для достижения прогресса в этой сфере.

В июне 2011 г. Совет ЕС принял выводы о памяти о преступлениях, совершённых тоталитарными режимами в Европе⁴⁴⁴, в которой он выразил сожаление о всех

0439&language=EN (дата обращения: 20.05.2020)

⁴⁴² European Parliament. European Parliament resolution of 2 April 2009 on European conscience and totalitarianism [Электронный ресурс] // European Parliament, 2009. – URL: <http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?pubRef=-//EP//TEXT+TA+P6-TA-2009-0213+0+DOC+XML+V0//EN&language=EN> (дата обращения: 20.05.2020)

⁴⁴³ Council of the European Union. 2950th Council meeting General Affairs and External Relations General Affairs Luxembourg, 15 June 2009 [Электронный ресурс] // European Commission, 2009. – URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/PRES_09_173 (дата обращения: 20.05.2020)

⁴⁴⁴ Council of the European Union. Council Conclusions on the Memory of the Crimes Committed by Totalitarian Regimes in Europe, 9-10 June 2011 [Электронный ресурс] // Council of the European Union, 2011. – URL: http://www.consilium.europa.eu/uedocs/cms_data/docs/pressdata/en/jha/122521.pdf (дата обращения: 20.05.2020)

преступлениях геноцида, преступлениях против человечности и военных преступлениях, в том числе совершенных тоталитарными режимами и подчеркнул роль ЕС в памяти об этих преступлениях, призвал ЕК обратить внимание на вопросы участия малых организаций, в т.ч. из стран Восточного партнёрства и России, в программах финансирования ЕС в сфере памяти, призвал ЕК исследовать возможность исследований и грантов, посвящённых памяти о тоталитарных режимах, призвал все заинтересованные стороны к организации Платформы европейской памяти и совести.

В августе 2011 г. Совет ЕС принял декларацию по случаю Европейского дня памяти жертв тоталитарных режимов⁴⁴⁵, в которой осудил Холокост и прочие преступления тоталитарных режимов, подчеркнул важность памяти для понимания современной Европы, призвал Совет ЕС и ЕК поддержать НГО, занимающихся вопросами памяти о преступлениях тоталитарных режимов, в том числе из стран Восточного Партнёрства.

В 2012 г. ЕП принял декларацию, в которой объявил день освобождения концентрационного лагеря Аушвиц 6 марта европейским днем памяти Праведников народов мира⁴⁴⁶. Характерно упоминание в декларации упоминание «тех, кто сохранил человеческое достоинство во времена нацизма и коммунистического тоталитаризма», что вновь подтверждает существование курса на уравнивание нацистского и советского режимов и их роли во Второй мировой войне в европейской политике памяти.

В 2015 г. ЕП принял резолюцию по случаю Международного дня цыган⁴⁴⁷, в которой торжественно признал “исторический факт геноцида цыган, имевшего место во время Второй мировой войны” и призвал страны-члены ЕС также признать его, а также призвал посвятить 2 августа памяти жертв геноцида цыган во время Второй мировой войны как Европейский день памяти жертв Холокоста цыган.

В 2018 г. ЕП принял резолюцию о росте неонацистского насилия в Европе⁴⁴⁸, в которой призвал бороться с отрицанием Холокоста, в том числе с “тривиализацией и

⁴⁴⁵ Council of the European Union. Warsaw Declaration of 23 August 2011 on the Occasion of the European Day of Remembrance for Victims of Totalitarian Regimes [Электронный ресурс] // Instytut Pamięci Narodowej, 2011. – URL: <http://www.ipn.gov.pl/download.php?s=2&id=1175> (дата обращения: 20.05.2020)

⁴⁴⁶ European Parliament. Declaration of the European Parliament of 10 May 2012 on support for the establishment of a European Day of Remembrance for the Righteous [Электронный ресурс] // EUR-Lex, 2012. – URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/HR/TXT/?uri=CELEX:52012XP0205> (дата обращения: 20.05.2020)

⁴⁴⁷ European Parliament. European Parliament resolution of 15 April 2015 on the occasion of International Roma Day – anti-Gypsyism in Europe and EU recognition of the memorial day of the Roma genocide during World War II [Электронный ресурс] // EUR-Lex, 2015. – URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:52015IP0095&from=EN> (дата обращения: 20.05.2020)

⁴⁴⁸ European Parliament. European Parliament resolution of 25 October 2018 on the rise of neo-fascist violence in

минимизацией преступлений нацистов и их пособников” и призвал к “общей культуре памяти, которая отвергает фашистские преступления прошлого”.

В 2019 г. ЕП принял резолюцию о важности европейской памяти для будущего Европы⁴⁴⁹. В ней он подтвердил оценку пакта Молотова-Риббентропа за 2008 г., добавив, что СССР и Германия разделяли цель завоевания мира, а Пакт проложил путь к началу Второй мировой войны, его прямым следствием были раздел Польши СССР и Германией, война СССР и Финляндии, аннексия стран Балтии и румынской Бессарабии СССР, призвал к «проведению моральных оценок и проведению юридических расследований преступлений сталинизма и других диктатур». Также ЕП призвал к формированию в ЕС общей культуры памяти, основанной на отвержении преступлений «фашистских, сталинских и других тоталитарных и авторитарных режимов прошлого» и выразил обеспокоенность ревизионизмом истории в РФ, оценивая его как «компонент информационной войны против демократической Европы, направленной на разделение Европы». Исследователи расценили эту резолюцию как одно из наиболее ярких проявлений “войн памяти” в Европе по отношению к России в последние годы, поскольку в ней «высказывается недовольство по поводу исторической политики различных стран, но прямо называется только Россия»⁴⁵⁰.

В ряде упомянутых выше декларативных актов упоминаются прочие страны мира, в частности Россия и страны Восточного партнёрства, где в их отношении выдвигаются определённые предложения и требования, выражается одобрение определённых практик их политики памяти или, напротив, недовольство ими. Данные действия становятся возможными благодаря мониторингу институтами ЕС ситуации, связанной с памятью о Второй мировой войне и Холокосте в ЕС и мире, во многом этот мониторинг обеспечивается FRA (ранее - EUMC). В данном случае такие акты относятся также к измерению внешней политики ЕС, выступая как инструменты “войн памяти”. Некоторые декларативные акты могут иметь исключительно внешнее предназначение и чаще всего они связаны с борьбой с ревизионизмом Холокоста в Европе и мире, яркий пример – декларативное осуждение институтами ЕС (в частности Председателем Европейского совета Д. Туском, заместителем председателя ЕК Ф. Тиммермансом и рядом

Europe [Электронный ресурс] // European Parliament, 2018. – URL: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/TA-8-2018-0428_EN.html?redirect (дата обращения: 20.05.2020)

⁴⁴⁹ European Parliament. European Parliament resolution of 18 September 2019 on the importance of European remembrance for the future of Europe [Электронный ресурс] // European Parliament, 2019. – URL: http://www.europarl.europa.eu/doceo/document/RC-9-2019-0097_EN.html (дата обращения: 20.05.2020)

⁴⁵⁰ Miller A. Op. cit.

еврокомиссаров) польского закона о Холокосте (2018)⁴⁵¹. В рамках этого осуждения звучали призывы о том, что Польша, как и прочие страны Восточной Европы, должна признать факт участия своих наций в реализации Холокоста и отказаться от принятия данного закона как “нарушающего ценности Евросоюза”⁴⁵². Также институты ЕС неоднократно осуждали иранскую политику отрицания Холокоста⁴⁵³.

Таким образом, мы можем говорить о наличии широкого спектра практик политики памяти институтов ЕС о Второй мировой войне, связанных с созданием “мест памяти” и коммеморациями, особенно стороны ЕП и ЕК, пик активности которых пришёлся на 2010-е гг. Постепенно этот спектр, в частности годовщины, расширялся свидетельствуя о трансформациях политики памяти институтов ЕС и актуализации определённых элементов его исторического нарратива, так, значимой стала трагедия Холокоста не только евреев, но и прочих социальных групп, в частности цыган. Мы можем прийти к выводу, что существующие практики политики памяти институтов ЕС о Второй мировой войне, связанные с созданием “мест памяти” и коммеморациями, содержат основные элементы их исторического нарратива о Второй мировой войне, а также обладают большой дискурсивной силой способствуя достижению цели и решению задач политики памяти институтов ЕС о Второй мировой войне и поддерживая эффективность политики памяти институтов ЕС о Второй мировой войне. Значимость создания “мест памяти” и коммемораций как дискурсивных практик в политике памяти институтов ЕС о Второй мировой войне соответствует логике социального конструктивизма в коллективной памяти и политике памяти в постнациях и наднациональных сообществах, а также их институтах и элитах.

4.3. Участие институтов Европейского союза в формировании стандартов проектов коммеморации Второй мировой войны

⁴⁵¹ Сирадзка, М., Барановская, М. Закон о Холокосте: Польша против всех [Электронный ресурс] // Deutsche Welle, 2018. – URL: <https://www.dw.com/ru/закон-о-холокосте-польша-против-всех/a-42519764> (дата обращения: 20.05.2020)

⁴⁵² ТАСС. Еврокомиссар Пьер Московиси надеется, что Польша не примет закон о Холокосте [Электронный ресурс] // ТАСС, 2018. – URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/4929024> (дата обращения: 20.05.2020)

⁴⁵³ Правда.ру. Президент Ирана: холокост — это западный миф [Электронный ресурс] // Правда.ру, 2005. – URL: <https://www.pravda.ru/news/world/15-12-2005/70688-0/> (дата обращения: 20.05.2020)

Эксперты говорят о существовании “высоких стандартов европейской политики памяти”⁴⁵⁴. Одним из средств формирования стандартов коммемораций и образования является публикация справочников и пособий для учителей и государственных служащих. В 2010 г. AFR опубликовало многоязычный справочник для учителей под названием “Экскурс в прошлое - обучение для будущего”⁴⁵⁵, в котором подчеркиваются связь между образованием в области Холокоста и правами человека, а также роль исторических мест и музеев в образовании и памяти. В 2011 г. FRA в сотрудничестве с Европейской комиссией и музеем Яд Вашем представило бета-версию образовательного проекта - онлайн-пособия по основным правам и памяти о Холокосте для преподавателей⁴⁵⁶, в котором предлагается инструментарий проектов и мероприятий для проектов и мероприятий о Холокосте. В 2015 г. FRA в сотрудничестве с Европейской комиссией и Мемориалом Ванзее представило учебный инструментарий по основным правам и памяти жертв Холокоста для государственных служащих, в т.ч. институтов ЕС⁴⁵⁷, в котором предлагается инструментарий для решения проблем основных прав при помощи памяти о Холокосте.

Более масштабным средством реализации направлений европейской политики памяти является грантодательская деятельность. Именно она может реализовать запрос институтов ЕС на проведение образовательных программ и проектов, которые бы транслировали нарратив институтов ЕС о Второй мировой войне - первый вице-президент ЕП М. Макгиннесс подчёркивает: «Необходимо развивать образовательные программы и обучать урокам Холокоста, чтобы то, что произошло более семи десятилетий назад в Европе, больше никогда не повторилось»⁴⁵⁸. Показательным в грантодательской деятельности является то, что почти в любом из конкурсов грантов может принять любая

⁴⁵⁴ European Capital of Culture. European Capital of Culture 2024 in Austria. The Expert Panel's report –Pre-Selection stage [Электронный ресурс] // European Capital of Culture, 2019. – 15 p. – URL: <https://ec.europa.eu/programmes/creative-europe/sites/creative-europe/files/library/ecoc-2024-austria-preselection.pdf> (дата обращения: 20.05.2020), P. 6

⁴⁵⁵ European Parliament. The European Union and Holocaust remembrance [Электронный ресурс] // European Parliament, 2020. – 6 p. – URL: [http://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2018/614662/EPRS_BRI\(2018\)614662_EN.pdf](http://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2018/614662/EPRS_BRI(2018)614662_EN.pdf) (дата обращения: 20.05.2020), P. 4; European Union Agency for Fundamental Rights. Excursion to the past – teaching for the future: Handbook for teachers, 2010. – 52 pp. [Электронный ресурс]. – URL: https://fra.europa.eu/sites/default/files/fra_uploads/1218-Handbook-teachers-holocaust-education_EN.pdf (дата обращения: 20.05.2020)

⁴⁵⁶ European Union Agency for Fundamental Rights. Toolkit on the Holocaust and Human Rights Education in the EU [Электронный ресурс]. – URL: <https://fra.europa.eu/fraWebsite/toolkit-holocaust-education/index.htm> (дата обращения: 20.05.2020)

⁴⁵⁷ European Union Agency for Fundamental Rights. Fundamental Rights and Holocaust remembrance [Электронный ресурс] // European Union Agency for Fundamental Rights, 2015. – URL: <https://fra.europa.eu/en/news/2015/fundamental-rights-and-holocaust-remembrance> (дата обращения: 20.05.2020)

⁴⁵⁸ Коробов, П. В Европарламенте помолвились о жертвах холокоста [Электронный ресурс] // Коммерсантъ, 2018. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3528720> (дата обращения: 20.05.2020)

европейская страна (точнее, её организация или учебное заведение), а не только страна-член ЕС, таким образом, политика памяти европейских институтов становится всецело европейским или даже общемировым феноменом. Многие организации и учебные заведения побеждают в конкурсах многократно становясь, по сути, долгосрочными партнёрами институтов ЕС и получая большие возможности для развития, яркий пример – EHRI, получающая поддержку от ЕК с 2010 г. Средствами политики памяти ЕС в такой деятельности являются не только выдвигаемые стандарты конкурсов, но и внутренние мероприятия, присутствующие почти в каждом конкурсе – разного рода семинары и тренинги для организаций-победителей конкурсов, где институты ЕС и еврократы также могут транслировать своё видение исторического нарратива и политики памяти.

С 1985 г. Европейская комиссия выступает учредителем конкурса Европейская Культурная Столица (European Capital of Culture). Города-победители конкурса должны проводить культурные мероприятия панъевропейской ориентации, к их разработке привлекаются как европейские, так и зарубежные эксперты. С 2021 г. в празднованиях будут участвовать страны-кандидаты или потенциальные кандидаты на членство в ЕС, таким образом, европейская политика памяти ещё сильнее выйдет за пределы одних лишь стран-членов. Панельная группа при поддержке Европейской комиссии в течение четырех лет оказывает поддержку европейским культурным столицам путем предоставления консультаций и рекомендаций, также европейская культурная столица получает грант в 1,5 млн. евро через программу ЕС “Креативная Европа” (“Creative Europe”), невыполнение рекомендации панельной группы снижает возможность получения гранта. Среди рекомендаций панельной группы городам-участникам указывается, что “проекты, связанные с трудными моментами в прошлом (особенно во время Второй мировой войны), должны разрабатываться на основе самых высоких европейских стандартов политики памяти [...] с привлечением непосредственно связанных с этим знаний из [страны города-участника] и за рубежом”⁴⁵⁹. Данную рекомендацию можно трактовать, как необходимость не противоречить традиционному западноевропейскому нарративу Второй мировой войны, в котором наибольшее внимание уделяется Холокосту. Если пособие для участников 2007-2016 гг.⁴⁶⁰ не содержит рекомендаций, посвящённых

⁴⁵⁹ European Capital of Culture. European Capital of Culture 2024 in Austria. The Expert Panel's report –Pre-Selection stage [Электронный ресурс] // European Capital of Culture, 2019. – 15 p. – URL: <https://ec.europa.eu/programmes/creative-europe/sites/creative-europe/files/library/ecoc-2024-austria-preselection.pdf> (дата обращения: 20.05.2020), P. 6

⁴⁶⁰ European Capital of Culture. Compendium of recommendations from ex-post evaluations of European Capitals of Culture 2007-2016 [Электронный ресурс] // European Capital of Culture, 2018. – 14 p. – URL:

коммеморациям любого рода, то пособие для участников 2020-2033 гг.⁴⁶¹ содержит рекомендацию городам “сделать вызов самим себе”, “исследовать открыто и критично городскую историю, включая её тёмную сторону”, а в качестве успешных примеров приводится победитель 2009 г., австрийский Линц, посвятивший мероприятия коммеморации своего нацистского периода (значительная часть мероприятий была посвящена коммеморации трагедии концлагеря Маутхаузена, располагавшегося близ города в 1938-1945 гг.) и победитель 2014 г., латвийская Рига, посвятившая мероприятия коммеморации “нацистской и советской оккупации”. Пример Линца оценён Генеральным директором по образованию и культуре как “смирение со своим прошлым в нацистскую эпоху”⁴⁶². Данную рекомендацию можно трактовать как предложение для значительной части городов континентальной Европы обратить внимание на преступления тоталитарных режимов в них, особенно совершенные в годы Второй мировой войны, которые однозначно можно трактовать как наиболее “тёмные” события в их истории. Присуждение победы Риге с её комплексом мероприятий в 2014 г. является свидетельством признания ЕС равенства преступлений советского и нацистского режимов в годы Второй мировой войны.

В 2007 г. Erasmus+ запустил программу Europe for Citizens (2007-2013; 2014-2020)⁴⁶³, реализуемую ЕАСЕА⁴⁶⁴. Среди целей программы упоминается “способствовать пониманию гражданами ЕС, его истории и разнообразия”, а в качестве требования к проектам указано “повысить осведомленность о памяти, общей истории и ценностях ЕС”⁴⁶⁵. В рамках программы выдаётся проектный грант Europe for Citizens Operating Grant. Ещё в 2005 г. некоторые европарламентарии, в первую очередь из ALDE, предлагали

https://ec.europa.eu/programmes/creative-europe/sites/creative-europe/files/files/ecoc-compendium-recommendations_en.pdf (дата обращения: 20.05.2020)

⁴⁶¹ European Commission. Directorate-General for Education, Youth, Sport and Culture. European Capitals of Culture 2020 to 2033. A guide for cities preparing to bid [Электронный ресурс] // European Commission, 2017. – 34 p. – URL: https://ec.europa.eu/programmes/creative-europe/sites/creative-europe/files/capitals-culture-candidates-guide_en_vdec17.pdf (дата обращения: 20.05.2020), P. 12

⁴⁶² European Capital of Culture. Summary of the European Commission conference “Celebrating 25 years of European Capitals of Culture”, Brussels, 23-24 March 2010 [Электронный ресурс] // 29. European Capital of Culture, 2010. – 16 p. – URL: https://ec.europa.eu/programmes/creative-europe/sites/creative-europe/files/library/capitals-culture-25-years-conclusions_en.pdf (дата обращения: 20.05.2020), P. 8

⁴⁶³ Council of the European Union. Council Regulation (EU) No 390/2014 of 14 April 2014 establishing the ‘Europe for Citizens’ programme for the period 2014-2020 [Электронный ресурс] // EUR-Lex, 2014. – URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=OJ%3AJOL_2014_115_R_0002&qid=1398334046443 (дата обращения: 20.05.2020)

⁴⁶⁴ European Commission. Education, Audiovisual and Culture Executive Agency. Europe for Citizens [Электронный ресурс]. – URL: https://eacea.ec.europa.eu/europe-for-citizens_en (дата обращения: 20.05.2020)

⁴⁶⁵ European Commission. Education, Audiovisual and Culture Executive Agency. Europe for Citizens. Europe for Citizens - European remembrance [Электронный ресурс]. – URL: https://eacea.ec.europa.eu/europe-for-citizens/strands/european-remembrance_en (дата обращения: 20.05.2020)

включить в программу направление, посвященное коллективной памяти - оказание поддержки мемориалам жертвам нацистского и сталинского режимов. Это предложение вызвало бурную дискуссию в ЕП, когда некоторые европарламентарии настаивали на аналогичной поддержке памятников других европейских диктатур, но в конечном итоге идея была отвергнута⁴⁶⁶.

Направление программы, посвящённое европейской коллективной памяти, возникло в 2014 г. и называется “Европейская память” (European remembrance), приоритет которого – “коммеморация основных исторических поворотных моментах в новейшей европейской истории”⁴⁶⁷. В рамках этого направления финансируется 20 % проектов программы⁴⁶⁸, нельзя сказать, что это направление основной приоритет программы, т.к. число профинансированных проектов по городам-побратимам в разы больше⁴⁶⁹. Направление уделяет особое внимание отражению роли тоталитарных режимов и активности гражданского общества в их условиях, а также “извлечению уроков для сегодняшнего дня” из антисемитизма, антигипсизма, ксенофобии, гомофобии и прочих форм нетолерантности. Говоря о проектах в этом направлении ЕК уделяет особое внимание тем, которые “стремятся сохранить память о жертвах при нацизме и сталинизме”⁴⁷⁰. Среди ключевых событий для коммеморации в 2018-2020 гг. ЕК обозначила начало Второй мировой войны (1938/1939).

В качестве наиболее частых заявителей выступают организации гражданского общества: гражданские ассоциации, фонды и некоммерческие организации (НКО), а также публичные исследовательские организации (think tanks), музеи, архивы, культурные центры и институты, т.е., по сути, институты европейской общественности.

Среди поддержанных проектов, связанных с памятью о Второй мировой войне, числятся европейские симпозиумы, образовательные программы и семинары, фестивали, выставки и воркшопы, в том числе передвижные, фильмы и интернет-проекты⁴⁷¹. Анализ

⁴⁶⁶ Kubosova, L. Parliament approves plan to promote EU citizenship [Электронный ресурс] // EUobserver, 2006. – URL: <https://euobserver.com/social/21320> (дата обращения: 20.05.2020)

⁴⁶⁷ European Commission. Call for proposals — EACEA/33/2017. Europe for Citizens programme 2014-2020, 2017. URL: https://eacea.ec.europa.eu/sites/eacea-site/files/en_4.pdf (дата обращения: 20.05.2020), P.5

⁴⁶⁸ European Commission. Call for proposals — EACEA/33/2017. Europe for Citizens programme 2014-2020 [Электронный ресурс] // Official Journal of the European Union, 2017, 26 August. – P. 2824-2829. – URL: https://eacea.ec.europa.eu/sites/eacea-site/files/en_4.pdf (дата обращения: 20.05.2020)

⁴⁶⁹ Ibid.

⁴⁷⁰ European Commission. The Citizen’s Effect. 25 features about the Europe for Citizens programme [Электронный ресурс] // European Commission, 2012. – URL: https://ec.europa.eu/citizenship/pdf/citizens_effect_en.pdf (дата обращения: 20.05.2020), P. 5

⁴⁷¹ European Commission. Education, Audiovisual and Culture Executive Agency. Europe for Citizens. Project catalogue [Электронный ресурс]. – URL: <https://ec.europa.eu/programmes/europe-for-citizens/projects/> (дата

названий и описаний проектов позволяет заметить, что наиболее частым нарративом для коммеморации в рамках инициатив о памяти о Второй мировой войне и даже всех инициатив стал Холокост в Европе в годы Второй мировой войны. Часто встречаются проекты коммеморации трагедии отдельных сообществ стран Европы в Холокосте – не только евреев, но и цыган, людей с отклонениями в психике и представителей ЛГБТ, а также героизации Праведников народов мира. Данные проекты соответствуют выработанным ЕК приоритетам “Европейской памяти”, упомянутым выше.

Ряд победивших проектов направлен на формирование целостного общеевропейского исторического нарратива о событиях Второй мировой войны и Холокоста в пределах научного и преподавательского сообществ. Так, проект французской организации Yahad - In Unum (2014) предусматривает проведение международных симпозиумов и семинаров учителей европейской истории.

Ряд победивших проектов направлен преимущественно на молодёжь. Так проект немецкого фонда “Воспоминание” (“Erinnern ermöglichen”) “Помнить для будущего” (“Erinnern für die Zukunft”)⁴⁷² (2014) предусматривает встречу 5 тысяч школьников с выжившими заключёнными Освенцима в мемориале данного концлагеря. Проект нидерландской EuroClio “Замалчивание граждан через цензуру: извлечение уроков из диктаторского и тоталитарного прошлого Европы 20-го века” (2015)⁴⁷³ предусматривает разработку транснациональной группой преподавателей истории проектов для школьников о цензуре тоталитарных и авторитарных режимов (диктатур) в Европе, в т.ч. во время Второй мировой войны (среди которых Нацистская Германия, СССР и Франция Виши).

Исторический нарратив, содержащийся в победивших проектах, можно считать соответствующим нарративу европейских институтов. Несомненно, проекты, не соответствующие таковому, скажем, занимающиеся ревизионизмом Холокоста, реабилитацией нацизма и коллаборационизма, не прошли бы отбор.

Победившие в конкурсе по направлению “European remembrance” проекты чаще всего занимаются коммеморацией следующих исторических нарративов о Второй мировой войне:

обращения: 20.05.2020)

⁴⁷² European Commission. Europe for Citizens programme. Strand 1 - European Remembrance. Selection 2014. List of projects granted [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.ff.umb.sk/app/cmsSiteAttachment.php?ID=2758> (дата обращения: 20.05.2020), P.1

⁴⁷³ EuroClio. Silencing Citizens Through Censorship [Электронный ресурс] // EuroClio. – URL: <https://www.euroclio.eu/project/silencing-citizens-through-censorship/> (дата обращения: 20.05.2020)

1. Тоталитарные и авторитарные режимы Европы, в т.ч. периода Второй мировой войны противостояли гражданским обществам и боролись с ними, в свою очередь, гражданские общества оккупированных Германией и СССР стран Европы и стран-сателлитов Оси противостояли преступлениям нацизма и сталинизма и помогали их жертвам из дискриминированных социальных групп. Так, в проекте австрийской организации STUDIA (2014) подчёркивается роль местного венгерского населения в помощи жертвам Холокоста во время войны.

2. В годы Второй мировой войны гражданское общество оккупированных Германией стран Европы и стран-сателлитов Оси помогало мигрантам.

3. Преступления нацистского и советского режимов в годы войны и после неё были сравнимы по своей жестокости и бесчеловечности. Так, проект эстонского музея генерала Лайдонера (Eesti Sojamuuseum Kindral Laidoneri Muuseum) (2014) посвящён памяти заключённых нацистского и советского режимов, в том числе периода военного времени, в Морской крепости Императора Петра Великого.

Лидерами по происхождению участвовавших и победивших в конкурсе (по направлению “European remembrance”) организаций-участниц являются Венгрия, Словакия, Италия (данная тройка – с почти двукратным опережением), Польша, Германия, Румыния и Франция⁴⁷⁴. Столь активное участие организаций этих в конкурсе не может быть объяснено одними лишь высокими показателями европейской идентичности и сопричастности ЕС (в ряде этих стран, как было обозначено ранее, эти показатели невысоки), а скорее фрагментированностью обществ этих стран, при которой организации меньшинств (в особенности еврейские) стремятся отстаивать и активно проводить свою политику памяти, в т.ч. при помощи европейских грантов. Значительная часть победивших проектов (особенно из стран Восточной Европы) посвящена Холокосту еврейского населения в годы Второй мировой войны.

Для победителей конкурса в данном направлении с 2011 г. организуются коллективные мероприятия, чтобы “поделиться опытом и учиться друг у друга” при содействии Дома Жана Монне, EUROM и EACEA, где европейские институты и ассоциированные с ними организации, несомненно, транслируют свой исторический нарратив, в т.ч. о Второй мировой войне⁴⁷⁵.

⁴⁷⁴ European Commission. Europe for Citizens programme infographics [Электронный ресурс]. – URL: https://ec.europa.eu/info/sites/info/files/infographics_final_04102019.pdf (дата обращения: 20.05.2020)

⁴⁷⁵ European Commission. Migration and Home Affairs. Event "Taking stock of European Memory policies in 2019" [Электронный ресурс] // European Commission, 2019. – URL: <https://ec.europa.eu/home->

В 2011 г. ЕК была представлена программа “Горизонт 2020” (Horizon 2020), подразумевающая объявление конкурсов и предоставление финансовой поддержки участвующим организациям. Одним из направлений деятельности программы является поддержка инклюзивных, инновационных и рефлексивных обществ (inclusive, innovative and reflective Societies). В рамках этого направления реализуется цель “Понимание Европы - содействие европейскому публичному и культурному пространству”⁴⁷⁶, подразумевающая “исследование по такому вопросу как историческая память”⁴⁷⁷ посредством изучения дискурсов о памяти в странах-членах ЕС, в т.ч. их учебных программ, неформального образования и политических и социальных дискурсов.

Среди получателей грантов в рамках “Горизонт 2020” – проекты-победители четырёхгодичной исследовательской программы “Использование прошлого” (“Uses of past”) консорциума Гуманитарные науки в Европейском научном (или исследовательском) пространстве (European Research Area, ERA). Программа посвящена научным аспектам исследований европейской коллективной памяти. В третьем грантовом конкурсе (2016-2019 гг.) гранты, суммарный объём которых составил 22 млн. евро, были выданы 18 исследовательским командам из стран Европы, в том числе не членам ЕС: Норвегии и Швейцарии. Данная программа отличается от иных программ ЕС в сфере политики памяти своей научно-исследовательской направленностью, можно предположить, что её достижения используются для выработки концепции европейской политики памяти как таковой, особенно в ЕК. Среди поддержанных проектов – проект, посвящённый изучению роли бывших нацистских лагерей в послевоенной европейской памяти о тоталитаризме и геноциде и разницей их использования в политике памяти стран Западной и Восточной Европы⁴⁷⁸. Победа данного проекта в грантовом конкурсе подчёркивает актуальность для европейских институтов разницы коллективной памяти Западной и Восточной Европы о Второй мировой войне и стремление её преодолеть.

affairs/news/20191021_event-taking-stock-european-memory-policies-2019_en (дата обращения: 20.05.2020)

⁴⁷⁶ European Commission. Horizon 2020 Work Programme 2016-2017. 13. Europe in a changing world –inclusive, innovative and reflective Societies [Электронный ресурс] // European Commission, 2017. – 139 p. – URL: http://ec.europa.eu/research/participants/data/ref/h2020/wp/2016_2017/main/h2020-wp1617-societies_en.pdf (дата обращения: 20.05.2020), Р. 84

⁴⁷⁷ Европейская Комиссия. Горизонт 2020. Практическое руководство для исследователей из России [Электронный ресурс] // Представительство Европейского Союза в Российской Федерации, 2014. – 39 с. – URL: <http://ncp.tsagi.ru/horizon2020/upload/doc1.pdf> (дата обращения: 20.05.2020), С. 15

⁴⁷⁸ HERA. Accessing Campscapes: Inclusive Strategies for using European Conflicted Heritage Sites [Электронный ресурс]. – URL: <http://heranet.info/projects/hera-2016-uses-of-the-past/accessing-campscapes-inclusive-strategies-for-using-european-conflicted-heritage-sites/> (дата обращения: 20.05.2020)

В конце 2000-х гг. эксперты предлагали расширить роль европейских институтов в создании стандартов коммеморации и поддержки разного рода проектов и инициатив в рамках политики памяти о Второй мировой войне - «нам нужны сотни подобных инициатив, выходящих за рамки и собирающих всю европейскую память»⁴⁷⁹. Одним из ключевых предложений является создание общеевропейского исторического учебника истории, в т.ч. затрагивающего Вторую мировую войну. Б. Геремек пишет: «у нас еще нет книг по истории, представляющих европейскую цивилизацию, которые могли бы обеспечить уровень знаний, общий для всех граждан ЕС»⁴⁸⁰. Также европейскими институтами предлагается обеспечить распространение своей политики памяти, в т.ч. о Второй мировой войне «в СМИ, в кино, в создание исторических памятников в европейских городах и в пропаганду игр об истории»⁴⁸¹. Частично предложения экспертов были реализованы – ЕС действительно стал активно поддерживать “сотни инициатив” в рамках исследовательских программ 2010-х гг.

Таким образом, мы можем говорить о наличии широкого спектра практик политики памяти институтов ЕС о Второй мировой войне, связанных с формированием стандартов проектов коммеморации – созданием пособий для обучения и преподавания и проведением грантовых конкурсов на организацию мероприятий, подразумевающих наличие стандартов соответствия этих мероприятий историческому нарративу институтов ЕС о Второй мировой войне, особенно со стороны Европейской комиссии, пик активности которых пришёлся на 2010-е гг. Мы можем прийти к выводу, что существующие практики политики памяти институтов ЕС о Второй мировой войне, связанные с формированием стандартов проектов коммеморации Второй мировой войны, содержат основные элементы их исторического нарратива о Второй мировой войны и позволяют транслировать исторический нарратив институтов ЕС о Второй мировой войне через европейскую общественность, также обладая значительной дискурсивной силой и способствуя достижению цели и решению задач политики памяти институтов ЕС о Второй мировой войне и поддерживая эффективность политики памяти институтов ЕС о Второй мировой войне. Значимость стандартов коммемораций в политике памяти институтов ЕС о Второй мировой войне как обуславливающих дискурсивные практики европейской общественности соответствует логике социального конструктивизма в коллективной памяти и политике памяти в постнациях и наднациональных сообществах, а также их

⁴⁷⁹ Geremek B. Op. cit. P. 41

⁴⁸⁰ Ibid.

⁴⁸¹ Ibid.

институтах и элитах.

4.4. Участие институтов Европейского союза в формировании “законов памяти” о Второй мировой войне

Интерес представляет роль Европейского союза в формировании законодательства стран Европы, посвящённого криминализации исторического отрицания (criminalizing historical denialism). Специалисты относят деятельность европейских институтов в данном направлении к “международному измерению законов памяти” (противопоставляя национальному измерению), ставя ЕС наравне с Советом Европы, Организацией Объединенных Наций и Комитетом ООН по правам человека⁴⁸².

В ряде стран мира политика памяти о Второй мировой войне регулируются на законодательном уровне. Наиболее распространёнными в мире являются законы о запрете исторического ревизионизма, в первую очередь отрицания Холокоста, значительная часть хроники которого связана с периодом Второй мировой войны и установлением оккупационного режима Германией на территориях Европы. В ряде стран мира приняты законы, предусматривающие ответственность за пересмотр роли страны или национальных сил во Второй мировой войне.

В странах-членах ЕС такое законодательство преимущественно посвящено либо криминализации отрицания Холокоста, в первую очередь в странах Западной Европы, либо криминализации отрицания преступлений против нации, в первую очередь в странах Восточной Европы, как, например, закон о криминализации отрицания преступлений украинских националистов в годы Второй мировой войны в Польше.

На европейском континенте законами в данной сфере в большей степени занимается не ЕС, а Совет Европы (посредством Европейской конвенции о правах человека и Европейского суда по правам человека), деятельность которого в правовых вопросах направлена на модернизацию и гармонизацию национальных законодательств с учетом международных норм и стандартов. Деятельность Совета Европы также могла повлиять на правовую культуру институтов ЕС в данном вопросе.

На момент того, как институты ЕС заинтересовались вопросами правового регулирования памяти о Второй мировой войне, законы против отрицания Холокоста

⁴⁸² MELA. Legal database [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.melaproject.org/legal-database> (дата обращения: 20.05.2020)

существовали в Австрии, Бельгии, Франции, Германии и Испании⁴⁸³, что заложило правовую основу для действий институтов ЕС в этом направлении.

В 1996 г. Совет Европейского союза принял Совместное действие /96/443/ЈНА⁴⁸⁴, касающееся действий по борьбе с расизмом и ксенофобией. Оно предусматривало наказание за публичное отрицание преступлений, упомянутых в Хартии Международного военного (Нюрнбергского) трибунала. В 2001 г. ЕК предложила проект закона о криминализации отрицания Холокоста. Переговоры стран-членов заняли 6 лет и сопровождались спорами: Германия настаивала на криминализации отрицания Холокоста, а страны с либертарианским подходом к свободе слова (Великобритания, Швеция и Дания) настаивали на формулировках, которые бы не ограничили свободу слова, в частности дебаты. В 2007 г. Совет ЕС установил⁴⁸⁵, что отрицание преступлений, определённых решениями Нюрнбергского трибунала, должно быть уголовно наказуемым в виде лишения свободы на срок от 1 до 3 лет. Решение содержало ремарку, что наказуемым должно быть отрицание преступлений, совершённых на почве расизма и ксенофобии и что решение не распространяется на политические репрессии тоталитарных режимов, хотя Совет сожалеет о них.

Эксперты признают актуальным вопрос действий ЕС в отношении наследия советской оккупации и сталинизма в центральной и восточной Европе, в т.ч. их установления в ходе событий периода Второй мировой войны⁴⁸⁶. Можно ожидать принятия решений на уровне ЕС о введении уголовного наказания за отрицание преступлений советского режима в Европе, в особенности совершённых в период Второй мировой войны, однако, несомненно, принятие такого решения будет подвержено фактору внешнего влияния – Россия может осудить данный шаг и принять дипломатические меры, которые будут более серьёзными, чем при реакции на резолюции ЕП, осуждающие советские военные и специальные операции как военные преступления и

⁴⁸³ Bilefsky, D. EU adopts measure outlawing Holocaust denial [Электронный ресурс] // The New York Times, 2007. – URL: https://www.nytimes.com/2007/04/19/world/europe/19iht-cu.4.5359640.html?_r=1 (дата обращения: 20.05.2020)

⁴⁸⁴ Council of the European Union. Joint Action of 15 July 1996 adopted by the Council on the basis of Article K.3 of the Treaty on European Union, concerning action to combat racism and xenophobia [Электронный ресурс] // EUR-Lex, 1996. – URL: <https://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=CELEX:31996F0443:EN:HTML> (дата обращения: 20.05.2020)

⁴⁸⁵ Council of the European Union. Framework decision on Racism and Xenophobia, Luxembourg, 19 April 2007. 8665/07 (Presse 84) [Электронный ресурс] // Council of the European Union, 2007. – URL: https://www.consilium.europa.eu/ueDocs/cms_Data/docs/pressData/en/misc/93739.pdf (дата обращения: 20.05.2020)

⁴⁸⁶ Baranowska, G., Wójcik, A. In defence of Europe's memory laws [Электронный ресурс] / G. Baranowska, A. Wójcik // Eurozine, 2017. – URL: <https://www.eurozine.com/in-defence-of-europes-memory-laws/>

внешнеполитические действия как нарушения международного права периода Второй мировой войны наравне с нацистскими.

Таким образом, мы можем говорить о наличии практик политики памяти институтов ЕС о Второй мировой войне, связанных с формированием “законов памяти”, подразумевающих наличие борьбы с отдельными элементами исторических нарративов, не соответствующих определённым элементам исторического нарратива институтов ЕС о Второй мировой войне, особенно со стороны ЕК и Совета ЕС, пик активности которых пришёлся на 1990-2000-е гг. После 2000-х гг. новые “законы памяти” на уровне ЕС не были приняты, что может говорить о том, что для институтов ЕС в 2010-е гг. актуализировались иные формы политики памяти. Мы можем прийти к выводу, что существующие практики политики памяти институтов ЕС о Второй мировой войне, связанные с формированием “законов памяти”, содержат основные элементы их исторического нарратива о Второй мировой войне и позволяют транслировать исторический нарратив институтов ЕС о Второй мировой войне через законодательство и юридические практики стран-членов ЕС, способствуя достижению цели и решению задач политики памяти институтов ЕС о Второй мировой войне и поддерживая эффективность политики памяти институтов ЕС о Второй мировой войне. Значимость “законов памяти” в политике памяти институтов ЕС о Второй мировой войне как ограничивающих дискурсивные практики отдельных граждан и социальных групп стран-членов ЕС и европейской общественности соответствует логике социального конструктивизма в коллективной памяти и политике памяти в постнациях и наднациональных сообществах, а также их институтах и элитах.

Заключение

Политика памяти Европейского союза о Второй мировой войне наглядно демонстрирует актуальность памяти о Второй мировой войне в современном мире и возможность её использования как политического инструмента. Институты Европейского союза являются значимыми акторами политики памяти о Второй мировой войне в современном европейском пространстве памяти и даже в мире распространяя её за пределы Европейского союза и участвуя в “войнах памяти”. Для институтов Европейского союза политика памяти, в т.ч. о Второй мировой войне – важный ресурс политики идентичности, символической политики и политики европеизации. Нельзя сказать, что на текущий день она достигла своей цели и решила поставленные задачи, но она сыграла большую роль в складывании европейской идентичности и существующей социально-политической реальности в Европейском союзе и его странах-членах.

На сегодняшний день мы не можем говорить о каком-либо общеевропейском консенсусе относительно памяти о Второй мировой войне, однако можно признать, что таковой сложился в среде европейской общественности, еврократов и институтов ЕС. Еврократы и институты Европейского союза при содействии европейской общественности прикладывают существенные усилия к складыванию такого консенсуса посредством множества практик политики памяти и формирования такого исторического нарратива, который не встретил бы не натолкнулся с серьёзными противоречиями нарративов европейской общественности и стран Западной и Восточной Европы.

Основными институтами Европейского союза, задействованными в политике памяти о Второй мировой войне, являются Европейский парламент, Европейская комиссия и Совет Европейского союза при значительном участии агентств Европейского союза и ассоциированных с этими институтами организаций, фондов и музеев. В обозначенных институтах, за исключением Совета Европейского союза, большую роль играют еврократы с развитой европейской идентичностью. Большое влияние на эти институты, за исключением Совета Европейского союза, играют организации европейской общественности и меньшинств.

Мы можем говорить о наличии на сегодняшний день устоявшихся рамок нарратива стран Западной Европы, стран Восточной Европы, европейской общественности и еврократов и институтов Европейского союза о Второй мировой войне. Нарратив еврократов и институтов Европейского союза не является доминирующим в европейском

пространстве памяти о Второй мировой войне, в странах-членах Европейского союза господствуют национальные нарративы, которые можно классифицировать как западноевропейские и восточноевропейские. Определённая трансформация факторов, обуславливающих эффективность политики памяти институтов Европейского союза о Второй мировой войне, может обеспечить её нарративу более значимое положение, но вряд ли доминирующее из-за общей неустойчивости наднациональных рамок памяти. Вряд ли этот нарратив подвергнется существенным трансформациям в ближайшие годы ввиду малой вероятности значительной трансформации Европейского союза как сообщества.

Цель и задачи политики памяти институтов Европейского союза о Второй мировой войне обусловлены актуальными проблемами и запросами Европейского союза и связаны с трансформациями идентичности, интересов и дискурса её объектов. Достижение этой цели и решение этих задач также будет способствовать повышению эффективности политики памяти институтов Европейского союза о Второй мировой войне.

Ключевые внутри- и внешнеполитических факторы политики памяти институтов Европейского союза о Второй мировой войне, обуславливающие характер её исторического нарратива, её ключевые практики и её эффективность обычно являются социально-политическими и социально-психологическими, связанными с идентичностью, интересами и дискурсом объектов и субъектов политики памяти институтов Европейского союза о Второй мировой войне. Стимуляция позитивных факторов, в первую очередь формирование европейской идентичности, преодоление национальных исторических травм, формирование национальных памятей, чей нарратив не противоречит нарративу институтов Европейского союза, будет способствовать повышению эффективности политики памяти институтов Европейского союза о Второй мировой войне и достижению её цели и решения поставленных задач.

Основные проявления политики памяти институтов Европейского союза о Второй мировой войне в направлениях политики Европейского союза охватывают значительную часть направлений политики ЕС, особенно связанных со взаимодействием с обществом, гражданами ЕС, отдельными социальными группами, подразумевающим некие дискурсивные и культурные практики. Расширение числа этих направлений, увеличение финансирования деятельности, связанной с политикой памяти, в их рамках, а также совершенствование конкретных мер такой деятельности также будет способствовать

повышению эффективности политики памяти институтов Европейского союза о Второй мировой войне и достижению её цели и решения поставленных задач.

Опыт политики памяти Европейского союза свидетельствует о возможности достижения цели и решения задач этой политики, многие из которых в современном мире, особенно касающиеся борьбы с политическим радикализмом, развития гражданского общества и повышения легитимности политических институтов, в той или иной форме актуальны и для прочих наднациональных объединений и государств. Также он наглядно демонстрирует как можно эффективно проводить политику памяти при наличии “проблемного прошлого”, связанного с авторитарным и тоталитарным наследием, и наличии переплетенных местных, региональных, национальных и наднациональных историй, что крайне актуально для России, имеющей тоталитарное наследие сталинизма и различающиеся нарративы отдельных социальных и этнических групп о Второй мировой войне ввиду их разной роли в ней.

Будущие исследования могут быть посвящены изучению трансформации исторического нарратива институтов Европейского союза о Второй мировой войне, отдельных элементов этого исторического нарратива (памяти о коллаборационизме, движении Сопротивления, положении отдельных социальных групп во Второй мировой войне и пр.), реализации политики памяти институтов Европейского союза о Второй мировой войне в отдельных странах-членах Европейского союза, политики памяти европейских политических партий и их групп в Европейском парламенте о Второй мировой войне, а также перспектив адаптации опыта политики памяти институтов Европейского союза о Второй мировой войне в России.

Список использованной литературы

1. Антипов, А. Возможность формирования европейской нации (постнации) / А. Антипов. // Государство, Общество и Церковь: российская нация и национальное единство: тезисы науч.-практ. конф. с международным участием (29-30 октября 2019 г., Новосибирск) в 2 ч. Ч. 1. / Рос. Акад. нар. хоз-ва и гос. службы при Президенте Рос. Федерации, Сиб. ин-т упр.; ред. Л. В. Савинова. – Новосибирск: Изд-во СибАГС, 2019. – 418 с. - С. 56-60;
2. Ассман А. Длинная тень прошлого. Мемориальная культура и историческая политика/ А. Ассман - М.: Новое лит. обозрение, 2014. – 328 с.;
3. Ассманн, А. Существует ли глобальная память о Холокосте? Расширение и границы нового сообщества памяти [Электронный ресурс] / А. Ассман // Историческая экспертиза. 2017. № 4. - С. 9-30. – URL: https://istorex.ru/page/assmann_a_suschestvuet_li_globalnaya_pamyat_o_holokoste_rasshirenie_i_granitsi_novogo_soobshchestva_pamyati (дата обращения: 20.05.2020);
4. Бодрийяр, Ж. Не жалея Сараево! / Le crime parfait (1995), рус. Перевод А. Качалов 2015 г., — М.: Рипол-классик, 2018. [Электронный ресурс]. – URL: <https://syg.ma/@exsi-exsistencia/zhan-bodriiar-nie-zhaliei-saraievo> (дата обращения: 20.05.2020);
5. Ванагайте, Р. Выступление на третьем заседании Интеллектуального клуба Светланы Алексиевич, 2017. [Электронный ресурс] / Р. Ванагайте // YouTube. – URL: <https://www.youtube.com/watch?v=QFsiKlKCIuM> (дата обращения: 20.05.2020);
6. Гетман, М. Изменения в политике памяти Европейского союза (1970-2009) [Электронный ресурс] / М. Гетман // Вестник Томского государственного университета. История. – 2019. № 60. - С. 106-114. – URL: <http://vital.lib.tsu.ru/vital/access/services/Download/vtls:000666274/SOURCE1?view=true> (дата обращения: 20.05.2020);
7. Гронский, А. О концептах авторитарной и тоталитарной личности [Электронный ресурс] / А. Гронский // Журнал Практической Психологии и Психоанализа, 2018. – URL: <https://psyjournal.ru/articles/o-konceptah-avtoritarnoy-i-totalitarnoy-lichnosti> (дата обращения: 20.05.2020);
8. Ефременко, Д. Историческая память и наднациональная идентичность. Случай Европейского союза [Электронный ресурс] / Д. Ефременко // Методологические

вопросы изучения политики памяти / отв. ред. Миллер А., Ефременко Д. - М.-СПб: Нестор-История, 2018. — 224 с. - С. 110-126. – URL: http://inion.ru/site/assets/files/3626/metodologicheskie_voprosy_izucheniia_politiki_pamiati.pdf (дата обращения: 20.05.2020);

9. Карагезов, Р. Коллективная память и национальная идентичность в эпоху глобализации (на материале эмпирического исследования молодежи Азербайджана) [Электронный ресурс] / Р. Карагезов // Кавказ и глобализация, 2009, Т.3. в. 1., С. 113-124. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kollektivnaya-pamyat-i-natsionalnaya-identichnost-v-epohu-globalizatsii-na-materiale-empiricheskogo-issledovaniya-molodezhi/viewer> (дата обращения: 20.05.2020);

10. Ковальчук, Ю. Усташи никого не убивали – Хорватия чествует новых героев [Электронный ресурс] / Ю. Ковальчук // Балканист, 2019. – URL: <https://balkanist.ru/ustashi-nikogo-ne-ubivali-horvatiya-prazdnuet-novyh-geroev/> (дата обращения: 20.05.2020);

11. Крастев, И. Универсальные ценности и глобальные интересы [Электронный ресурс] / И. Крастев // форум “В поисках утраченного универсализма”, панельная дискуссия “Универсальные ценности и глобальные интересы цивилизации”, 2016. – URL: <http://i.civiceducation.ru/story/31256> (дата обращения: 20.05.2020);

12. Крейцер, А. Л. С. Выготский: знак против символа [Электронный ресурс] / А. Крейцер // Universum: Вестник Герценовского университета, 2011. №11 (97) - С. 79-82. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/l-s-vygotskiy-znak-protiv-simvola> (дата обращения: 20.05.2020);

13. Малышева, Н. Формирование ЕС в политике памяти европейских государств [Электронный ресурс] / Н. Малышева // Дневник алтайской школы политических исследований, 2019. №35. - С. 158-161. – URL: <http://ashpi.asu.ru/ic/?p=17550> (дата обращения: 20.05.2020);

14. Медушевский, Н. Политика памяти в Европейском союзе как инструмент реализации интеграционного процесса [Электронный ресурс] / Н. Медушевский // Власть, 2019. №3. - С. 167-174. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/politika-pamyati-v-evropeyskom-soyuze-kak-instrument-realizatsii-integratsionnogo-protsesssa/viewer> (дата обращения: 20.05.2020);

15. Миллер, А. Коллективная память – одна из опор ЕС? [Электронный ресурс] / А. Миллер // Pro et Contra. – 2012. №1-2. - С. 43-49. – URL: https://carnegieendowment.org/files/ProEtContra_54_43-49.pdf (дата обращения: 20.05.2020);

16. Миллер, А. Политика памяти в посткоммунистической Европе и ее воздействие на европейскую культуру памяти [Электронный ресурс] / А. Миллер // Политика. - 2016. № 1 (80). - С. 111–121. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/politika-pamyati-v-postkommunisticheskoy-evropei-ee-vozdeystvie-na-evropeyskuyu-kulturu>-pamyati/viewer (дата обращения: 20.05.2020);
17. Морозов, В. Понятие государственной идентичности в современном теоретическом дискурсе [Электронный ресурс] / В. Морозов // Международные процессы, Т. 4. № 1(10). Январь-апрель 2006. – С. 82-94. – URL: http://www.perspektivy.info/oykumena/balkan/ponyatie_gosudarstvennoiy_identichnosti_v_sovremennom_teoreticheskom_diskurse_2007-8-11-57-32.htm (дата обращения: 20.05.2020);
18. Морозов, В. Выступление на круглом столе «Какое прошлое нужно будущему России?» на конференции «Пути России — 2017» (МВШСЭН, 25 марта 2017 г.) [Электронный ресурс] / В. Морозов // Историческая экспертиза. 2017. № 3. - С. 86-92. – URL: https://istorex.ru/page/morozov_v_kakoe_proshloe_nuzhno_buduschemu_rossii (дата обращения: 20.05.2020);
19. Нора, П. Всемирное торжество памяти [Электронный ресурс] / П. Нора // Неприкосновенный запас, 2002. – URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/nora22.html> (дата обращения: 20.05.2020);
20. Пиотровский, Ю. “Спор историков ФРГ (1986 г.)”: ключевая дискуссия о нацистском прошлом и немецкой национальной идентичности 1980 - х гг. [Электронный ресурс] / Ю. Пиотровский // “Имба-Читальня” - литературный портал, 2017. – URL: <https://www.chitalnya.ru/work/2084223/> (дата обращения: 20.05.2020);
21. Романова, Т. Институты Европейского союза и процесс принятия политических решений: Учебное пособие / Т. Романова – СПб:СПбГУ, 2018. - 192 с.;
22. Рябов, Д. Политика памяти в формировании европейской идентичности ЕС [Электронный ресурс] / Д. Рябов // PolitBook. - 2016. №4. - С. 65-83. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/politika-pamyati-v-formirovanii-evropeyskoy-identichnosti-es/viewer> (дата обращения: 20.05.2020);
23. Семенов, В. Как уничтожают архивы и почему вся надежда на архивистов-энтузиастов? [Электронный ресурс] В. Семенов // Коммерсантъ, 2017. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3390424> (дата обращения: 20.05.2020);

24. Трухачев, В. Сомнительные “воспоминания” Хорватии [Электронный ресурс] / В. Трухачев // Правда.ру, 2010. – URL: <https://www.pravda.ru/world/1031429-hrvatska/> (дата обращения: 20.05.2020);
25. Улановский, А. Конструктивизм, радикальный конструктивизм, социальный конструктивизм: мир как интерпретация [Электронный ресурс] / А. Улановский // Вопросы психологии. — 2009. — № 2. — С. 35–45. – URL: <https://www.hse.ru/data/272/918/1239/Ulanovsky%20Constructivism,%20radical%20constructivism,%20social%20constructionism.pdf> (дата обращения: 20.05.2020);
26. Федотова, Н. Концепции идентичности в условиях нелинейной социокультурной динамики [Электронный ресурс] / Н. Федотова // Знание. Понимание. Умение. 2013 – № 2. – С. 52-62. – URL: http://www.zpu-journal.ru/zpu/contents/2013/2/Fedotova_Conceptions-Identity-Socio-cultural-Dynamics/9_2013_2.pdf (дата обращения: 20.05.2020);
27. Фромм, Э. Бегство от свободы / Э. Фромм – М.: АСТ, 2006. – 571 с. [Электронный ресурс]. – URL: <http://library.khpg.org/files/docs/1456766557.pdf> (дата обращения: 20.05.2020);
28. Фромм, Э. Иметь или быть / Э. Фромм – М.: АСТ., 2000. - 448 с. [Электронный ресурс]. – URL: https://cpp-p.ru/wp-content/uploads/2015/05/Fromm_E%60rih_Imet_ili_byit.pdf (дата обращения: 20.05.2020);
29. Хальбвакс М. Коллективная и историческая память [Электронный ресурс] / М. Хальбвакс // Горький Медиа – URL: <https://magazines.gorky.media/nz/2005/2/kollektivnaya-i-istoricheskaya-pamyat.html> (дата обращения: 20.05.2020);
30. Цендровский, О. Эпистемология феноменологического конструктивизма: возможности преодоления изъянов классических концепций истины [Электронный ресурс] / О. Цендровский // Философская мысль. – 2014. – № 2. – С. 187-211. – URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=11041 (дата обращения: 20.05.2020);
31. Эппле, Н. Внешняя политика памяти [Электронный ресурс] / Н. Эппле // InLiberty, 2017. – URL: <http://old.inliberty.ru/blog/2546-Vneshnyaya-politika-pamyati> (дата обращения: 20.05.2020);
32. Baranowska, G., Wójcik, A. In defence of Europe’s memory laws [Электронный ресурс] / G. Baranowska, A. Wójcik // Eurozine, 2017. – URL: <https://www.eurozine.com/in-defence-of-europes-memory-laws/>;

33. Calligaro, O. Legitimation Through Remembrance? The Changing Regimes of Historicity of European Integration // *Journal of Contemporary European Studies*. 2015. Vol. 23, № 3. P. 330–343;
34. Droit, E. The Gulag and the Holocaust in Opposition: Official Memories and Memory Cultures in Enlarged Europe // *Vingtieme Siecle. Revue d'histoire*. 2007. No94 (2). P. 101–120;
35. Geremek, B. Common Memory and European Identity [Электронный ресурс] / B. Geremek // *Politics of the Past: The Use and Abuse of History*, 2009. – 253 p. – P. 31-42. – URL: https://www.socialistsanddemocrats.eu/sites/default/files/2856_EN_politics_past_en_090603_1.pdf (дата обращения: 20.05.2020);
36. Kundera, M. The tragedy of central Europe [Электронный ресурс] / M. Kundera // *The New York Review of Books* (pre-1986); Apr 26, 1984; 31, 007; ProQuest Central. - P. 33-38. – URL: https://uol.de/f/3/inst/materiellekultur/ag/migrationgender/download/zu_Annex_3_1_Kundera.pdf (дата обращения: 20.05.2020);
37. Lagrou, P. Memories of totalitarianism. Asymmetry of memory, East & West and the Holocaust // *Memory and Responsibility. The legacy of Jan Karski / E.Smolar* (dir.). Warsaw: Semper Scientific Publishers, 2015. P. 182–192;
38. Littoz-Monnet, A. Explaining Policy Conflict across Institutional Venues: European Union-Level Struggles over the Memory of the Holocaust // *Journal of Common Market Studies*. 2013. Vol. 51, No 3. P. 489–504;
39. Meurs, W. History and Politics: Recommendations from a New Comparative Agenda [Электронный ресурс] / W. Meurs // *Politics of the Past: The Use and Abuse of History*, 2009. – 253 p. – P. 87-95. – URL: https://www.socialistsanddemocrats.eu/sites/default/files/2856_EN_politics_past_en_090603_1.pdf (дата обращения: 20.05.2020);
40. Miller, A. “Ungeschoren wird niemand davonkommen” [Электронный ресурс] / A. Miller // *Welt*, 2020. – URL: https://www.welt.de/print/die_welt/politik/article207799355/Ungeschoren-wird-niemand-davonkommen.html (дата обращения: 20.05.2020);
41. Moreno, L. Scotland, Catalonia, Europeanization and the Moreno question // *Scottish Affairs*. 2006. № 54. P. 1-21;

42. Neumayer, L. Integrating the Central European Past into a Common Narrative: The Mobilizations Around the “Crimes of Communism” in the European Parliament // *Journal of Contemporary European Studies*. 2015. Vol. 23, № 3. P. 344–363;
43. Prutsch, M. European historical memory: policies, challenges and perspectives [Электронный ресурс] / М. Prutsch // European Parliament. Directorate General for Internal Policies. Policy Department B: Structural and Cohesion Policies. Brussels 2015. - 46 p. – URL: http://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/STUD/2015/540364/IPOL_STU%282015%29540364_EN.pdf (дата обращения: 20.05.2020);
44. Pyzik, A. Curating a nation: why the controversy around Gdańsk’s new WW2 museum matters [Электронный ресурс] / А. Pyzik // *The Calvert Journal*, 2017. – URL: <https://www.calvertjournal.com/articles/show/8066/curating-a-nation-controversy-gdansk-ww2-museum> (дата обращения: 20.05.2020);
45. Risse, T. Social Constructivism and European Integration [Электронный ресурс] / Т. Risse // *European Integration Theory*. Oxford University Press: Oxford., 2005. – P. 159-176. – URL: <http://www.academia.edu/download/42828971/Social-Constructivism.pdf> (дата обращения: 20.05.2020);
46. Snyder, T. Poland vs. History [Электронный ресурс] / Т. Snyder // *NYRDaily*, 2016. – URL: <https://www.nybooks.com/daily/2016/05/03/poland-vs-history-museum-gdansk/> (дата обращения: 20.05.2020);
47. Stradling, R. Report on The European Content of the School History Curriculum for Council for Cultural Co-operation / R. Stradling // Council of Europe. Council for Cultural Co-operation. Strasbourg, 1995. - 41 pp. [Электронный ресурс]. – URL: <https://rm.coe.int/CoERMPublicCommonSearchServices/DisplayDCTMContent?documentId=090000168049443a> (дата обращения: 20.05.2020);
48. Traverso, E. ‘Vom kritischen Gebrauch der Erinnerung’ / E. Traverso // *Vom kritischen Gebrauch der Erinnerung* // Т. Flierl, E. Müller (eds). - Berlin: Karl Dietz Verlag, 2009. - P. 27–46;
49. Wæhrens, A. Shared Memories? Politics of Memory and Holocaust Remembrance in the European Parliament 1989-2009 // *DIIS Working Paper*. 2011. Vol. 06. - 24 p.;
50. Wendt, A. *Social Theory of International Politics* / A. Wendt - Cambridge: Cambridge University Press, 1999. - 429 p. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.guillaumenicaise.com/wp-content/uploads/2013/10/Wendt-Social-Theory-of-International-Politics.pdf> (дата обращения: 20.05.2020).

Список использованных источников

1. Ведомости. В Европарламенте почтили память жертв холокоста [Электронный ресурс] // Ведомости, 2018. – URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/news/2018/01/24/748871-holokosta> (дата обращения: 20.05.2020);
2. Виленский, С. Европарламент почтил память жертв Холокоста [Электронный ресурс] // Вести. Израиль по-русски, 2018. – URL: <https://www.vesty.co.il/articles/0,7340,L-5075741,00.html> (дата обращения: 20.05.2020);
3. Горин, Б. Европарламент провел церемонию памяти жертв Катастрофы [Электронный ресурс] // Лехаим, 2019. – URL: <https://lechaim.im/events/evroparlament-provel-tseremoniyu-pamyati-zhertv-katastrofy/> (дата обращения: 20.05.2020);
4. Европейская Комиссия. Горизонт 2020. Практическое руководство для исследователей из России [Электронный ресурс] // Представительство Европейского Союза в Российской Федерации, 2014. – 39 с. – URL: <http://ncp.tsagi.ru/horizon2020/upload/doc1.pdf> (дата обращения: 20.05.2020);
5. Коробов, П. «Борьба с антисемитизмом — это борьба за душу Европы» [Электронный ресурс] // Коммерсантъ, 2017. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3293545> (дата обращения: 20.05.2020);
6. Коробов, П. В Европарламенте помолились о жертвах холокоста [Электронный ресурс] // Коммерсантъ, 2018. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3528720> (дата обращения: 20.05.2020);
7. Корреспондент.нет. В Польше расследуют празднование дня рождения Гитлера [Электронный ресурс] // Корреспондент.нет, 2018. – URL: <https://korrespondent.net/world/3931418-v-polshe-rassleduyut-prazdnovanye-dnia-rozhdeniya-hytlera> (дата обращения: 20.05.2020);
8. МИД России. О ситуации с героизацией нацизма, распространении неонацизма и других видов практики, которые способствуют эскалации современных форм расизма, расовой дискриминации, ксенофобии и связанной с ними нетерпимости. Доклад МИД России, 2019 г. [Электронный ресурс] // МИД России, 2019. – URL: https://www.mid.ru/foreign_policy/humanitarian_cooperation/-/asset_publisher/bB3NYd16mBFC/content/id/3193903#56 (дата обращения: 20.05.2020);

9. Правда.ру. Президент Ирана: холокост — это западный миф [Электронный ресурс] // Правда.ру, 2005. – URL: <https://www.pravda.ru/news/world/15-12-2005/70688-0/> (дата обращения: 20.05.2020);
10. РИА Новости. В Европарламенте пройдет вечер памяти жертв Холокоста [Электронный ресурс] // РИА Новости, 2017. – URL: <https://ria.ru/religion/20170125/1486408606.html> (дата обращения: 20.05.2020);
11. Ройтман, Л. Украинские эсэсовцы в историческом поле [Электронный ресурс] // Радио Свобода, интервью Г. Месежникова, А. Шарыя и А. Стреляного Л. Ройтману, 2002. – URL: <https://www.svoboda.org/a/24202364.html> (дата обращения: 20.05.2020);
12. Сирадзка, М., Барановская, М. Закон о Холокосте: Польша против всех [Электронный ресурс] // Deutsche Welle, 2018. – URL: <https://www.dw.com/ru/закон-о-холокосте-польша-против-всех/a-42519764> (дата обращения: 20.05.2020);
13. ТАСС. Еврокомиссар Пьер Московиси надеется, что Польша не примет закон о Холокосте [Электронный ресурс] // ТАСС, 2018. – URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/4929024> (дата обращения: 20.05.2020);
14. ТАСС. Память жертв Холокоста почтили в Европарламенте [Электронный ресурс] // ТАСС, 2018. – URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/4900089> (дата обращения: 20.05.2020);
15. Bilefsky, D. EU adopts measure outlawing Holocaust denial [Электронный ресурс] // The New York Times, 2007. – URL: https://www.nytimes.com/2007/04/19/world/europe/19iht-eu.4.5359640.html?_r=1 (дата обращения: 20.05.2020);
16. Bulc, V. Today we commemorate... // Official Twitter account of V. Bulc, 2019. [Электронный ресурс]. – URL: https://twitter.com/Bulc_EU/status/1089439424860090368 (дата обращения: 20.05.2020);
17. Copenhagen European Summit. Document on The European Identity published by the Nine Foreign Ministers on 14 December 1973, in Copenhagen [Электронный ресурс] // CVCE.eu, 2013. – URL: https://www.cvce.eu/content/publication/1999/1/1/02798dc9-9c69-4b7d-b2c9-f03a8db7da32/publishable_en.pdf (дата обращения: 20.05.2020);
18. Council of the European Union. 2950th Council meeting General Affairs and External Relations General Affairs Luxembourg, 15 June 2009 [Электронный ресурс] // European Commission, 2009. – URL:

https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/PRES_09_173 (дата обращения: 20.05.2020);

19. Council of the European Union. Council Conclusions on the Memory of the Crimes Committed by Totalitarian Regimes in Europe, 9-10 June 2011 [Электронный ресурс] // Council of the European Union, 2011. – URL: http://www.consilium.europa.eu/uedocs/cms_data/docs/pressdata/en/jha/122521.pdf (дата обращения: 20.05.2020);

20. Council of the European Union. Council Regulation (EU) No 390/2014 of 14 April 2014 establishing the ‘Europe for Citizens’ programme for the period 2014-2020 [Электронный ресурс] // EUR-Lex, 2014. – URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=OJ%3AJOL_2014_115_R_0002&qid=1398334046443 (дата обращения: 20.05.2020);

21. Council of the European Union. Framework decision on Racism and Xenophobia, Luxembourg, 19 April 2007. 8665/07 (Presse 84) [Электронный ресурс] // Council of the European Union, 2007. – URL: https://www.consilium.europa.eu/ueDocs/cms_Data/docs/pressData/en/misc/93739.pdf (дата обращения: 20.05.2020);

22. Council of the European Union. Joint Action of 15 July 1996 adopted by the Council on the basis of Article K.3 of the Treaty on European Union, concerning action to combat racism and xenophobia [Электронный ресурс] // EUR-Lex, 1996. – URL: <https://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=CELEX:31996F0443:EN:HTML> (дата обращения: 20.05.2020);

23. Council of the European Union. Warsaw Declaration of 23 August 2011 on the Occasion of the European Day of Remembrance for Victims of Totalitarian Regimes [Электронный ресурс] // Instytut Pamięci Narodowej, 2011. – URL: <http://www.ipn.gov.pl/download.php?s=2&id=1175> (дата обращения: 20.05.2020);

24. EuroClio. Dealing with the Past in History Education [Электронный ресурс] // EuroClio. – URL: <https://www.euroclio.eu/project/dealing-with-the-past-in-history-education/> (дата обращения: 20.05.2020);

25. EuroClio. Silencing Citizens Through Censorship [Электронный ресурс] // EuroClio. – URL: <https://www.euroclio.eu/project/silencing-citizens-through-censorship/> (дата обращения: 20.05.2020);

26. EUROM. Main page [Электронный ресурс] // EUROM. – URL: <https://europeanmemories.net/> (дата обращения: 20.05.2020);
27. European Capital of Culture. Compendium of recommendations from ex-post evaluations of European Capitals of Culture 2007-2016 [Электронный ресурс] // European Capital of Culture, 2018. – 14 p. – URL: https://ec.europa.eu/programmes/creative-europe/sites/creative-europe/files/files/ecoc-compendium-recommendations_en.pdf (дата обращения: 20.05.2020);
28. European Capital of Culture. European Capital of Culture 2024 in Austria. The Expert Panel's report –Pre-Selection stage [Электронный ресурс] // European Capital of Culture, 2019. – 15 p. – URL: <https://ec.europa.eu/programmes/creative-europe/sites/creative-europe/files/library/ecoc-2024-austria-preselection.pdf> (дата обращения: 20.05.2020);
29. European Capital of Culture. Summary of the European Commission conference “Celebrating 25 years of European Capitals of Culture”, Brussels, 23-24 March 2010 [Электронный ресурс] // 29. European Capital of Culture, 2010. – 16 p. – URL: https://ec.europa.eu/programmes/creative-europe/sites/creative-europe/files/library/capitals-culture-25-years-conclusions_en.pdf (дата обращения: 20.05.2020);
30. European Commission. Call for proposals — EACEA/33/2017. Europe for Citizens programme 2014-2020 [Электронный ресурс] // Official Journal of the European Union, 2017, 26 August. – P. 2824-2829. – URL: https://eacea.ec.europa.eu/sites/eacea-site/files/en_4.pdf (дата обращения: 20.05.2020);
31. European Commission. COMMISSION STAFF WORKING DOCUMENT on the Application of the EU Charter of Fundamental Rights in 2016 [Электронный ресурс] // Council of the European Union, 2017. – 117 p. – URL: <http://data.consilium.europa.eu/doc/document/ST-9511-2017-ADD-1/en/pdf> (дата обращения: 20.05.2020);
32. European Commission. Directorate-General for Education, Youth, Sport and Culture. European Capitals of Culture 2020 to 2033. A guide for cities preparing to bid [Электронный ресурс] // European Commission, 2017. – 34 p. – URL: https://ec.europa.eu/programmes/creative-europe/sites/creative-europe/files/capitals-culture-candidates-guide_en_vdec17.pdf (дата обращения: 20.05.2020);
33. European Commission. Education, Audiovisual and Culture Executive Agency. Europe for Citizens [Электронный ресурс]. – URL: https://eacea.ec.europa.eu/europe-for-citizens_en (дата обращения: 20.05.2020);

34. European Commission. Education, Audiovisual and Culture Executive Agency. Europe for Citizens. Europe for Citizens - European remembrance [Электронный ресурс]. – URL: https://eacea.ec.europa.eu/europe-for-citizens/strands/european-remembrance_en (дата обращения: 20.05.2020);
35. European Commission. Education, Audiovisual and Culture Executive Agency. Europe for Citizens. Project catalogue [Электронный ресурс]. – URL: <https://ec.europa.eu/programmes/europe-for-citizens/projects/> (дата обращения: 20.05.2020);
36. European Commission. Europe for Citizens programme. Strand 1 - European Remembrance. Selection 2014. List of projects granted [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.ff.umb.sk/app/cmsSiteAttachment.php?ID=2758> (дата обращения: 20.05.2020);
37. European Commission. Europe for Citizens programme infographics [Электронный ресурс]. – URL: https://ec.europa.eu/info/sites/info/files/infographics_final_04102019.pdf (дата обращения: 20.05.2020);
38. European Commission. Justice and Consumers. 10th Seminar on Combating Racism, Xenophobia and Antisemitism Joint Statement [Электронный ресурс] // European Commission, 2016. – URL: https://ec.europa.eu/newsroom/just/item-detail.cfm?item_id=51160&lang=EN (дата обращения: 20.05.2020);
39. European Commission. Justice and Consumers. Combating Antisemitism [Электронный ресурс]. – URL: https://ec.europa.eu/newsroom/just/item-detail.cfm?item_id=50144 (дата обращения: 20.05.2020);
40. European Commission. Horizon 2020 Work Programme 2016-2017. 13. Europe in a changing world –inclusive, innovative and reflective Societies [Электронный ресурс] // European Commission, 2017. – 139 p. – URL: http://ec.europa.eu/research/participants/data/ref/h2020/wp/2016_2017/main/h2020-wp1617-societies_en.pdf (дата обращения: 20.05.2020);
41. European Commission. Message by President Jean-Claude Juncker on the occasion of Holocaust Remembrance Day 2017 [Электронный ресурс] // European Commission, 2017. – URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/STATEMENT_17_148 (дата обращения: 20.05.2020);
42. European Commission. Message by President Jean-Claude Juncker on the occasion of Holocaust Remembrance Day 2018 [Электронный ресурс] // European

Commission, 2018. – URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/STATEMENT_18_393 (дата обращения: 20.05.2020);

43. European Commission. Migration and Home Affairs. Event "Taking stock of European Memory policies in 2019" [Электронный ресурс] // European Commission, 2019. – URL: https://ec.europa.eu/home-affairs/news/20191021_event-taking-stock-european-memory-policies-2019_en (дата обращения: 20.05.2020);

44. European Commission. Statement by First Vice-President Timmermans and Commissioner Jourová ahead of the Europe-Wide Day of Remembrance for the victims of all totalitarian and authoritarian regimes on 22 August 2019. [Электронный ресурс] // European Commission, 2019. – URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/statement_19_5411 (дата обращения: 20.05.2020);

45. European Commission. The Citizen's Effect. 25 features about the Europe for Citizens programme [Электронный ресурс] // European Commission, 2012. – URL: https://ec.europa.eu/citizenship/pdf/citizens_effect_en.pdf (дата обращения: 20.05.2020);

46. European Commission – Statement. Message by President Jean-Claude Juncker to the Jewish community on the occasion of Holocaust Remembrance Day 2016 [Электронный ресурс] // European Commission, 2016. – URL: https://ec.europa.eu/justice/fundamental-rights/files/statement_juncker_27_01_2016_en.pdf (дата обращения: 20.05.2020);

47. European Commission – Statement. Roma Holocaust Memorial Day: Statement by First Vice-President Timmermans and Commissioner Jourová on 31 July 2015 [Электронный ресурс] // European Commission, 2015. – URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/STATEMENT_15_5444 (дата обращения: 20.05.2020);

48. European Parliament. Declaration of the European Parliament of 10 May 2012 on support for the establishment of a European Day of Remembrance for the Righteous [Электронный ресурс] // EUR-Lex, 2012. – URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/HR/TXT/?uri=CELEX:52012XP0205> (дата обращения: 20.05.2020);

49. European Parliament. Declaration of the European Parliament of 23 September 2008 on the proclamation of 23 August as European Day of Remembrance for Victims of Stalinism and Nazism [Электронный ресурс] // European Parliament, 2008. – URL:

<http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?type=TA&reference=P6-TA-2008-0439&language=EN> (дата обращения: 20.05.2020);

50. European Parliament. Directorate-General for internal policies. European historical memory: policies, challenges and perspectives [Электронный ресурс] // European Parliament, 2015. – 46 p. – URL: https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/STUD/2015/540364/IPOL_STU%282015%29540364_EN.pdf (дата обращения: 20.05.2020);

51. European Parliament. European Parliament resolution of 12 May 2005 on the sixtieth anniversary of the end of the Second World War in Europe on 8 May 1945 [Электронный ресурс] // European Parliament, 2005. – URL: <http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?pubRef=-//EP//TEXT+TA+P6-TA-2005-0180+0+DOC+XML+V0//EN&language=EN> (дата обращения: 20.05.2020);

52. European Parliament. European Parliament resolution of 13 January 1983 on the Baltic States [Электронный ресурс] // European Parliament, 1983. – URL: http://www.letton.ch/lvx_eur2.htm (дата обращения: 20.05.2020);

53. European Parliament. European Parliament resolution of 15 April 2015 on the occasion of International Roma Day – anti-Gypsyism in Europe and EU recognition of the memorial day of the Roma genocide during World War II [Электронный ресурс] // EUR-Lex, 2015. – URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:52015IP0095&from=EN> (дата обращения: 20.05.2020);

54. European Parliament. European Parliament resolution of 15 March 1993 on European and international protection for Nazi concentration camps as historical monuments [Электронный ресурс] // EUR-Lex, 1993. – URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/ALL/?uri=CELEX%3A51993IP0208> (дата обращения: 20.05.2020);

55. European Parliament. European Parliament resolution of 18 September 2019 on the importance of European remembrance for the future of Europe [Электронный ресурс] // European Parliament, 2019. – URL: http://www.europarl.europa.eu/doceo/document/RC-9-2019-0097_EN.html (дата обращения: 20.05.2020);

56. European Parliament. European Parliament resolution of 2 April 2009 on European conscience and totalitarianism [Электронный ресурс] // European Parliament, 2009. – URL: <http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?pubRef=-//EP//TEXT+TA+P6-TA-2009-0213+0+DOC+XML+V0//EN&language=EN> (дата обращения: 20.05.2020);

57. European Parliament. European Parliament resolution of 20 November 2002 on the progress made by each of the candidate countries towards accession [Электронный ресурс] // European Parliament, 2002. – URL: <http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?pubRef=-//EP//TEXT+TA+P5-TA-2002-0536+0+DOC+XML+V0//EN&language=EN> (дата обращения: 20.05.2020);
58. European Parliament. European Parliament resolution of 25 October 2018 on the rise of neo-fascist violence in Europe [Электронный ресурс] // European Parliament, 2018. – URL: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/TA-8-2018-0428_EN.html?redirect (дата обращения: 20.05.2020);
59. European Parliament. European Parliament resolution of 26 May 2005 on EU-Russia relations [Электронный ресурс] // European Parliament, 2005. – URL: <http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?pubRef=-//EP//TEXT+TA+P6-TA-2005-0207+0+DOC+XML+V0//EN&language=EN> (дата обращения: 20.05.2020);
60. European Parliament. European Parliament resolution of 27 January 1995 on remembrance of the Holocaust, anti-semitism and racism [Электронный ресурс] // European Parliament, 1995. – URL: <http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?pubRef=-//EP//TEXT+TA+P6-TA-2005-0018+0+DOC+XML+V0//EN&language=EN> (дата обращения: 20.05.2020);
61. European Parliament. European Parliament resolution of 28 April 2005 on the situation of the Roma in the European Union [Электронный ресурс] // European Parliament, 2005. – URL: <http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?pubRef=-//EP//TEXT+TA+P6-TA-2005-0151+0+DOC+XML+V0//EN&language=EN> (дата обращения: 20.05.2020);
62. European Parliament. European Parliament resolution of 3 July 1995 on a day to commemorate the Holocaust [Электронный ресурс] // EUR-Lex, 1995. – URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/HTML/?uri=CELEX:51995IP0866&from=EN> (дата обращения: 20.05.2020);
63. European Parliament. Jean Monnet House [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.europarl.europa.eu/visiting/en/visitor-offer/other-locations/jean-monnet-house> (дата обращения: 20.05.2020);
64. European Parliament. The European Union and Holocaust remembrance [Электронный ресурс] // European Parliament, 2020. – 6 p. – URL: [http://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2018/614662/EPRS_BRI\(2018\)614662_EN.pdf](http://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2018/614662/EPRS_BRI(2018)614662_EN.pdf) (дата обращения: 20.05.2020);

65. European Parliament Think Tank. The European Union and Holocaust remembrance [Электронный ресурс] // European Parliament, 2020. – URL: [http://www.europarl.europa.eu/thinktank/en/document.html?reference=EPRS_BRI\(2018\)614662](http://www.europarl.europa.eu/thinktank/en/document.html?reference=EPRS_BRI(2018)614662) (дата обращения: 20.05.2020);
66. European Union. Culture in the European Union [Электронный ресурс]. – URL: https://europa.eu/european-union/topics/culture_en (дата обращения: 20.05.2020);
67. European Union. Education, Training and Youth [Электронный ресурс]. – URL: https://europa.eu/european-union/topics/education-training-youth_en (дата обращения: 20.05.2020);
68. European Union. Justice and Fundamental Rights [Электронный ресурс]. – URL: https://europa.eu/european-union/topics/justice-home-affairs_en (дата обращения: 20.05.2020);
69. European Union. Human rights and democracy [Электронный ресурс]. – URL: https://europa.eu/european-union/topics/human-rights_en (дата обращения: 20.05.2020);
70. European Union. Transparency Register. Mémorial de la Shoah [Электронный ресурс]. – URL: <http://ec.europa.eu/transparencyregister/public/consultation/displaylobbyist.do?id=051882426608-69&locale=en&indexation=true> (дата обращения: 20.05.2020);
71. European Union Agency for Fundamental Rights. Excursion to the past – teaching for the future: Handbook for teachers, 2010. – 52 pp. [Электронный ресурс]. – URL: https://fra.europa.eu/sites/default/files/fra_uploads/1218-Handbook-teachers-holocaust-education_EN.pdf (дата обращения: 20.05.2020);
72. European Union Agency for Fundamental Rights. Fundamental Rights and Holocaust remembrance [Электронный ресурс] // European Union Agency for Fundamental Rights, 2015. – URL: <https://fra.europa.eu/en/news/2015/fundamental-rights-and-holocaust-remembrance> (дата обращения: 20.05.2020);
73. European Union Agency for Fundamental Rights. Toolkit on the Holocaust and Human Rights Education in the EU [Электронный ресурс]. – URL: <https://fra.europa.eu/fraWebsite/toolkit-holocaust-education/index.htm> (дата обращения: 20.05.2020);
74. FranceArchives. Le Haut Comité aux Commémorations nationales (2018) [Электронный ресурс] // FranceArchives, 2018. – URL: <https://francearchives.fr/article/38299> (дата обращения: 20.05.2020);

75. Glatt, B. Antisemitism never disappeared in Europe, commission rep says [Электронный ресурс] // The Jerusalem Post, 2017. – URL: <https://www.jpost.com/Christian-News/Antisemitism-never-disappeared-in-Europe-commission-rep-says-514202> (дата обращения: 20.05.2020);
76. HERA. Accessing Campscapes: Inclusive Strategies for using European Conflicted Heritage Sites [Электронный ресурс]. – URL: <http://heranet.info/projects/hera-2016-uses-of-the-past/accessing-campscapes-inclusive-strategies-for-using-european-conflicted-heritage-sites/> (дата обращения: 20.05.2020);
77. HERA. Uses of the Past (2016-2019) [Электронный ресурс]. – URL: <http://heranet.info/projects/hera-2016-uses-of-the-past/> (дата обращения: 20.05.2020);
78. House of European History. Europe in ruins [Электронный ресурс]. – URL: <https://historia-europa.ep.eu/en/permanent-exhibition/europe-ruins> (дата обращения: 20.05.2020);
79. House of European History. Main Page [Электронный ресурс]. – URL: <https://historia-europa.ep.eu/en/welcome-house-european-history> (дата обращения: 20.05.2020);
80. International Holocaust Remembrance Alliance. Committee on the Genocide of the Roma. Roma Genocide: Overview of international organisations working on historical and contemporary issues [Электронный ресурс] // International Holocaust Remembrance Alliance, 2015. – 37 p. – URL: <https://www.holocaustremembrance.com/sites/default/files/overview.pdf> (дата обращения: 20.05.2020);
81. Krbatová, L. Lajčák odsúdil pút', ktorá má velebit' Tisa [Электронный ресурс] // Pravda, 2013. – URL: <https://spravy.pravda.sk/domace/clanok/277766-lajcak-odsudil-put-ktora-ma-velebit-tisa/> (дата обращения: 20.05.2020);
82. Kubosova, L. Parliament approves plan to promote EU citizenship [Электронный ресурс] // EUobserver, 2006. – URL: <https://euobserver.com/social/21320> (дата обращения: 20.05.2020);
83. La Repubblica. La giornata europea dei Giusti contro i crimini e totalitarismi [Электронный ресурс] // La Repubblica, 2012. – URL: https://www.repubblica.it/solidarieta/diritti-umani/2012/03/05/news/la_giornata_europea_dei_giusti_contro_i_crimini_e_totalitarismi-30993461/ (дата обращения: 20.05.2020);

84. La Repubblica. Un concerto per non dimenticare le radici della Foresta dei Giusti [Электронный ресурс] // La Repubblica, 2012. – URL: https://www.repubblica.it/esteri/2012/03/29/news/giusti_concerto_nissim-32422561/ (дата обращения: 20.05.2020);
85. Liberté pour l’Histoire. Appel de Blois [Электронный ресурс] // Le Monde, 2008. – URL: https://www.lemonde.fr/idees/article/2008/10/10/appel-de-blois_1105436_3232.html (дата обращения: 20.05.2020);
86. MELA. Legal database [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.melaproject.org/legal-database> (дата обращения: 20.05.2020);
87. Muzeum II Wojny Światowej w Gdańsku [Электронный ресурс]. – URL: <https://muzeum1939.pl> (дата обращения: 20.05.2020);
88. Muzeum II Wojny Światowej w Gdańsku. Exhibition for children ‘Time travel’ [Электронный ресурс]. – URL: <https://muzeum1939.pl/en/exhibition-children-time-travel/844.html> (дата обращения: 20.05.2020);
89. Muzeum II Wojny Światowej w Gdańsku. Permanent exhibition. About the exhibition [Электронный ресурс]. – URL: <https://muzeum1939.pl/en/permanent-exhibition-about-exhibition/840.html> (дата обращения: 20.05.2020);
90. Muzeum II Wojny Światowej w Gdańsku. The horrors of war [Электронный ресурс]. – URL: <https://muzeum1939.pl/en/horrors-war/842.html> (дата обращения: 20.05.2020);
91. Muzeum II Wojny Światowej w Gdańsku. The road to war [Электронный ресурс]. – URL: <https://muzeum1939.pl/en/road-war/841.html> (дата обращения: 20.05.2020);
92. Muzeum II Wojny Światowej w Gdańsku. The war's long shadow [Электронный ресурс]. – URL: <https://muzeum1939.pl/en/wars-long-shadow/843.html> (дата обращения: 20.05.2020);
93. Party of European Socialists. As we celebrate... [Электронный ресурс] // Official Twitter account of Party of European Socialists, 2019. – URL: https://twitter.com/PES_PSE/status/993428336360722433 (дата обращения: 20.05.2020);
94. Prague Conference “European Conscience and Communism”. Prague Declaration of 3 June 2008 on European Conscience and Communism [Электронный ресурс] // Prague Declaration, 2008. – URL: <https://web.archive.org/web/20081209014215/http://www.praguedeclaration.org/> (дата обращения: 20.05.2020);

95. Sassoli, P. Speech by President Sassoli of 3 July 2019 [Электронный ресурс] // European Parliament, 2019. – URL: <https://europarl.europa.eu/the-president/home/ep-newsroom/pageContent-area/newsroom/speech-by-president-sassoli.html> (дата обращения: 20.05.2020);
96. Standard Eurobarometer 89. Spring 2018. Standard Eurobarometer 89. Spring 2018. – 96 p. [Электронный ресурс]. – URL: <https://ec.europa.eu/commfrontoffice/publicopinion/index.cfm/ResultDoc/download/DocumentKey/83538> (дата обращения: 20.05.2020);
97. The European Council on Tolerance and Reconciliation. Main page [Электронный ресурс]. – URL: <http://ectr.eu/> (дата обращения: 20.05.2020);
98. The International Raoul Wallenberg Foundation. March 6th, European Day of the Righteous [Электронный ресурс] // The International Raoul Wallenberg Foundation, 2014. – URL: <https://www.raoulwallenberg.net/saviors/march-6th-european-day-of-the-righteous/> (дата обращения: 20.05.2020);
99. UN General Assembly. Resolution adopted by the General Assembly on 1 November 2005. 60/7. Holocaust remembrance [Электронный ресурс] // UN General Assembly, 2005. – URL: http://www.un.org/en/ga/search/view_doc.asp?symbol=A/RES/60/7 (дата обращения: 20.05.2020);
100. United States Holocaust Memorial Museum. Холокост - Анимированные карты. Распределение еврейского населения в Европе, припл. 1933 г. [Электронный ресурс]. – URL: <https://encyclopedia.ushmm.org/content/ru/gallery/introduction-to-the-holocaust-maps?parent=ru%2F72> (дата обращения: 20.05.2020).